

Чернец

Повесть Виктора Егорова

Господи, открой мне волю Твою для меня и окружающих меня
(из молитвы последних Оптинских старцев).

Глава 1

Женщина ждала его у входа в банк на углу улиц Мориса Тореза и Республики. Из разговора по телефону он понял, что ей лет сорок пять, у нее взрослая дочь и муж, который живет отдельно. По его поводу они и должны были сейчас встретиться. Он шел к зданию банка и ругал себя. Ему не хотелось оказывать ей услугу. Совсем недавно он в очередной раз поклялся никогда никому не оказывать подобных услуг. Но вот опять раздался звонок, опять ему назвали фамилию областного начальника, который его «рекомендовал», конечно же признались, что преклоняются перед его даром и – он в очередной раз сдался:

-Хорошо, я согласен, где и когда?

Было уже около одиннадцати вечера. В это время он обычно ложился спать. Но женщина оказалась нетерпеливой и, разумеется, ее жгло любопытство. Хотелось знать дату, когда с мужем произойдет то самое, чего она давно ждала и к чему начала заранее готовиться. Она сказала, что приедет немедленно и надолго его не задержит.

Наверное, это был первый ласковый вечер нынешней весной, когда снег исчез и, уже высохло, и можно пройтись по городу, не ежась от холода и даже посидеть на скамейке.

Напротив банка в небольшом скверике стояли три подростка, один держал в руке бутылку пива, часто прикладывая горлышко к губам, а два других ничего не пили, о чем-то говорили друг с другом и громко смеялись.

На ступеньках банка он заметил женщину, сразу понял, что это она, но смотреть в ее сторону не стал. Его внимание приковал парень с бутылкой. Юноша был немного пьян и постоянно вертел головой, разглядывая всех, кто шел по улице Республики. Когда на другой стороне улице показалась девушка с длинными распущенными волосами в короткой курточке, короткой юбке и в коротких сапожках на высоком каблуке, юноша замахал ей рукой и крикнул:

-Красавица, иди к нам!

« Через неделю его заберут в армию, из которой он уже не вернется» - всплыла в его мозгу эта словесная фраза. Ему совершенно не хотелось думать сейчас о судьбе парня. Он попытался отвлечься, повернул голову в сторону банка и побрел к ждущей его женщине. «Парень сторит в машине? Это произойдет на Юге? Машина взорвется?» - отвлечься не удалось, и вопросы появлялись один за другим. Он остановился и закрыл глаза. – Вроде, нет. Перевернется. Водитель с его призыва, этот выскочит первым. Остальные будут выползать из под брезентового тента, забыв свои автоматы и каски. Когда машина загорится, все удивятся и обрадуются, что по ним никто не стреляет. А про этого парня вспомнят, когда в машине начнут щелкать патроны в автоматных « рожках»...

-Здравствуйте, меня зовут Людмила Васильевна, это я вам звонила. Я сразу, как вас увидела, поняла, что это вы. А меня вы, наверное, не заметили, вы остановились и совсем в другую сторону смотрели... Женщина. Он с трудом сосредоточился на ней. Смотрит прямо на него, улыбается. Губы пухлые, сочные. Лицо симпатичное, но излишне пухлое, а живот – чересчур пухлый. Куртка расстегнута, потому что она ее застегнуть не может. На животе спортивные брюки. Почему поздно вечером она в спортивных брюках? Забыл, она ведь по телефону говорила, что приедет после боулинга и сауны.

- Здравствуйте! – ответил он и не стал больше ничего добавлять. Его молчание ее не удивило. Видимо предупредили, что собеседник будет со странностями и в общении с дамами грубоват.

-Где мы будем разговаривать? Может быть, лучше сядем в мою машину?- спросила женщина.

- Сядем и поедем.

- Куда поедем?- она забеспокоилась.

- К вам домой. Где машина?- он посмотрел в сторону цветочного магазина, рядом с которым было припарковано несколько легковушек.

- Вон та, крайняя,- показала она рукой и замолчала.

Он подошел к машине и остановился около пассажирской двери.

Женщина немного отстала, потом долго искала ключ. Наконец, нашла его в карманчике спортивных брюк, но никак не могла попасть ключом в замок. «Руки затряслись - подумал он,- значит, все-таки волнуется. Ей очень захотелось узнать, когда умрет муж. Понимает, что нехорошее это дело, интересоваться датой смерти супруга. Ну, зачем ей это знать? Что, ее жизнь от этого станет лучше? Да она у нее вообще уже никогда не станет лучше. И так сейчас одна, а потом будет знать,

что одна - навсегда. Впрочем, возможно, дела мужа не так уж и плохи, увидим». Ему захотелось, чтобы муж оказался бодрячком и жил долго.

Глава 2

Она уверенно вела машину по ночному городу. Он не стал спрашивать, где она живет, и теперь смотрел по сторонам, чтобы понять, куда едет. Улица Профсоюзная, мост через реку, повернули направо потом налево, затем внутрь во дворы. Остановились перед единственным подъездом девятиэтажной «свечки», у которой светило в этот час всего два окна.

- Это улица Ватутина?- спросил он.

- Нет, это Ветеранов труда. Такой дом один во всем городе, строили как общежитие, а потом переделали и сдали как обычный многоквартирный. Вы не обращайте внимания, у нас не убирают...

- Ветеранов труда этим не удивишь, - сказал он и первым открыл дверьцу ее новенькой «Лады-Калины».

В коридоре подъезда было совершенно темно, но она шла по нему уверенно и быстро. Он услышал звук поехавшего откуда-то сверху лифта.

-Идите сюда на звук, – посоветовала женщина.

Лифт доехал до первого этажа, но его двери не открылись. Кабина, похоже, немного промахнулась и теперь пыталась попасть на нужный уровень, подпрыгивая и резко тормозя. Наконец, двери с шумом расплзлись в стороны. Вместо кабинки он видел только черноту.

- У нас если свет не горит, то везде. Я уже зашла, идите сюда,- женщина говорила почти шепотом где-то в черноте. Он сделал шаг, стукнулся плечом о стенку, сделал еще один шаг в сторону и уткнулся в ее живот.

-Извините, - прошептал он.

- Не бойтесь, доедем! – почему-то громко сказала она и уже намного тише продолжила говорить, чтобы не ехать молча.– Соседская девчонка всю зиму со своим парнем в этом лифте каталась. Окна на площадках выбиты, а здесь тепло.

Он еще не знал, кем и где работает эта женщина, но понял, человек она решительный.

На седьмом этаже свет горел. Она подошла к двери своей квартиры, быстро открыла ее, повернулась к нему и сказала:

-Я никого в гости не ждала. Прошу прощения, но у меня две кошки.

В квартире, как и положено, был беспорядок. Он уже давно пришел к выводу, что все женщины неряшливы и наводят марафет исключительно по принуждению или в том случае, когда не хотят, чтобы о них мужчины подумали плохо в начале знакомства. Она быстро убрала со столика в прихожей скомканные темно-серые колготки, задвинула под полочку рваные цветастые тапки, повесила на крючок куртку, до этого висевшую на дверной ручке, пошла, не снимая кроссовок, на кухню и оттуда спросила:

- Мы ведь чай будем пить или что?

Он снял ботинки и, осторожно ступая, тоже пошел на кухню. Пол был покрыт крошками и кошачьими волосами.

- Зря вы их сняли. Я сегодня не успела подмести, - она показала рукой на стул и продолжила вынимать из раковины чашки, мыть и протирать их желтоватой тряпкой. Немытые тарелки оставила лежать стопкой в углу раковины. Только когда на столе появились две чашки с блюдечками, две рюмки, ваза с конфетами и чайник-заварник, она предложила ему снять куртку и ушла переодеваться в соседнюю комнату. Обе кошки явились на кухню и уставились на него. Они смотрели не мигая. У рыжей хвост был пушистый, и он торчал вертикально чуть подрагивая. У черно-белой хвост вытянулся вдоль пола, а кончик резко изгибался то в одну сторону, то в другую. «Я уйду. Скоро» - сказал он им чуть слышно. Кошки замигали, потом одновременно повернулись и побежали к хозяйке.

От водки он отказался, потому что пить с ней ему было неинтересно, а чай лишь хлебнул из чашки, пока напиток был горяч и свеж. Он уже понял, что сегодня ничем не сможет ей помочь, и хотел быстрее откланяться. В этой квартире ее муж никогда не был. А значит, и он зря сюда приехал.

- Вот, теперь вы знаете, где я живу,- она присела на круглую банкеточку с другой стороны стола и стала ждать, что же он ей скажет.

- Кем вы работаете, Людмила Васильевна?

- Бухгалтером.

- В фирме мужа?

- Нет, у его конкурентов.

- У вас с мужем одна фамилия?

- Пока одна. Мы же не разводились.

- Какая?

- Его зовут Виктор Корнеев

Он часто слышал эту фамилию. О человеке, который скупал в городе все подряд, говорили многие. Все, что покупал Корнеев, быстро

перестраивалось и начинало сверкать. Стремительные перемены обсуждали, но редко кто искренне восхищался деловыми качествами этого Корнеева. Чаще всего люди просто недоумевали, как их земляк, который никогда не был ни в партии, ни в райисполкоме, вдруг стал таким богатым. Только что он продавал в железном киоске пиво и шашлыки, а теперь у него рестораны, магазины и загородные базы отдыха. Когда успел? Где деньги взял? Кто позволил так широко развернуться?

Все рестораны и магазины Корнеева назывались одинаково: «Золотая страна». А супруга хозяина этой страны сидела сейчас в грязной кухне дешевой малогабаритной квартиры в доме коридорного типа.

- Вы как оказались здесь среди ветеранов труда?

- Виктор купил ее в подарок дочери на день рождения. Дочь учится в Москве, я взяла у нее ключи. Третий год живу и третий год жду, - она сделала паузу и затем, видимо, собиралась объяснить, чего именно она ждет третий год, но догадалась, что он ее понял.

- Мне нечего вам сказать.

- Как нечего? – видно было, что она искренне удивлена.

- Он-то здесь не жил и никогда сюда не приходил.

- Ну, а как тогда, что для этого надо?

- Лучше всего, чтобы ваш муж с кем-нибудь говорил, а я в это время просто его слушал и смотрел на него.

- А, ясно, - сказала она с разочарованием в голосе.- Хорошо, я подумаю.

Она вызвала для него такси и проводила его вниз до выхода из подъезда. Расстались они, не сказав друг другу ни прощай, ни до свидания.

Глава 3

Вернувшись домой, он быстро разделся и разложил одежду по своим местам. Брюки – на плечики в правую половинку шкафа, футболку – на полку в левую, носки – около синих пляжных сланцев под кроватью. Часы положил у зеркала, телефон на тумбочку рядом с подушкой. У него всегда все лежало на одном и том же месте годами. Если ночью в доме отключалось электричество, он мог встать и легко одеться на ощупь.

Уже несколько лет он жил совершенно один. Раньше к нему иногда заходили сослуживцы, чаще зимой, когда, выпив на работе для приличия по чуть-чуть, всем хотелось нажраться как следует, но – не на

виду. В последнее время он всех знакомых настоятельно просил предварительно позвонить. Когда они звонили, он говорил, что к нему - нельзя. Некоторые из тех, кого он знал очень давно и с кем был раньше особенно дружен, несколько раз приходили без предупреждения, принося пиво, водку и закуску. Он пускал их в свою старенькую квартиру, но пить наотрез отказывался и какой-либо разговор на всякие животрепещущие темы не поддерживал. Без рюмки эти гости с ним по душам говорить не могли. Необъявленные визиты прекратились. Он сидел на кровати и смотрел на ту часть комнаты, где на книжной полке в один длинный ряд были поставлены к стене иконы. Свет в комнате был потушен, но с улицы в комнату попадал луч фонаря, поэтому он различал силуэты на каждой из икон. У него была привычка лежать на кровати и перед сном смотреть на очертания образов. Так он и молился – лежа. И крестился, не шевеля рукой, только лишь представляя, как он прикасается ко лбу и плечам. Потом закрывал глаза и когда снова открывал, было уже утро. Снов он не помнил. Иногда молитвы перед сном получались хорошие. Слова без запинки подбирались сами собой, и сердце было благодарно, что он словами передал то, что оно чувствовало. А иногда ничего не получалось. Интонация выходила фальшивой, не от души. Он в такие вечера не молился вовсе, только благодарил Бога за все и виновато заканчивал: прости меня, ладно?

В эту ночь ему важно было услышать прямо сейчас, сию минуту, осуждают ли его действия божественные лики. «Зачем ты к ней поехал? – спрашивал он у себя, зная, что себе он обязательно скажет правду.- Почувствовал себя важным, да? Тебе позвонили, тебя рекомендовали... Кто рекомендовал то, праведник великий или творческий гений, или уважаемый во всем мире человек? Нет, обычный человек. Должность у него, конечно, большая, первый зам губернатора, ну и что, чем тут гордиться? Зачем бежать к ней, почему нельзя сразу сказать нет? Выслужиться хотел. Не перед ней, а перед тем, большим.... Хотел, хотел, не отрицай. Денег тоже хотел». Иногда ему давали деньги и немалые. Не сразу, а потом, когда все происходило, и на него начинали смотреть как на главного исполнителя тайных пожеланий. Так получалось несколько раз, но – давно. В последнее время им никто не интересовался. Он спокойно жил на зарплату, которая, кстати, была выше средней. Однако звонок мгновенно расшевелил воспоминания, как он складывал пачки в пакет и шел с этим пакетом по улице, поглядывая на встречных прохожих и чувствуя свое превосходство: им надо было год работать ради такого

пакетика. «Денег, дружище, больших захотелось, ностальгировать по ним стал, так? Так».

Хотя он сказал себе правду, на душе легче не стало. Значит, оставалось признаться в самом главном – если он окажет услугу этой женщине, случится то, чего он давно боится. Опять кто-то из его близких знакомых умрет.

Он лег боком на кровать, повернув голову к стене, чтобы не видеть образы на иконах. «Может, она больше не позвонит? - хотел он успокоить себя, - Позвонит и, причем, очень скоро. Господи, подскажи, что мне делать, и прости ты меня!» - произнес он на всякий случай слова заключительной молитвы и улыбнулся: «Молодец, опять все перевалил на Бога. Ты, мол, решай, а я пока посплю». И он действительно заснул.

Глава 4

Громкий звонок у самого уха разбудил его мгновенно. В комнате было еще темно. Он потянулся за трубкой и не сразу сообразил, сейчас ночь или утро. Когда подносил трубку к уху, честно говоря, думал, что кто-то ошибся номером, и поэтому успел ругнуть себя, что не отключил телефон.

- Извините, если я позвонила слишком рано,- говорила женщина, голос которой он сразу узнал,- Вы можете к семи утра подъехать к офису моего мужа?

- Завтра?

- Почему завтра, - засмеялась она, - Сегодня. Уже пять утра. Я хотела еще вчера позвонить, я ведь договорилась о том, что вы просили. Вы будете только смотреть и слушать...

Он ничего не сказал в ответ и положил трубку. И тут же спросил у себя: зачем положил? Вспылил, что его разбудили? Только поэтому? Она обязательно перезвонит. Что он ей скажет, что решил отказаться?

В семь утра, в семь утра.... Как все быстро покатилося.... Посмотреть на Виктора Корнеева и послушать.... А почему, собственно, нет?

Никогда его раньше не видел. Как, кстати, выглядит, самый удачливый и богатый? Он понял, что не откажется, что ему интересно и уже внутри его все готово к этому. Утром он очень быстро и легко принимал решения. Поэтому старался свой ответ, свою точку зрения по любой жизненной проблеме отложить до утра, даже когда его сильно просили вечером ответить немедленно.

Мог бы отказаться, уже бы сделал это. Теперь ясно, что не может,

потому что не хочет. Если она не перезвонит через пять минут, он сам наберет ее номер. Получилось так, как бывало много-много раз: он послушал себя, осознал, что делает что-то мерзенькое, но раз в душе не зажегся стоп-сигнал отвращения, значит душе видней, и надо это мерзенькое исполнить. Свою душу он боготворил, считая ее стремления и пожелания голосом небес. Ему так было удобнее жить. Исчезала необходимость выбирать, не так горько было, когда его поступки приводили к обидным, а иногда и отвратительным результатам. Самое трудное в жизни – винить себя. Он давно привык винить Его. Вернее, соглашаться с Ним и полностью подчиняться Ему. Он был твердо уверен, что слышит именно Его голос, а не беса-чреовещателя.

Второй звонок оказался долгожданным, и его звук поднял ему настроение.

- Людмила Васильевна, что вы говорили насчет семи часов, куда надо подойти?- быстро говорил он в трубку, даже не спросив, кто звонит.

- К банку. Я ему описала, как вы выглядите.

- Кому описали?

- Нашему юристу. Его зовут Анатолий Петрович. Он не знает, для чего вы будете участвовать в переговорах. Так что вы ему ничего и не говорите. Пусть думает, что вы – эксперт.

-Хорошо.

- Потом меня наберите, если.... – она сбилась и стала подбирать подходящие слова, - если вам откроется, ну, видение будет...

- Обязательно.

Он положил трубку и легко встал с кровати на ноги. Кровать у него была сделана из досок, точнее, это была обычная кровать, на которую он положил доски. Нашел их на стройке рядом с домом, там же распилил, не опасаясь сторожа, потому что подарил ему пачку сигарет, заволок на свой третий этаж и эти не совсем чистые и не струганные доски засунул под матрац. С такого сундука вставать гораздо проще, чем на него ложиться.

Пока пил чай, умывался, собирался, заметил, что ни одна вещь не выпала у него из рук. Часто бывало так: берет носки, один обязательно вывалится и полетит на пол. Заходит в ванну, плечом заденет полотенце на крючке, оно сорвется и упадет вниз. Так неохота наклоняться за ним. Когда наливает чай, фарфоровая крышка чайника сбulyкает в кружку, и брызги бурыми пятнами разлетятся по клеенке на столе. Брызги и крошки на столе он не переносил, начинал вытирать их тряпкой, цеплял при этом вилку, и та, сверкнув, исчезала со стуком куда-то под стол.

Приходилось нагибаться и искать ее. Нагибаться он не любил. Не потому, что гордый, просто спина побаливала. Да и лень. И так целый день. В автобусе из рук выскользнула монетка, когда к нему приближался кондуктор. Хочешь не хочешь, а надо искать ее, потому что это за чужой денежкой можно не кланяться, а за своей надо на коленях ползать. Так ему говорил его дед старовер. Он и ползал на глазах у пассажиров, которые, наверное, полагали, что он свой последний рубль потерял, и теперь его высалят как безбилетника. Откуда им было знать, что дед Роман внушил ему на всю жизнь: поленишься упавшую родную копеечку подобрать, потеряешь все, что заработал и накопил. На службе в такой день тоже все валилось из рук в прямом и переносном смысле, а вечером в квартире исчезала горячая вода.

Сегодня бесы и бесенята с ним не играли. Он был явно умнее их и дальновиднее. Еще когда брал носки, сразу проконтролировал, чтобы пальцы зажали в руке оба носка. И поэтому ни один не упал. Полотенце заранее придержал рукой, крышку чайничка придавил пальцем, а когда брал сахар ложечкой, предусмотрительно пододвинул чашку к сахарнице. Ни одной крупинки не рассыпал! Это был рекорд недели. Его каждое утро нервировал сахар, который справедливо называли в народе рассыпным. Он у него рассыпался каждое утро семь раз в неделю. Приходилось аккуратно сгребать его тряпкой со стола, затем подметать на полу, и все равно крупинки противно хрустели под ногами. Не помогло даже то, что несколько месяцев подряд он покупал сахар-рафинад кубиками. Когда заканчивался последний кубик, и пачку надо было выбросить в мусорный мешок, она падала мимо мешка, и остатки сахара белой пылью разлетались по полу.

Сегодняшний день начинался легко. Он не только предвидел, какая мелкая неприятность может с ним приключиться, но и успешно предпринял адекватные предупредительные действия. Он улыбнулся и окончательно уверовал, что и решение, которое он принял, тоже адекватно его мироощущению, миропониманию, мировоззрению и вообще всем понятиям и терминам, начинающимся со слова – мир. Он совершенно не сомневался, что Виктору Корнееву ничего в ближайшее время не грозит, а раз так, значит, знакомство с ним будет просто любопытным эпизодом. Денег этот эпизод ему не принесет, ну и ладно. Сейчас совершенно не хотелось думать о деньгах. Утром они теряли для него свою притягательность.

Юрист Анатолий Петрович просигналил ему из машины точно в 6. 30. У него тоже была «Лада-Калина», и она стояла точно там же за углом банка напротив цветочного салона. Юрист, видимо, считал себя невероятно пунктуальным человеком. Он наверняка видел, что на ступеньке банка стоит субъект, в точности соответствующий описанию, но голоса раньше времени не подал.

Зато вежливости ради вышел из машины, поздоровался и сам открыл дверцу. «Надо же, как мы себя уважаем и ценим, - подумал он о юристе, когда машина поехала,- это, мол, не я, а вы виноваты, что приперлись раньше установленной высокими договаривающимися сторонами даты и времени встречи. Проявили, мол, недоверие, чем оскорбили профессионала.

Юристу еще не было тридцати. В салоне белела только его рубашка, все остальное чернело: длинное, уходящее вниз салона пальто, костюм, брюки со стрелками на коленях и остроносые туфли на педалях. Туфли слегка поблескивали. «Лаковые - зацепился он мысленно за эти туфли,- У меня таких остроносых и лаковых никогда не будет». Он, естественно, давно мог купить себе такие парадно-выходные штиблеты, но знал, что они не соответствуют всему остальному, что он привык напяливать на себя. Он любил все широкое и бесформенное. Плащи, куртки, брюки, футболки и даже трусы у него были огромных размеров, хотя сам был среднего роста, всего то 174 сантиметра в высоту. И ведь толстым не был, а тем не менее покупал такие страшные вещи. Он не мог терпеть, когда одежда стягивала и давила. По этой же причине на нем были надеты ботинки, длиннее его стопы чуть не на десять сантиметров. Хотя физически он был очень силен и в молодости провел в спортзалах побольше времени, чем многие поджарые и подтянутые седовласые «полтинники», выглядел он во всех своих тряпках и обувках непривлекательно и намного старше своих лет. К тому же он сам пришивал пуговицы и при этом брал нитки любого цвета, какие первыми попали под руку, а разъехавшиеся швы на одежде стягивал исключительно белыми нитками, потому что они капроновые, очень крепкие и еще потому, что качественных ниток другого цвета у него не имелось. Вся одежда его, а может и не только одежда, может, и все мысли его и чувства были шиты белыми нитками. Иногда он был уверен, что является очень хорошим человеком, даже образцом самого хорошего из всех хороших, а через минуту впадал в отчаяние от мысли, что он законченный гад. Он не был уверен в себе, постоянно сомневался в правильности своих поступков и слов, и очень часто

ощущал бессмысленность и даже вредность своего существования на планете.

Знакомые женщины не делали ему замечаний и никогда не давали советов, как и во что ему одеться. Они знали, что если он во что-то «влезет», то будет ходить в этом, пока не заносит до дыр. И даже с дырами еще появится несколько раз. Не знакомые женщины или те, кто познакомился с ним недавно, не решались высказать свое мнение об его внешнем виде: ни с кем из них он не переходил к более доверительным и дружеским отношениям. Со всеми всегда был на вы. А те, кому он говорил ты, не имели на него видов уже лет двадцать. Как и он на них.

Анатолию Петровичу он не сказал ни слова все время, пока ехали в офис Корнеева. Из приличия надо бы о чем-нибудь поболтать, но пусть он идет к черту, молодой, деловой пижон в черном. В рубашке белоснежной.

Он откровенно пренебрежительно относился к ребятам в остроносых туфлях. Их инкубаторский деловой стиль, который сводился непременно к длинному кашемировому пальто, вызывал у него желание немедленно сказать им какую-нибудь примитивную гадость. «Что вы будете делать, если на ваше пальто упадет жидкая какашка с неба? - спрашивал он хозяина пальто сразу после того, как с ним познакомился. И уточнял, - Например, воронья?». Что бы не сказал в ответ собеседник, он обязательно советовал ему беречь это пальто. «Оно у вас последнее» - произносил он сочувственно и отходил в сторону.

Вообще, всех «остроносых» он называл одним словом во множественном числе – «польта». Когда надо было сказать в единственном числе, он говорил о человеке - «пришло ко мне пальто».

Офис Виктора оказался на той же самой улице Ветеранов труда, но в самом ее конце. Это было двухэтажное здание, отделанное цветными фасадными плитами. На первом этаже, похоже, был очередной его «золотой» магазин, а кабинет с приемной, видимо, наверху. В такой ранний час у магазина никого не было, и стояла только одна машина – черный лупоглазый «Мерседес». Юрист припарковался на противоположной стороне площадки, сразу заглушил двигатель, достал из кожаного портфеля пачку бумаг и стал быстро просматривать одну за другой. «Корнеев уже здесь», - сказал Анатолий Петрович, не переставая читать.

До встречи оставалось десять минут, можно было выйти и прогуляться.

Он неторопливо пошел к «Мерседесу». Водителя в салоне не было, поэтому он вплотную приблизился к дорогой машине. «Тоже черная и длинная как пальто, но железное и с колесами» - подумал он. Потом обратил внимание, что автомобиль весь в дорожной пыли. «Или его давно не мыли, или на нем только что проехали километров двести», - определил он и направился ко входу в магазин. - Нас ждут, ради нас откуда-то издалека катили, чего выжидать, демонстрируя королевскую точность?». Юрист не выдержал и тоже зашагал ко входу, выпрямив спину и подняв высоко подбородок, от чего хорошо стал виден строгий черный галстук на его худой шее.

Глава 6

За дверями внутри магазина стоял охранник в темно-синем костюме, на котором двумя рядами поблескивали золотистые пуговицы. «В «Золотой стране» даже вахтеры золотые», - видимо, эту мысль должна была навеять всем входящим его униформа. У парня было неприятное выражение лица: он жевал резинку только правой стороной челюсти, от чего одна щека шевелилась, а другая нет, один глаз моргал, а иногда и вовсе закрывался, будто у парня резинка вдруг превращалась в грецкий орех, и ему было очень тяжело его раскусить. Вошедшие поздоровались с ним, но парень вместо ответа лишь повернул голову в сторону лестницы, ведущей на второй этаж. При этом на его стриженной голове-«площадке» стал хорошо различим большой недавно заживший рубец.

Анатолий Петрович мельком глянул на лицо охранника и быстро пошел наверх. Там была еще одна дверь, а за ней – не то холл, не то кабинет огромных размеров. На длинном светло-коричневом кожаном диване сидел мужчина лет сорока и пил чай. Перед ним стоял низенький столик, на нем одиноко лежал большой нетронутый лимон. Мужчина поставил стакан рядом с лимоном и встал. Он был высокий и крепкий. Костюм из мягкого шелковистого материала сидел на нем прекрасно. Цвет у костюма был точно такой же светло-коричневый, как кожа на диване.

- Ребята, я через полчаса уеду. Вату катать не будем. Давайте главное – она согласна? - спросил мужчина и снова сел на диван. Он наклонился вперед, упираясь локтями в колени, и внимательно смотрел на юриста. - Нет, - ответил Анатолий Петрович и огляделся, видимо, думая, где бы присесть. С ним вновь не поздоровались. На этот раз еще и не предложили снять пальто.

- Упирается тетка, так? – мужчина на диване сжал правую ладонь в кулак, а левой накрыл его сверху и начал сжимать и разжимать этот «замок» из рук.

- Виктор Алексеевич, нами подготовлен вариант договора, который должен вас вполне удовлетворить, - юрист говорил вежливо, но по дрогнувшему голосу было件нятно, что он волнуется.

Только теперь, когда имя мужчины было названо, наблюдателю стало ясно, что знаменитый Виктор Корнеев, которого ему надо было увидеть и послушать, находится перед ним. Однако никаких предчувствий и пророческих откровений он не ощущал. «Какая дурацкая манера общаться, - думал он, глядя на собеседников и понимая, что они очень не уважают друг друга. Один сидит, другой стоит. У одного светлый костюм расстегнут, у другого – черное пальто на пуговицах».

Вот и все, что пришло ему на ум в это время.

- Значит, упирается, - Корнеев встал, взял стакан, сделал глоток, поставил, подошел к окну и стал смотреть на улицу, стоя к ним спиной.

- А зачем тогда приехали, могли позвонить и сказать. Ладно, ребята, раз упирается, на сегодня разговор закончили.

Корнеев стоял у окна, так и не повернувшись к ним лицом. Последнюю фразу он сказал негромко, в голосе появились нотки сожаления. Руки Виктор засунул в карманы брюк, голову опустил. Видно было, что он серьезно о чем-то задумался и про гостей забыл.

Юрист между тем подошел к столу в центре то ли холла, то ли кабинета и аккуратно разложил на нем свои бумаги.

- Вам хватит двух дней, чтобы ответить на наше предложение? - спросил Анатолий Петрович у Корнеева и выдвинул одну бумажку к той части стола, которая была ближе к его оппоненту.

Виктор достал телефон, набрал номер, повернулся к гостям и сказал в трубку: «Сергей, зайди через пять минут». Затем, не обращая внимания на разложенные документы, он быстро подошел вплотную к юристу и приказным тоном четко и громко произнес:

- Повторяю еще раз не для тебя, а для твоей Галины Георгиевны: Центральный универмаг, Центральный рынок и Центральный гастроном – мои. Я их не отдам и не продам. По «Родничку» и по «Универсаму», может, и договоримся, а эти точки я заберу себе. Все, пусть не лезет. У меня к тебе просьба, Толик. Не говори ей за меня красиво. Наберись храбрости и повтори мои слова – пусть не лезет! Понял, Толик? Ну и вали, докладывать. Давай. Все.

Корнеев повернулся и пошел в дальний угол кабинета, где, у него, видимо, был буфет, потому что послышалось, как он включил чайник,

который тут же зашумел. Юрист ушел, даже не взглянув на своего спутника, с которым приехал.

Надо было уходить, но хотелось что-то сказать Корнееву, какую-нибудь пустышку типа «приятно было познакомиться». А потом пожелать ему жить долго. Пусть не поймет, почему ему это сказали, главное, чтобы услышал эти слова.

- Вы для чего приходили? – неожиданно спросил Виктор из угла, где уже наливал кипяток в два стакана.

- Чай будете? Коньяк не предлагаю, дел с утра много.

- Спасибо, не беспокойтесь.

- Виктор принес стаканы, поставил их на маленький столик у дивана.

- Садитесь, глотнем по-быстрому. У меня – крепкий, я заварку не жалею.

Чая было налито полстакана, но такой крепости, что жидкость даже не просвечивала.

- Кто вас послал, губернаторша?

- Какая губернаторша?- он не понял, о ком его спросил Виктор.

- У нас одна губернаторша, Галина Георгиевна. Не она что ли?

- Не она.

- Кто?

- Ваша жена.

- Люда?

- Людмила Васильевна.

Корнеев пил чай и опять как будто забыл о собеседнике.

- Ну и как, буду я жить? – неожиданно спросил и посмотрел вниз, то ли на ковер, то ли на свои коричневые туфли.

- Должны, - он ответил Виктору не задумываясь. У него не было никаких предчувствий, поэтому уверенно повторил: - Должны, Виктор Алексеевич.

- Я сразу понял, что вы тот самый Чернец. Мне о вас говорили.

Спасибо на добром слове. Я побежал, надо. Потом пересечемся, потолкуем. За жену, что не соврали, еще раз спасибо, - Виктор протянул ему руку. Он с удовольствием пожал ее и проводил взглядом быстро шедшего к двери предпринимателя. В дверях тот столкнулся с каким-то худым пареньком в джинсовом костюмчике.

- Серега, проводишь его, а вечером поговорим по бумагам, - сказал ему Виктор и закрыл за собой дверь.

Парень постоял у двери, убедился, что шеф не вернется, хлопнул в ладоши и бодро заговорил: «Проводим с музыкой! Вам водочки или что повкусней?»

Ответа парень дожидаться не стал и уверенно двинул к буфету. «Знаете, а я утром пью только водку, особенно когда голова болит. У вас не болит голова? - кричал он из угла. – Пока никого на работе нет, хватанешь сотню и потом весь день – человек, а не макака с бодуна!». Он наблюдал за парнем, который по-хозяйски бегал по кабинету, и неожиданно ощутил сначала в районе висков, а потом и над глазами появившуюся головную боль. «Это от слишком крепкого чая - объяснил он сам себе, но сразу в этом засомневался, - боль есть, а тошноты нет, значит не от чая». Он встал, чтобы попрощаться и быстрее отправиться домой. Парень по имени Серега уже выпил и стал еще энергичнее и вертлявее.

- Вы где работаете? А мы вот здесь у Виктора Алексеевича. Вы его давно знаете? Он работает с шести утра до двух ночи, я его хорошо знаю. Вы уходите? У нас еще час времени, давайте выпейте, не стесняйтесь, нам никто не помешает, - Серега опять побежал к буфету.

- Потом, в другой раз, спасибо, не хочу, - он бормотал это сам себе, потому что говорил тихо, и Сергей его не слышал.

- До свидания! – крикнул парень, увидев его у двери.

- До свидания!- тихо ответил он ему и открыл дверь.

На лестнице остановился и закрыл глаза. Сквозь боль он увидел, как Серега крадется в лесу вдоль железного забора, Останавливается, достает из маленького пакета вареное мясо и натирает мясом прутья забора.

- Помочь?- услышал он чей-то незнакомый голос.

Кому помочь? Кто это говорит? Он открыл глаза и увидел на три ступеньки ниже того самого охранника магазина в синем костюме с золотыми пуговицами. Он понял, что отключился прямо на лестнице. Голова не болела, но тело стало тяжелым и вялым. Придерживаясь за стену, он спустился вниз и вышел из магазина. Жующий резину охранник наверняка подумал, что гость напился на халяву.

Глава 7

Он не увидел на улице машины юриста и стал вспоминать, как лучше выбраться из этого района. Он очень плохо знал город, хотя жил в нем больше двадцати лет. За руль своей «шестерки» он садился крайне редко. На дороге его постоянно мучило чувство страха. Стоило ему выкатить из гаража, как он оказывался в «зоне боевых действий». На асфальте не было мира, здесь ежедневно шла война, а водители превращались в солдат и несли потери. В то время, когда еще только

купил машину, он совершенно не задумывался над неумолимой математикой «боевых потерь». Бесшабашно шел на обгон и совершенно не понимал, что именно «новобранцы» из «пополнения» составляют основное количество жертв «боестолкновений». Он несколько раз попадал в аварии, но это были мелкие уличные «поцелуйчики»: выбил фару, помял крыло, оторвал задний бампер. Потом начались дела посерьезней. Он так ударил мотоциклиста в люльку его «Урала», что покалечил сидевшую в ней женщину. Не в смысле, что сделал ее калеккой. Ее тогда отвезли в больницу, и женщина отлежала там две недели, залечивая ушибы. Затем во время обгона на трассе он увидел, что встречная машина стремительно приближается, а ему некуда свернуть. Он даже увидел лицо водителя за стеклом встречной машины. Что сделал этот водитель, ему не понятно. Удара не произошло, хотя он напрягся и закрыл глаза. Видимо, тот сделал спасительный маневр и проскочил по обочине рядом с асфальтом. У него тогда долго ныло под сердцем и в солнечном сплетении. Именно тогда до него стало доходить, что круг сжимается. Его очередь подошла к той черте, когда он – следующий.

По городу он стал ездить только по двум улицам: по одной на службу, по другой на дачу. Если до нужного магазина было километра два-три, он шел до него пешком. Если больше – на автобусе. Однажды утром в субботу он поехал с дачи в город, чтобы взять семью своего давнего знакомого и привезти их к себе на природу: поймать в озере карасика и попариться в баньке. Знакомый три года назад женился на девушке, младше его на пятнадцать лет, у них уже появился малыш, и знакомому хотелось, наверное, показать ему пример семейного счастья, который достоин подражания и повторения. И еще хотелось подробно обсудить, чем молодая девушка лучше немолодых женщин, и как он воспитывает в ней «правильное» отношение к мужу. Он регулярно сообщал, как научил ее мыть полы, вытирать пыль на шкафах, печь блины, варить борщ, стирать ворот рубашки и, самое главное, к его приходу с работы прибрать волосы и переодеться во что-то домашнее, но нарядное. И чтобы никаких дыр и пятен на одежде! А носочки – непременно белые, а плапочки – «голубые, как бездонное мартовское небо». Так знакомый выражался, когда говорил о красоте семейной жизни.

Он тогда удивительно легко нашел в городе их новый дом на улице Мельникайте. Его увидели с балкона, быстро вынесли многочисленные вкусности, приготовленные образцовой молодой женой. Все было уложено в коробочки: салатки отдельно, рыба отдельно, мясо в квадратной кастрюльке, а зелень в коробке с крышкой. Усадили

малыша на заднее сидение и поехали, но на выезде из города он остановился на обочине и не смог вести машину дальше. Лицо молодой хозяйственной супруги ему понравилось, она смотрела на его знакомого уважительно и по-доброму, хотя иногда иронично усмехалась, слушая его советы, какой пакет куда положить. Она уже все умела сама и было очевидно, что в семье сейчас все-таки она главная, но не имеет ничего против, если муж думает иначе: раз ему хочется в это верить, пусть верит. Он выводил машину с улиц на трассу и вдруг увидел миленькое лицо супруги упавшим вниз под ноги, ребенок полетел вперед, ударился о кресло и упал на ноги матери, знакомый куда то исчез, а у него перед рулем вспыхнуло пламя. Он нажал на тормоз и остановился. Сердце ныло, по вискам с двух сторон били молотки: тук - тук - тук. «Что случилось, сломались?» - спросил знакомый. «У меня что-то со зрением» - ответил он. «Может, я поведу?» - предложил товарищ.

Он раздумывал над предложением не меньше получаса. Они ходили вдоль дороги, знакомый доказывал ему, как всегда уверенно и со знанием вопроса, что это пошаливает сердце и с этим не надо шутить. Он отдал ему ключ, пересел на пассажирское сидение, и они поехали дальше. На 21 километре Ялуторовского тракта попали в огромную пробку. Движение встало. Водители вышли из машин и передавали друг другу, что впереди столкнулись «Жигули» с иномаркой. Лоб в лоб. В иномарке сработали «подушки», двое раненых, а вторая машина перевернулась, улетела в кювет и загорелась. Ее сейчас пожарные тушат. Они говорят, что семья ехала с ребенком, мужик выпал после удара, вроде живой, а остальные вон – горят.

Он слушал разговоры и ощутил, как сильно дрожат у него руки. До этого лишь дергалось левое веко, а теперь начинало колотить все тело. Знакомый убежал метров на сто вперед к месту аварии. Он вернулся нескоро. Когда колонна двинулась, он кивнул налево: «Их будет видно. Машину потушили и перевернули. Крышу отрезали и сосчитали по ногам. Две женские, две мужские и ребеночек».

Место трагедии все проезжали, повернув голову в сторону погибших. Он не удержался и тоже взглянул на черный железный комок на выжженной и еще дымящейся поляне. Там, где должна быть водительская дверь, виднелись белые ноги. Одна в ботинке, другая в носке и две голых. «Мы с ней лежим вместе, - подумал он – она кричала, а я не мог пошевелиться и все понимал».

После этого случая он полтора года вообще не садился за руль. И до сих пор не мог разобраться, почему Ангел-хранитель сделал милость

для него и тут же погубил трех человек вместо него.

Он шел в сторону улицы Дружбы, по которой ходили автобусы в центр города. На юриста обиды не было. Уехал и уехал. Не очень то и хотелось видеть его снова, тем более просить, чтобы вернул туда, откуда забрал. С людьми, которые презрение к человеку маскируют приторной вежливостью, лучше дважды не встречаться. Здраваться и прощаться с ними было для него очень трудным делом. Давным-давно он пробовал с такими и не здороваться, и не прощаться. Тогда он считал, что человеку надо или говорить всю правду, что ты о нем думаешь, или молчать. Он и молчал. Иначе пришлось бы им долго объяснять, почему он не хочет, чтобы они «здравствовали», и что никакого «до свидания» с ним он не желает. Жизнь показала, что некоторые люди с годами сильно меняются. Самолюбивые превращаются в чутких к чужому горю. Что их «пробивало», непонятно, но даже горделивые руководители города и области вдруг обнажались и превращались в обыкновенного «голого» человека. В такие минуты они доказывали ему, что остались «прежними», и много рассказывали о своем детстве в родительском доме под грушей, в которой был земляной пол, и все братья и сестры спали в одной комнате на полатах у русской печи. Попросив не думать о них плохо, они моментально вновь превращались в живых истуканов, требующих преклонения и почитания. И опять начинали давать ему указания. Они всегда все знали лучше его: и как надо жить, и о чем надо думать. Потом судьба в очередной раз была им по лбу, и они вновь при встрече с ним впадали в детство.

А люди попроще, если уж менялись, то по-настоящему. Каждая беседа с таким человеком рушила его прежние представления о человечестве в целом. Он начинал улавливать смысл бытия.

- Сынок, этот автобус идет до горсада? – перед ним стояла сгорбленная старушка, которая опиралась на палку, зачем-то замотанную синей эзоляционной лентой.

- Какой автобус, бабуля?

- Вон тот, зеленый...

Он, оказывается, вышел прямо к остановке. Изрядно наполненная людьми «двадцатка» остановилась прямо перед ним, и он успел найти на табличке за стеклом автобуса среди прочих название остановки «Городской сад».

- Садись, бабушка! – крикнул ей погромче, потому что по улице в это время шел ревуший дымящий и пылящий большегруз с песком. Они забрались в салон, бабуле никто не уступил место, она крепко

ухватилась за его руку, автобус тронулся, испустив шипящий выдох тормозной системы.

В автобусах он не мог думать ни о чем серьезном. Разглядывал, качаясь вместе с окружающими, их затылки и воротники. Если стекло не заморожено и не грязное, пялился на улицу, на автомобильчики внизу, из которых на него тоже кто-то пялился, но - скрытно. Сидящие в автомобильчиках обычно делают вид, что даже не замечают стоящий рядом автобус и торчащие в нем рожи. Женщины за рулем отмораживаются полностью, а мужики все же поглядывают, нет ли в окне автобуса смазливое бабье лицо, которое разглядывает его «тачку».

Он глядел, как обычно, в окно и увидел там, за стеклом, огромный арбуз. У арбуза был вырезан большой кусок, виднелась красная мякоть, много красной мякоти. Он повернул голову в другую сторону, арбуз поплыл вслед его взгляду. Из арбуза стекал полупрозрачный розовый сок, в котором мелькали черные большие семечки. Такие же черные, как волосы на голове у человека, которая лежала рядом с арбузом. Из под головы по белой подушке тек розовый сок. Он смотрел на арбуз и голову через стекло окна, которое стало открываться с резким и громким скрежетом.

Глава 8

Водитель автобуса резко затормозил, и все, кто стоял в салоне, качнулись вперед. Он почувствовал, как кто-то дернул его за руку. Это, оказывается, бабушка все еще держалась за него и только благодаря этому не упала. «Он же людей везет, а не скотину на бойню», - заворчала бабуля и стала устраиваться у сидения понадежней: взялась за железный поручень двумя руками, прижав телом свою палку, чтобы та не падала. Молодой толстый парень, который сидел перед ней, недовольно посмотрел на старушку и молча начал вставать.

Зашевелилась и девушка рядом с толстяком. Бабушка обрадовалась и довольно шустро юркнула на освобождающиеся места. «Садись, сынок, садись! - потянула она его вниз. – Думала, убьемся. Ты стоял – стоял да как повалился, а я за тобой следом».

- Спасибо! – сказал он ей и поглядел в окно, чтобы определить, в какой части города они находятся. Наконец, увидел знакомые здания на улице Ленина. Все ясно: сейчас будет «Городской сад», потом «Центральный рынок» и – торговый центр «Рентал».

- Вам куда в центр? – спросил бабушку, которая, может, не замечает,

что автобус уже вырулил на центральную улицу.

- В банк, сынок, где завод во время войны был, станкостроительный.

- Тот банк, что со ступеньками?

- Со ступеньками, ага, в тот...

- Все дороги ведут в банк со ступеньками, - сказал он ей, - я тоже туда, и мы скоро выходим.

Когда доехали, он помог старушке спуститься и подал ей ее палку, обмотанную синей лентой.

- Спасибо, добрый человек! Я как тебя увидела, ты мне, сынок, сразу поглянулся.

- Я не добрый, бабуля, я злой. Я в автобусе увидел смерть.

- Типун тебе, не говори так, а если и увидел что, молчи! – бабка повернулась и пошла к своему банку «со ступеньками». Она прошла метра три, еще раз поглядела на него и довольно громко сказала: «Я побольше тебя видела». Затем подняла вверх палку своим сухоньким кулачком и приказала, как приказывают неразумному внучку, говорившему что-то лишнее в коридоре поликлиники, где сидит много народа: «Молчи!». Ему показалась, что она даже топнула ногой при этом. Он посмотрел, что у нее надето на ноги: теплые резиновые калоши с черной меховой оторочкой. «Такими не топнешь», - решил он и повернул к своему дому. «А что, может быть так и сделать, как советует бабка: взять и никому ничего не говорить об увиденном?» - мелькнула у него мысль, пока он пробирался между торцами двух зданий в свой двор. «Решено или нет?» – переспросил он сам себя. Тот, которого он спрашивал, всегда знал правильное решение, но на этот раз он не ответил. И все же ему стало как то легче, и настроение совершенно неожиданно из тягостного опять превратилось в превосходное. «Мне хорошо? Хорошо. Почему? Потому что не надо делать то, что меня тяготит. Меня хоть кто-то заставляет делать ту дрянь, о которой меня просят? Никто не заставляет. Так какого же ты хрена вечно мучаешь себя? Делай то, что чувствуешь, и никогда не ошибешься, и тебе будет всегда легко, и ты будешь играть ключами своей жизни, идиот!» - в эту минуту он действительно был похож на ненормального, который говорил сам себе что-то вслух и при этом стучал себя кулаком по лбу.

Он разжал кулак и увидел, что держит в ладони три железных ключа от квартиры. Взял черный плоский. Нащупал маленькую щель в огромной железной двери подъезда и сразу же легко попал в нее. Обычно он несколько раз тыкал, жал, давил. Дверь гремела, ключ обдирает кожу на пальце, а у него все никак не получалось. Он быстро поднялся на

третий этаж и с первого раза открыл старый замок железной двери в квартиру. Неужели и третий замок откроется с первой попытки? Чаще всего он вставлял ключ в эту третью деревянную дверь не правильно, и приходилось вынимать его, переворачивать и вставлять снова. На этот раз все поворачивалось и все открывалось. Когда он снимал дома ботинки и куртку, он знал что есть для него счастье. Надо было чуть додумать формулировку, которую потом запомнить или даже записать. Счастье, это когда ты делаешь то, что тебе говорит Бог, а Бог говорит то, что легко сделать. В этом роде, но не так абстрактно и без упоминания Бога.

«Через пять минут зазвонит телефон». Вот в таких мелких деталях будущее появлялось в его голове в форме конкретной словесной фразы. «Если телефон не позвонит ровно через пять минут, ты спасен». – он сказал это себе, потому что знал, кто и зачем должен был позвонить. Если «фраза» сбудется, ему придется делать ту дрянь, с которой захотелось попрощаться. Присев на заправленную синей накидкой кровать, он взял в руки свои наручные часы и стал упорно смотреть на их циферблат и ждать.

Для него чудес в мире, видимо, уже никогда не будет. Ровно через пять минут в тишине его комнаты заголосил телефон. «Все как всегда», - сказал он себе, поднял трубку и, не спросив, кто звонит, заговорил первым:

- Я вас слушаю, Людмила Васильевна!

- Вы меня узнали?

- Узнал.

- Я даже не успела ничего сказать. У вас номер мой высветился?

- Лицо.

- Мое?

- Ваше.

- Вот у вас какие технологии. Поняла, поняла. Мне рассказали, как проходила встреча. Говорят, вы остались с ним и еще долго разговаривали...

- Не долго, но разговаривали.

- Он спрашивал обо мне?

- Спрашивал.

Людмила Васильевна замолчала. Он тоже ничего не говорил, надеясь, что она не спросит о главном и даже положит трубку.

- У него все нормально будет?

Она спросила. Теперь уже он задумался и тянул с ответом. Как человек, который дал себе зарок не пить, но однажды не выдержал,

купил бутылку, налил в стакан, и у него осталось пару секунд, чтобы не сорваться, но он уже знает, что через пару секунд он понесет стакан к губам и сделает первый глоток.

- У него не будет все нормально.

Он ответил. А теперь пусть все будет, как будет.

- Я сейчас к вам приеду. Вы живете там, где прописаны? – голос ее изменился, в трубке зазвучало что-то более жесткое и грубоватое.

- Не надо вам ко мне. Потом встретимся, я расскажу. Потом. – Он почувствовал, как начал уставать, язык не хотел шевелиться.

- Ладно, Равиль приедет.

- Какой Равиль?

- Он говорит, что вас хорошо знает, и вы его. А потом я вас сама найду. Спасибо, большое спасибо! – в трубке стали слышны гудки, и каждый следующий звучал в его голове все сильнее.

Он отодвинул трубку от уха и постарался положить ее точно на аппарат, чтобы эти гудки быстрее прекратились.

«Теперь начнется, - уверенно говорил он себе, - встречай Равиля, который мчится к тебе, хотя еще вчера не знал и знать не хотел, где и как ты живешь».

Кто такой Равиль, он догадался. Это мог быть только тот невысокий паренек, который уложил из пистолета двоих. Он был когда-то подающим надежды молодым боксером, но тогда, в юности, они с ним «потели» в разных спортзалах и друг с другом не встречались. Боксер, как и положено, ушел «на деньги» и превратился в «тренера». Почти все талантливые ребята, если голова у них соображала, и из нее не вышибли обычные человеческие чувства и мысли, были очень авторитетными людьми среди сотен подростков в своем городском районе. Когда через их руки пошли деньги, боксерам, борцам и прочим чемпионам стало вдруг тесно в маленьком провинциальном городке. Тем, кто спортом не занимался, а просто с детства воровал и сидел, тоже было тесно. И среди «своих», и среди «чужих». Все стреляли во всех. Модно было стрелять, а не резать.

Они познакомились с Равилем уже после того, как тот стал героем, убив тех, кто хотел убить его. Равилю подсказали, что ему пора подаваться в городские депутаты, и он зашел к нему, чтобы «порешать по рекламе». Боксер ему понравился. Он был очень спокоен. Когда человек убил двоих и спокоен, начинаешь думать, что он правильно сделал. Они были плохими парнями, а он хороший парень. Поэтому на душе у него все ясно и светло.

У боксера он не спрашивал, как дело было на той дороге, где его

«ждали» и где он у «тех» ловко выбил пистолет и застрелил их «в целях самообороны». Из их пистолета. Который ловко выбил. Когда разговор зашел о биографии «кандидата в депутаты», Равиль уверенно сказал, что с биографией у него проблем нет. Он был под подпиской о невыезде. Шел суд, вот-вот должны были вынести приговор. Равиль тогда приехал на одном из первых дорогих джипов, появившихся в городе и пригласил в гости в свой двухэтажный дом, чтобы показать кандидата в домашней обстановке, располагающей к доверию. Они о многом переговорили на его кухне, которая была больше некоторых двухкомнатных квартир, и между ними действительно сложились доверительные отношения. То есть, они поняли, что не желают друг другу зла и не будут его друг другу делать. О «героическом поступке» почти не говорили. Как только Равиль начал рассказывать, сразу было ясно, что он наизусть выучил только одну версию событий и твердит ее следователю, судье и всем знакомым, включая близких. Он попросил Равиля не продолжать рассказ. Главное, мол, живой, а детали его не интересуют. Равиль и сам, похоже, почувствовал, что собеседник не верит в героическую версию и кивает головой в знак согласия и восхищения лишь для того, чтобы не обидеть хозяина дома. В глазах боксера, как ему показалось, даже мелькнул вопрос, мол, если знаешь правду, скажи, я замолчу и не буду «ездить по ушам». Нет, он не знал правды про двойное убийство. Ни причин стычки, ни обстоятельств, вообще никакой информации от осведомленных людей или оттуда, откуда являлись видения. О людях, которые будут жить долго, он всегда знал мало. Он никогда не расспрашивал их о сокровенном, а они не спешили исповедоваться перед ним и раскрывать болезненные тайны совести. Единственное, о чем ему хотелось спросить Равиля, как тот два года скрывался и как его все же арестовали на берегу Черного моря. Но раз закрыли тему, значит больше никаких вопросов. После той встречи на просторной кухне они не видели друг друга ни разу. Стрельба продолжалась, но Равиль, по слухам, оставался живой, потому что был где то за границей. И вот, оказывается, он совсем рядом, буквально сейчас постучится в его дверь.

Глава 9

Равиль вел себя в его квартире очень скромно. К нему обращался на вы. Входя, боксер сказал: «Здравствуйте», и поэтому отпала необходимость мгновенно решать, как здороваться с ним, только за

руку или сначала обняться и похлопать друг друга по спине, а уж потом жать руки. Тех, к кому обращаются на вы, если уж и обнимают, то отнюдь не потому, что это «братаны» или «пацаны». Для него самого было нелегкой задачей поздороваться с мужчиной, которого он уважает. Он предпочитал крепко пожать его руку и по-японски чуть-чуть наклониться при этом, четко запечатлев приветственный поклон. Те, кто его знал давно, делали то же самое, и получалось несуетливо и достойно. А вот когда малознакомый или малоуважаемый человек обхватывал его и начинал прижимать к своему телу, он стыдился глупости происходящего и даже закрывал глаза, чтобы не смотреть на красную кожу за ухом этого «другана».

Он протянул Равилю руку первым. Тот пожал ее, и они одновременно сделали небольшой поклон, стоя друг против друга в тесном коридорчике его старой облезлой «хрущевки». Церемония обоим показалась немного смешной, поэтому оба улыбнулись.

- Рад видеть, - сказал он Равилю.

- Я тоже.

- Проходи, у меня не заблудишься, вот комната, вот кухня. Куда пойдём

- Давайте на кухне, - предложил гость.

Он видел, как Равиль провел взглядом по стенам и потолку квартиры, наверняка заметил трещины наверху и желтизну выцветшей бумаги обоев внизу, сделал четкие и безошибочные выводы о финансовом состоянии и жизненном положении его бывшего коллеги по спорту. Видимо поэтому, сев на старенький деревянный табуретик, поспешил предупредить:

- Ничего не надо, ни чая, ничего. Просто посидим поговорим. Если вы не против.

Равиль сильно изменился внешне. Лицо его стало круглым и розовым. А когда-то скулы торчали над впадинами щек высокими буграми. Так торчат у тех, кого истязает жизнь, или кто сам себя истязает жестокими многообразными ежедневными тренировками. Изменился боксер и внутренне. К его спокойному виду добавилась не только вежливость в словах, но еще и учтивость в движениях. Равиль не сидел перед ним так самоуверенно, как прежде – «вразвалочку после раздевалочки», перестал расставлять руками «точки» и «запятыя» во время разговора, подчеркивая движением кисти или кулака чуть не каждое сказанное слово. Владелец великолепного бокового правой, после молниеносного нырка с шагом влево, сейчас выглядел неподвижным и покорным. Казалось, вот скажи он ему: пошел отсюда

и чтоб я тебя больше не видел, гость встанет и уйдет. А раньше тот, кто захотел бы ему сказать что то подобное, успел произнести бы лишь первое слово. Было понятно, что Равиль сейчас на службе. Не вокруг него все вертятся, а Равилю приходится вокруг кого то вертеться. На службе положено быть учтивым и покорным.

- Я слушаю, Равиль, - сказал он ему и стал молча ждать.

- Меня, наоборот, попросили внимательно слушать вас, запоминая каждое слово.

- О Корнееве?

- Да.

- С ним что-то произойдет. Видимо, что-то очень плохое.

- Когда? – спросил Равиль и очень внимательно посмотрел ему прямо в глаза. Он увидел зрачки глаз Равиля и поразился, что они маленькие и похожи на черные блестящие камушки, гладкие и твердые.

- Точно не знаю, но – летом. Окно было раскрыто, а спящему было жарко.

- Корнеев спал?

- Была расправлена кровать, была подушка, одеяло и простынь у стены. Да, он спал.

- Просто лежал и спал?

- Лежал, а из-под головы на подушку текла светло-розовая кровь.

- Что это была за комната?

- Обычная, где стоит кровать.

- Спальня?

- Не знаю.

- Кровать большая? Семейная?

- Нет, узкая и с одной подушкой.

- На каком этаже было окно?

- Я не видел, что это был за дом.

- Корнеев живет в двухэтажном коттедже в лесу за городом, - сообщил ему Равиль.

- В лесу? - переспросил он его, потому что вспомнил лес и железную решетку, которую помощник Корнеева по имени Сергей зачем-то натирал вареным мясом.

- Вы что-то вспомнили еще? – догадался Равиль.

- Понимаешь, не Корнеева, а его сотрудника. Он в лесу какую-то ограду кусками мяса вареного натирал. Как наждачной бумагой, когда ржавчину убирают. Трет, а мясо крошится и падает вниз. Как падает, видно, куда – нет. Ночь была.

- Ночь? – на этот раз переспросил Равиль.

- Темень. Кроме решетки ничего не было видно.

- У Корнеева коттедж охраняют огромные собаки. – сказал Равиль и перестал задавать вопросы. Видно было по его лицу, что он сосредоточенно о чем-то думает.

- Значит, летом в жару? – произнес Равиль вопросом совсем другим голосом, улыбнулся и встал с табуретки упругим движением, почти подпрыгнув, - мне пора, очень было интересно вас послушать. С ума сойти, как в кино!

Равилю было не узнать. Тихий, тихий, а скоростные качества подающего надежды юного спортсмена видны до сих пор. Чему боксер так обрадовался?

Он хотел спросить об этом Равилю, но тот уже в коридорчике надевал туфли, и надо было подать ему ложечку. Перед тем, как уйти, уже стоя в дверях, Равиль спросил:

- Как сам то живешь? - гость обратился к нему на ты, но по-товарищески, как свой своему.

- Живу бодро и весело, - ответил он так, как отвечает всегда на этот вопрос.

- Ха-а-а, - засмеялся Равиль, - ты не изменился. Я тоже хочу так жить. Ну, может, состыкуемся, давай!

По звуку шагов легко было определить, как быстро боксер проскочил три этажа. Железная дверь после его ухода в гулком пространстве подъезда гремела дольше.

Глава 10

«Почему я ему рассказал все, что касается того человека, а о самом человеке, о том, кого это касается непосредственно, даже не вспомнил?». Он слонялся по квартире и обмозговывал свою «работу», за которую взялся и которую так быстро выполнил. Неужели судьба Корнеева так ему «фиолетово», что он может пересказывать предчувствия, как разведчик, который собрал сведения в тылу врага, и теперь хладнокровно пересказывает командиру увиденное, совершенно не переживая за судьбу вражеских бойцов и за то кровавое месиво, в котором те скоро окажутся? Неужели он не должен первым делом побежать к Корнееву и предупредить: беги, спасайся! Чего здесь больше, обыкновенной сердечной черствости или профессиональной отстраненности от последствий выполненной «работы»? И что такое профессионализм при выполнении подобных услуг? Он пытался дать самому себе ответ на каждый вопрос, и все ответы были неприятными

для него. Корнеев, скорее всего, попадет в беду, а он не ощущает желания помочь ему. Чужой это для него человек. Чужой. Неприятно было именно то, что он должен и хотел бы любить всякого человека и Корнеева тоже, но никаких признаков любви к нему он в душе не находил. Как часто он просил Бога научить его любить всех людей нелицемерно, но вот хороший повод почувствовать внутри себя любовь к человекам, а ее - нету. Не дал Господь, не сподобил, не избрал из тысяч и миллионов, не наградил своим самым дорогим подарком. «Я – дерьмо, я – дерьмо, - повторял он, - в духовной жизни есть духовное дерьмо. И я его духовное воплощение».

«Допустим, я прикажу себе найти телефон Корнеева, позвоню и все ему расскажу, - продолжал он рассуждать. – разве это что-то изменит в судьбе предпринимателя? Абсолютно ничего. Для чего тогда звонить? Чтобы попытаться обмануть себя и продемонстрировать доброту сердца? Он же не сможет это сделать: заговорить, заболтать, запеленать словами сам себя!

Три года назад он пытался спасти мужика, который пил каждый день после того, как отсидел девять лет за убийство. Мужик был не просто мужик, потому что мог сегодня разбить новенькую «Тайоту-кароллу» а уже завтра купить новенькую «Хонду-аккорд». Как говорится, мужик был авторитетный. К этому мужику он дважды приходил и предупреждал, что тот умрет пьяный в снегу. Симпатизировал он этому Гене, потому что Гена во время ночной уличной драки подбежал, встал рядом с ним и нашел какие то тюремные слова, услышав которые, дворовые пацаны перестали драться, а потом даже купили на свои деньги пива, и они все вместе на скамейке сидели чуть не до утра. Как он был тогда благодарен этому Гене!

Он просил Гену бросить пить. Весной Гена решил, что смерть обошла его стороной до следующей зимы. И ужасно напился после пятимесячного перерыва. Сел в таком состоянии за руль и улетел под обрыв реки в районе Красного Дока. Под обрывом снег еще не растаял. На нем Гена и валялся с проломленной грудиной и расколовшимся черепом.

«Итак, никому не звоню и даже не пытаюсь творить добро. Так? Так, родной, так, добренький. Ты уже его сотворил. Жди созревания плодов и сбора урожая» - подвел он черту. Ему надоело говорить себе гадости, и он посмотрел в окно на улицу. С высоты третьего этажа было видно, что внизу стоит парень и как бы пересчитывает подъезды. Сначала парень тыкал пальцем в сторону подъездов слева направо, затем справа налево. На их доме не было табличек с номерами подъездов, которых

вообще-то было восемь. Из-за этого понять, ты стоишь перед третьим или перед шестым, представляло для всех новичков большую трудность. Все зависело от того, с какого конца начать считать. По привычке или от широты коммунальных познаний люди чаще всего считали подъезды слева направо и крупно ошибались. В их доме нумерация начиналась справа. Этот дом был знаменит прежде всего тем, что перегородил главную улицу города, то есть стал тупиком улицы Ленина. Мало кто знает, что именно в этот дом лет тридцать назад, когда болгарские строители разрезали красную ленточку и удалились пить семидесятиградусный сливовый самогон, торжественно въехал первый секретарь горкома КПСС. Может, он хотел смотреть в окно и видеть, как прямо от его подъезда устремляется в даль светлую главная улица города, а может и наоборот, желал, чтобы главная улица упиралась прямо в двери его квартиры. Черт их разберет, что хотели и ради чего жили партийные мечтатели, вожди и карьеристы. А еще дом был знаменит среди таксистов города. Если ты сможешь отправиться за пассажиром по вызову на адрес проезд Кольский, 1 и не пропасть, плутая в центре города, ты готов к работе таксистом, ты знаешь в этом городе все закоулки. Название проезда намекает на некоторую отдаленность и окраинность нахождения пассажира. Пусть бедный пассажир кричит в трубку, что дом находится в самом-самом центре города. Когда покрутишься полчаса, спрашивая всех подряд, где чертова улица Кольский проезд, а в ответ пожимание плечами и звуки «му», ты решишь, что долбаный пассажир сам ничего толком не знает да еще и тебя запутал. Между тем, дом действительно находится в центре, но давно застроен другими, более высокими, его не видно ниоткуда и он на этой улице всего один. Улица состоит из одного дома. В котором жил первый секретарь. Говорят, когда его сняли с должности, он ходил пьяный около подъезда, играл на баяне, пел матерные частушки и был впервые похож на нормального человека. Парень внизу закончил вычисления и уверенно направился в пятый подъезд. «Если через минуту появится вновь, значит это очередная жертва извращенной Кольской математики». – подумал он о нем и выжидательно продолжал смотреть в окно. Парень вскоре появился и пошел вдоль стены дома под балконами в его четвертый подъезд. «Так, теперь окажется, что в мою дверь скоро постучат» - он повернул голову в сторону коридора и прислушался. В дверь постучали. Он пошел открывать, не думая ни о чем плохом, так как знал, как выглядел очередной гость и этот гость ничего плохого ему сказать или сделать не мог. Если он видел человека, то легко предугадывал,

способен ли человек преподнести ему неожиданную гадость.

- Здравствуйте, извините, пожалуйста, могу я увидеть Ч... - парень осекся на первой букве, потому что незнакомого человека надо называть не по «кликухе», а по имени, но имя парень не знал или не запомнил, и от этого застеснялся.

- Вы его уже увидели, заходите! – поспешил он ответить смутившемуся молодому человеку. Он всегда старался выручать тех, кто смущался, кто был застенчив и робок. Они были очень искренни и просты. От общения с ними согревалась душа, как согреваются у печки руки в большом давненько нетопленном доме, после того, как час просидишь с книгой за столом в углу, где от пола тянет сыростью земли, а от стен холодом промерзшего камня.

- Что искали дольше, дом или четвертый подъезд? – спросил он вошедшего. Тот удивленно посмотрел на него, соображая, видимо, откуда ему известно о его долгих поисках.

- Кроме адреса ничего больше не дали, да? – спросил парня еще раз, но более мягко и дружелюбно.

- Мне дали адрес, я посмотрел, а на карте города его нет. Спрашивал у киоскеров, у бабушек, которые на улице торгуют – никто не знает, – он вроде как извинялся, но было слышно по интонации, что парень доволен и горд: нашел, ведь, все-таки.

- Ну, хорошо. Для чего искали?

- Номер вашего домашнего телефона узнать. Надежда Сергеевна попросила.

- Кто у нас Надежда Сергеевна?

- Это мама моей супруги.

- Теща?

- Мама, – парню не хотелось произносить слово теща, видимо оно оскорбляло его уважительное отношение к матери жены.

Номер своего домашнего телефона он написал парню тут же, в коридоре. У него для такого случая всегда лежал на полочке рядом со щетками блокнот и карандаш.

- Кто же она такая, Надежда Сергеевна? Я даю телефон и не знаю, кому. – Он спросил это просто так, ему нечего было опасаться звонка «мамы-тещи» этого симпатичного парня.

- Она очень хотела позвонить вам, но ей дали только адрес. – Стало понятно, что парень не знал, зачем родственнице понадобился этот телефон.

- Дали адрес прописки?

- Что? – не понял парень.

- Ничего, так, вспомнил. Многие не знают, где я живу, но при этом знают, где я прописан. Спасибо, что нашли и зашли! – сказал он, потому что увидел, как парень аккуратно свернул бумажку с телефоном, положил ее во внутренний карман курточки и был готов в обратный путь.

- Это вам спасибо! – ответил с почтением молодой гость и медленно начал спускаться по лестнице. – До свидания! – сказал паренек, обернувшись. Они встретились взглядами и чуть заметно поклонились друг другу.

Глава 11

- Привет! Ну, наконец-то, я так хочу встретиться с тобой, ты меня забыл, а я тебя нет. Вспоминай быстрее! – он слушал женщину, только что позвонившую ему и перебирал в голове всех знакомых женского пола, встреченных им от рождения до наших дней.

- Я - Надя, ну, вспомнил?

- Нет.

- Ох, ты, господи. Магазин «Богатырь», ты на открытие приходил, мы коробки и оберточную бумагу заказывали. Я директором была, Надежда Сергеевна меня зовут, - женщина уже начинала расстраиваться, что ее не могут вспомнить.

- Магазин на Мельникайте, который открывали двадцать лет назад, этот?

- Конечно! – обрадовалась она.

- Сейчас там нет магазина, какая то контора, вроде, даже много контор, - он восстанавливал в зрительной памяти этот кусочек улицы Мельникайте, сопоставляя, что там было двадцать лет назад и что находится теперь.

- Да все есть, и магазин, и офисы, и я есть. В общем, давай приезжай, мы пообедаем здесь, тебе что приготовить, ты что любишь?

- У вас плита прямо в магазине, что ли?- он невольно перешел на смешливый кампанейский стиль разговора, хотя так и не мог вспомнить, как выглядела директор «Богатыря», когда он ходил на открытие. Сам факт, что ходил, кажется, все же всплыл из памяти.

- Столовая у нас для себя, я девочкам скажу, они приготовят. Блины с мясом будешь? Или с творогом? Девочки обычно одни салатки делают, сейчас я им скажу...

- Подождите, - торопливо прервал он разговор, - я никуда не собирался, я дома и даже без штанов. Какие блин, блины...

- Штаны мы тебе найдем, магазин все-таки, а Женька тебя и без штанов довезет. Он там рядом, около «Универсама» в машине белого цвета. Выходи, я жду вас здесь. С Женькой ты знаком, это он за телефоном к тебе приходил.

- А смысл, для чего мне ехать, блинов поесть?

- Очень важно и очень срочно. Ты – Чернец, я – Белая звездочка.

Приедешь, я тебе многое скажу и покажу. Ты приедешь?

- Да.

- Спасибо, лапочка. Целую, жду!

В голове у него образовалась какая то молочная каша из всего, что наговорила женщина. Что-то сумбурное, бестолковое и белое. Смесь сладковатого и мучного. С ним разговаривали почти как с ребенком: чмокания и сюсюкания. У нее, надо полагать, возраст бабушки, у него – тоже не ясельковый период. И столько патоки в голосе, будто он ее обожаемый малыш. Или – мальчик.

Белая «семерка» и Евгений в светлом костюме ждали его как министра обороны для парадного выезда. Машина вымыта и блестит, Евгений сияет улыбкой во всю ширину «Универсама» и стоит чуть ли не по стойке смирно. Юноша был так предупредителен, что сомневаться не приходилось: родственники наговорили ему много лишнего о Чернце. Женя испытывал чувство восхищения от возможности общаться с ним. Когда кто-либо из особо экзальтированных существ восхищался его способностями и оказывал ему знаки повышенного внимания, на душе у Чернца кошки скребли. Он знал, что за фразой «Мы в восхищении!» скрывается зерно всех пороков и глоток хмеля на балу у Сатаны.

Евгений, наверняка, хотел быть похожим на него. Юноша мечтал тоже иметь дар. Хоть какой-нибудь, хоть самый завалящий. Лечить бородавки, например. Возможно, юноше будет ниспослано, когда созреет его душа. И только тогда ему откроется, что дар – это не подарок баловням судьбы, это - рок, который постоянно преследует, подгоняет, торопит, толкает в спину и никогда не отстает ни на шаг. Это – наказание для испытания.

Евгений сопроводил его до самых дверей кабинета. «Она там, не стучите, не надо. Входите» - юноша чуть толкнул дверь, и та медленно открылась. У белого стола стояла женщина в дорогом белом костюме. Короткие волосы ее были выкрашены, вернее, обесцвечены в максимально светлый тон, но на фоне костюма они все равно казались темными. Все в кабинете было белым: мебель, цветочные горшки, рамки фотографий и канцелярская мелочевка, от скрепок до ножниц. Женщина насторожилась и глядела на него растерянно.

- Фу, - она сделала шумный выдох, - Как только ты вошел, между нами бац, и черная нить натянулась. Я так испугалась! А нить бац, и лопнула. У, как мне стало легко. Ты видел ее?

- Нить? Нет.

- И не надо. Какой ты стал, зачем постарел то? А тогда такой молоденький, такой крепыш, у! Спорт не бросил?

- Бросил.

- Правильно. Что кулаками сделать то можно? Мы сейчас с тобой понимаем, в чем наша сила, а тогда – глупые были, да?

- Да.

Так они говорили до того, как сели за стол обедать, так говорили, пока он ел блины, а она яблоко, и продолжали говорить, когда он уже мысленно сказал себе: все, я больше не могу!

- Мы с тобой, дорогой мой, сейчас же поедем ко мне читать мои тетради, я их держу дома, это мое сокровище, - говорила она и, похоже, не догадывалась, куда он уже успел послать эти тетради.

- Надежда Сергеевна, спасибо за обед, я –домой. Блины я перевариваю, а женщин – не могу, устаю.

- Да знаю я! – она расхохоталась, - У меня про тебя в тетради все написано. Ты вредный, грубый, злой и противный, ты – черный, но у тебя очень сильный Ангел. Он тебя спасет. Сейчас тобой руководит Черный Ангел, он через тебя заставляет людей выполнять его волю. Но твой Ангел сильнее, он его победит и в августе ты окажешься в другом мире...

- В ином?

- В другом, я сказала - в другом!

Для многих ее слова показались бы игрой в экстрасенса или бредом бабенки, помешавшейся на «тонких» энергиях. Но он почувствовал, что понимает, как появляется в ее голове подобный «бред». У нее знания, которые никаким другим образом получить нельзя. Больше всего ему хотелось знать подробности о «другом» мире, приближение которого он начинал предчувствовать, когда возвращался после встречи с Корнеевым. И в подтверждение, что она слышит отзвуки и колебания его мыслей, она вдруг заявила:

- Я хочу спасти Витю Корнеева, он мне сделал много добра, и я его спасу. Мы с тобой, дорогой, вместе его спасем.

И выходя из кабинета, и в торговом зале магазина, где бродили покупатели вокруг продавцов, похожих на осенних полусонных мух одинаковой фирменной расцветки, и в машине, не стесняясь присутствия Евгения, она продолжала тараторить про ангелов и

незримую войну белого и черного за мировое господство в душе каждого из нас.

- Ты думаешь, сам решил Витю наказать? Это Черные Ангелы решили. Если бы я тебя не нашла, ты бы такого натворил! – заканчивала эту фразу она в тот момент, когда неловко пыталась выбраться из машины, потому что они уже куда-то приехали. Надежда Сергеевна была маленького роста и чуть полновата, поэтому процесс выхода в узкую и неудобную автомобильную дверь «семерки» все же заставил ее замолчать. Он собрался решительно возразить, так как у него даже мысли никогда не возникало самому наказывать кого-либо, но услышал, что она затихла, и не возразил, чтобы не превращать монолог в дискуссию.

Они находились в районе улицы Пржевальского напротив Выставочного зала. Он десятки раз, проходя мимо, посматривал на шестиэтажные домики из белого кирпича витиеватой архитектуры, которые появились на месте обещанного властями парка, и все время гадал, кто поселился в этом городском оазисе демонстративного благополучия. Даже издали было видно, что эти люди решили для себя проклятый квартирный вопрос, и он уже их не портит.

Его удивляло не то, что власти сначала обещают создать парк для всех, а потом делают вместо общедоступного парка загороженный сад для избранных. Это стремление занять лучшую кровать у окна вполне логично в его родной стране, где в тюрьме сидели все, и хорошие, и плохие, а кто не успел, тот не опоздал и еще сядет, или дети его, или внуки. Его поражало, что горожане, не смотря на то, что не лишены были общечеловеческой способности злобно завидовать, весьма равнодушно наблюдали за появлением особого района в городе. Он мог объяснить подобную терпимость лишь одним обстоятельством: желание отомстить, отобрать, ткнуть счастливых мордой в дерьмо и при этом так пугануть счастливых, что за дерьмом для них далеко идти не придется, оно у каждого из них будет дымиться в штанах, - осуществление этой тайной мечты народ оставляет на будущее, как самое желанное и долгожданное блюдо заключительной части торжественного пира. Народ помнит фразу главы горного района из любимого кино: торопиться не надо! Придет время, и народ встретится со счастливыми лицом к лицу и вновь поговорит с ними окончательно. Как однажды уже поговорил. Он не верил в общенародную или общенациональную мудрость. Народ, если его собрать вместе – страшен, потому что всемогущ. Мудрым бывает только конкретный человек, причем как раз тот, который живет по своим

правилам отдельно от «народа».

В себе он не чувствовал зависти к тем, кто жил на улице Пржевальского в белых домах витиеватой архитектуры. Не сразу, не в молодости, но все уже довольно давно он понял, что все люди мученики и нет среди них просветленных с нимбом над затылком. Все болеют, всем не хватает денег и любви. Вернее, всем кажется, что им не хватает денег, любви и счастья. Тот, кто пережил огромное несчастье, кто страдал физически, кого лишали свободы, - тот многое понял, но даже эти люди не сделают последнего шага, чтобы обрести душевный покой. Какой они должны сделать шаг?

Он хотел ответить себе или поискать варианты ответа, но Надежда Сергеевна сбила его с мысли:

- Ты чего скукожился, боишься встретить кого-то? Давай, заходи, я тоже живу на третьем, - она нажала пару блестящих кнопок домофона и открыла красивую входную дверь, на которой не было бумажек с объявлениями «Куплю...», «Продам...», «Ремонтирую...». Они подымались по лестнице, на которой можно жить: такой она была чистой и уютной.

- Днем ты никого не встретишь, главное, не приходи с часу до двух, когда все на обед приезжают, а обед уже кончился, - она подошла к своей квартире и достала маленький ключик, раз в десять меньше, чем его три, каждый из которых был гаражным.

- Почему нет сержанта в подъезде, как у членов бюро обкома? – спросил он ее, изобразив на лице шуточную озабоченность.

- У нас же охранники при въезде, ты не заметил, наверное, из машины. Надо мной председатель городской Думы живет, внизу – налоговый генерал. Но они тут не бывают.

- Почему?

- Дома где-то за городом построили. У них тут дети остались жить, или родители живут, или - любовницы.

- Все любовницы вместе?

- По очереди. Ну – прошу! – она отошла от открытой двери и уступила ему свое право, как хозяйки, заходить в дом первой.

- Господи! – слово выскочило не потому, что он увидел распятие или живого Христа. Он пожалел, что все произнес его. Но квартира действительно поразила его, и он по-простому, общеупотребительно сказал это слово от удивления. В магазине в ее рабочем кабинете много было белого, но сейчас он увидел, что там было не белое, а беленькое, а настоящее белое, то, которое белее белизны – вот здесь, перед ним. Мраморный пол, отделка стен и арок, подоконники, фигурные выступы

и закругления, непривычные многоярусные потолки хитромудрой геометрии – торжественно белели со всех сторон.

- Миллионы, - сказал он второе слово.

- Что?

- Это стоит миллионы.

- Я мечтала жить вот так! – она обвела руками пространство перед собой. У меня муж когда-то БАМ строил, я всю молодость маялась в вагончиках, а потом сказала себе: пусть другие тратят деньги как угодно, а я все до копейки вложу в белый храм. Я сделаю храм сама для себя. Мой дом будет моим храмом. И вот, видишь, - она с нескрываемой радостью и гордостью посмотрела на него, - меня Ангелы услышали, и они мне этот храм построили.

В ее голосе чувствовалась искренняя вера в то, что она говорила. Она не красовалась перед ним своими дружескими отношениями с крылатыми созданиями. Она по-женски верила в Бога, Богородицу и Ангелов каждой клеткой своего мозга, а не так, как мужчины: вроде, поверят в Бога, потом начинают подвергать свою веру критическому разбору и впадают в греховное сомнение. Для нового приступа веры должно опять произойти с ними нечто настолько экстраординарное и убедительное, такой впечатляющей силы, как, например, удар кувалдой в ухо. Сомнения отлетят далеко, но вскоре опять начнут подтягиваться. И так – до гробовой доски. Самое убедительное доказательство будет ждать мужчин под доской.

- Пойдемте, Надежда Сергеевна, в закрома, где хранятся свитки Мертвого моря, - попросил он ее. На него тема воздвигнутого храма навеяла библейские ассоциации.

- У меня нет тут никакого моря, ни Черного, ни Мертвого. Ты что хотел сказать?

- Тетради.

- Теперь поняла. Садись, располагайся. Где тебе удобней читать, в большом зале, в малом, в комнате с иконами, в комнате для гостей, в детской, на кухне, где? Тетрадей много, я пятнадцать лет пишу каждый день.

- Начнем в третьем туалете, а продолжим во второй ванне, или в пятой спальне, – он ощутил в себе признаки раздражения. Но она не заметила это, подумав, наверное, что умные люди так острят или так намекают на то, чего хотят.

- Тогда на кухне. Я сама не готовлю, но для женщины это все же ее рабочее место. Пишу на кухне, а храню рядом с иконами. – Она пошла за тетрадями.

Он читал тетради долго и, признаться, они стоили того. Их было штук двадцать, «в клеточку», общие. Записи были тоже «общие», то есть обо всем. Когда кто заболевает, когда вылечится, когда влюбится и разлюбится, когда сменит работу или место жительства. Упоминалось множество фамилий как тех, кто уже не живет в городе, так и тех, кто продолжает рулить и верховодить. Много депутатов, прокуроров, милиционеров и областное правительство чуть не в полном составе. Причем, «кадры» были в движении по «горизонтали» и по «вертикали»: записи разных лет регулярно сообщали, когда чиновника передвинут на равноценную должность в другом учреждении, когда - наверх. Это было досье на всех заметных людей в городе, составленное «до того, как». Сначала писалось досье, а потом «кадр» в процессе жизни реализовывал предугаданные факты своей биографии. Совпадения встречались поразительные. Об одном политике было написано, что в ноябре он начнет ездить на работу в Кремль. Запись датировалась 14 февраля. Точно через девять месяцев этого политика взяли на работу в Кремль на головокружительную должность главы администрации президента.

Подделывать записи, что-то добавить в них позже или изменить было невозможно. Каждая писалась как одно предложение, и после точки проводилась черта. Далее шла информация следующего дня календаря и тоже в одной фразе. Он читал и проникался к женщине уважением. Одновременно становилось понятно, на чьи деньги она построила «храм».

- Часто они вам звонят, те, кто указан пофамильно?

- Бывает, когда пьяные. У нас договор, звоню только я сама. Если есть, что сказать.

- А этому, главе администрации президента, вы тоже звонили?

- Звонила, как и всем остальным.

- Как он отреагировал?

- Сказал, что я все-таки сошла с ума. Он мне еще давно, когда только-только приехал с Севера, говорил, что я когда-нибудь свихнусь.

- А потом, в ноябре, после назначения, звонил?

- Приезжал. Сказал, что я хорошая гадалка. Они всех нас гадалками считают. Ничего не понимают. Я им про ангелов, а они смеются и спрашивают, какие у меня расценки. Никто в Бога не верит, никто! – она сказала это уверенно, но без сожаления.

Он давно размышлял на эту тему.

- В церковь ходить начали, в телевизоре чуть не каждый день то свечки ставят, то священника обнимают, – произнес он, раздумывая,

согласен ли с ее мнением или нет. Сам он считал, что тяготение к вере, как и гравитация, проникла через все души и оказала влияние на всех одновременно, а не только на него или на нее. Проблема в ином: что произошло в душах, переворот или так, легкая ничего не меняющая вибрация мутной воды в стакане?

- Все они – попросайки! – Надежда Сергеевна, видимо, говорила о том, о чем думала много раз, - Придут в церковь и выпрашивают, дай мне, Боже, вот это, помоги, Боже, получить вот то. Я их учу, учу. Бесполезно. Они как мои покупатели, требуют соблюдения прав потребителя и продажи качественного товара. Заплатили «бабки» и ждут, когда им вынесут из подсобки какую то особенную коробку с бантиком, такую, какую никому другому не вынесут.

- Почему у вас так много негатива о супруге губернатора? Пять лет все по-доброму записывалось, а за этот год одна чернуха.

- О Галке? Да потому что она галка, хватает все, что можно стащить. Птица такая. Хочет лебедем стать, царицей плыть, а станет вороной. Она у меня магазин забирала, Корнеев не отдал. А мужа, вот, все же смогла забрать. Стащила.

- Что с мужем случилось?

- Ничего не случилось. Предал меня и виляет перед ней хвостом, кобель.

- О Викторе Корнееве у вас за последние полгода одна запись: «Он простит нас во сне, и сон его будет легче тополиного пуха».

- Беда, Чернец. Я уже и молюсь чаще, и думаю о нем все время, но ничего больше не слышу. Как будто меня кто-то толстым ватным одеялом накрыл, а я его скинуть не могу. Беда произойдет, но не знаю, когда. Мне друзья передали, что Людмила Васильевна тебя Корнееву подсовывала, было?

- Да.

- Галка ее купила. Она всех купила. А мужики деньги унюхали и побежали, как псы за сучкой во время течки. Что делать, Чернец, его же надо спасать! – Надежда Сергеевна нервно заходила по кухне, - ты хоть понимаешь, какого человека вы с Галкой погубите?

- Слушай, Надежда, - он впервые обратился к ней на ты, - я у всей этой камарильи на службе не состою. Я не крышую их как ты от всех невзгод и напастей. Я им не «экран», я тучи не отвожу руками. Умеешь спасать, спасай. Я – не умею. Я себя спасти не могу. У тебя написано, что в августе я улетаю от людей. Мне что теперь, Корнеева спасать, которого я не знаю и с которым у меня нет твоих «договоров», или себя?

Надежда Сергеевна опустилась на белый кухонный стул. Она не глядела в его сторону, но было видно, как она начала плакать. Сначала подрагивала ее голова, вскоре женщина стала дрожать всем телом. Ему было невыносимо смотреть на нее. Уже давно в душе пропало ощущение приторной сладости, которое было во время первых минут разговора по телефону. А теперь он остро чувствовал, как она страдает, потому что в одной из тетрадей была такая запись: «Виктор возьмет на ладони мое сердце, и ладони закроются».

Он встал и пошел к дверям.

- Прощай! – сказала она, всхлипнув и скривив губы в улыбку.

Махнула в его сторону рукой и снова наклонилась над столом. Когда он уже выходил, ему показалось, что она стала выть.

Глава 12

Как жаль, что сегодня был рабочий день. С таким бы удовольствием он сейчас упал на свою «деревянную» кровать и отключился от всего и от всех. Он любил спать днем. Мать рассказывала ему, что в детском саде, даже когда уходила воспитатель, и вся группа «ходила по головам», он один - спал. Его способности засыпать днем в любом месте, хоть на стуле за рабочим столом, по-доброму завидовали коллеги. Когда он начинал похрапывать, они переглядывались, улыбались и старались не говорить громко по телефону. «Вы почему шепчете, у вас что, горло болит?» - спрашивал клиент, который плохо разбирал слова, звучащие в трубке. «У нас начальник спит, боимся разбудить», - честно отвечали коллеги. «А, понимаю, везет вам, у меня, вот никогда не спит», - говорил понимающий клиент и перезванивал через час, как его просили. Дураки кричали в трубку: «Вы что, издеваетесь?».

Появиться сегодня на работе надо было обязательно. Именно появиться, а не для того, чтобы сделать что-то такое, что не терпит отлагательств. Часа два-три он обязан был находиться в кабинете, в том числе и тогда, когда все рабочие моменты можно было решить по телефону. Такая установилась традиция, которая превратилась в неписанную должностную инструкцию. Он был очень рад, что не работает чиновником: их бессмысленного каторжного сидения «у станка» с 9 до 18 он не смог бы выдержать долго. Его выгнали бы после первого дневного «храпачка» в кабинете.

Сейчас фирма, в которой он работал, принадлежала молодым ребятам из около правительственного «пула». Заказчиком полиграфии был областной бюджет, а это означало, что можно работать ровно.

Миллионером не станешь, но и без масла на куске хлеба не останешься. Сотрудники, в основном, остались прежние, с которыми он вертелся, вламывал, пахал и надрывался под ударами проклятого «ветра перемен». Но ветер стих. Все улеглось. Для большинства его старых знакомых – устаканилось. Они перестали напрягаться, утратив энтузиазм и здоровье, тянули лямки в сравнительно теплых углах мэрии и Думы, планировали, на какие шиши будут жить на пенсии, и каждую пятницу пили. Не на охоте или рыбалке, не в ночном клубе или модном ресторане, которых развелось в городе несметное количество, не с «телками» и «несушками» в сауне или на горячем источнике, а просто дома или на даче. Пили в одиночестве. Лишь некоторые – с женами, переставшими ждать от мужей успехов, денег и круизов на яхте по средиземноморью.

Он тоже тянул свою лямку и тоже видел, как «лямка» изнашивалась за прошедшие годы. Хорошо, что сейчас не надо было напрягаться: лямка натянута бы и - оборвалась, оставив деловую проблему нерешенной или испорченной, груз застрял бы в канаве, Сивка валялся под горкой, а Бобик виновато скулил, поджав хвост. Иногда он был нужен, чтобы помочь ребятам, возглавившим фирму, занять место в колонне «бюджетополучателей». Среди тех, кто определял порядок прохождения «колонны», было много старичков-«полтинников». Ребята не всегда понимали совершенно незнакомый им партийно-советский язык намеков и семафорных сигналов, какой маневр и в каком направлении надо сделать, чтобы правильно преодолеть общественно-политический перекресток. От этого зависело, удержится ли фирма в колонне и в каком ряду она окажется, среди первых или последних. За отличное знание шифра намеков он и получал зарплату выше среднего, хотя частенько «давил храпачка».

С улицы Пржевальского он выбрался на центральную улицу города, которая на французский манер называлась улицей Республики. В городе было всего две приличных улицы, которые шли параллельно друг другу, пересекаясь только потаенным смыслом своих названий: одна носила имя вождя пролетариата Ленина, а вторая Республики, в которой народ мечтал когда-нибудь пожить и поправить, но никак не мог дожить до этой счастливой минуты. Вождям жить и править удавалось, а народу – увы. Он планировал срезать пешеходный маршрут на улице Горького у кинотеатра «Юбилейный», чтобы потом по 50 лет Октября выйти точно к высотке издательства на Осипенко, где и сидели его замечательные, все понимающие и все умеющие сотрудники. Можно было и не делать крюк на центральную улицу, но

она была более прибрана, на ней в первую очередь сгребали весеннюю грязь и увозили с глаз долой, поэтому идти по улице Республики гораздо приятней: не нужно постоянно смотреть под ноги и обходить бесконечные лужи. По пути обязательно встретятся люди, которые никуда не спешат. Может, потому, что уже некуда в жизни спешить, а может, потому, что завершили большое и важное дело и теперь позволили себе просто прогуляться. У тех, кто прогуливается, всегда довольный и успокоенный вид. Когда он шел и глядел на них, часто говорил себе: «Видишь, есть обыкновенные люди, которые не рыдают, не страдают и не плачут в твою жилетку. Учись у них хотя бы иногда идти и - наслаждаться, стоять и - не решать мучительных проблем». Он выпрямлял спину, закладывал руки за спину и начинал шагать размеренно и без спешки. Со стороны он наверняка в эту минуту тоже выглядел довольным. Это успокаивало, и мысли становились проще: жизнь штука замечательная, мне повезло, что я живу. Вот у кирпича в стене этого дома жизни нет, и он ее никогда не увидит, а если и есть у него жизнь, так что это за жизнь, торчать двести лет в стене? Проходя мимо стеклянных стен «шайбы», так молодежь называла круглое кафе «Арт-бульвар» у «Юбилейного», он подумал: «Вот сейчас меня кто-то увидит изнутри и позовет». Он пошел медленнее, как бы давая время кому-то его увидеть. Шаг, второй третий ... - Черняк! – он услышал крик на всю площадь, - Чернец! «Володя - сразу узнал он голос кричащего, - интуиция опять не подвела, но о Вовке он совершенно не думал. Интуиция дает только начальную информацию, очень неглубокую, «вершки от корешка». На работе в издательстве он часто встречался с журналистами разных газет, почти со всеми здоровался, но подружился лишь с одним. Это было еще при Царе-Горохе, то бишь еще в те времена, когда сотрудники всех отделов слегка постукивали друг на друга. К нему в столовой подсел за столик какой-то модно одетый паренек, представился Володей, только что приехавшим из Казани, и начал все про всех расспрашивать: кто сидит вон за тем угловым столом, как их зовут, кем они работают. Расспросив о составе обедающих за угловым столом, «парень из Казани» переключился на сидящих за соседним столом, потом за следующим. Причем, задавал очень много вопросов, среди которых были подозрительные: а это хороший человек? а он пьет? Отвечал он Володе сначала охотно и выкладывал все, что знал, но постепенно становился более лаконичным и все чаще врал: не знаю, не знаком, никогда раньше здесь не видел. Наконец, приезжий добрался до стола, за которым трапезничали сотрудники их рекламно-

издательского отдела. Вечно веселый Дмитрич как всегда что-то рассказывал, все еще держа ложку в руке, а девчонки слушали и хохотали, но они уже взяли в руки вилки, потому что тот, кто слушает, ест быстрее. «Это кто?», - в очередной раз спросил любопытный житель Казани. И тут он решил не просто соврать ему, а соврать так, чтобы самому было приятно. «Это Махатма Дмитриевич», - ответил он. «Из Индии?», - удивился задающий вопросы. «У него родители там завод какой-то сооружали. Когда родился, там в Индии, его назвали в честь знаменитого индуса», - он хотел еще приврать, что Махатма каждый год ездит на свою жаркую родину, что у него есть обезьяна, которую ему подарила Индира Ганди за большой вклад в урегулировании индо-пакистанского инцидента. Любопытствующий перебил его: «Он начальник?». Когда начнешь врать, трудно остановиться. Поэтому пришлось продолжать: «Большой начальник. За границу ездит, четыре языка знает. Сейчас руководит отделом, скоро будет директором издательства».

Володя из Казани перестал задавать вопросы и не отрываясь глядел на столик Дмитрича. Когда девчонки ушли, а Дмитрич остался один и взялся за свой остывший суп, приезжий быстро пересел за его столик. Было слышно, как он довольно громко начал беседу: «Махатма Дмитриевич, мне тут рассказали о ваших индийских похождениях, давайте-ка немного почирикаем».

Дмитрич, родившийся в селе Демьянское Тобольского района, не донес ложку до рта. Она долго покачивалась вместе с супом на уровне его подбородка. Что ответил Дмитрич и ответил ли, он не слышал. Но даже через много лет Дмитрич часто говорил ему: «Бывают же идиоты, но таких еще не бывало».

Дмитрич, которого любили женщины, с Индией ассоциировал прежде всего Кама-Сутру да еще, может быть, анекдот о Рабиндранате Тагоре. Как человек женатый и находящийся у жены под сильным подозрением, поскольку уже был неоднократно застигнут и уличен, подобные слова, сказанные громко на всю столовую, воспринял как оскорбление. С тех пор Володя был единственным человеком в городе, который всегда называл Дмитрича Махатмой. С особенным удовольствием он делал это в курилках «желтых домов», где во время перерыва какого-нибудь заседания Думы или коллегии правительства это прозвище могло услышать максимальное количество важных «перцев». Многие городские начальники, знавшие Дмитрича, потом подходили к нему и спрашивали: «За что он тебя так?» Дмитрич вспыхивал, краснел, обижался и сердился, хотя знал, что это слово – не ругательство. Но

городские начальники не были философами. По звучанию букв они определяли, что у слова «махатма» должен быть смысл примерно тот же, что у слова «лахудра». Володя и Дмитрич не любили друг друга и многие годы не здоровались.

- А я сижу, смотрю, ты чапаешь, - обрадованно говорил ему Володя, держась за ручку входной двери «шайбы», - Мне как раз ты и нужен. Ну, заходи, хули набылчился как баран на сенокосилку.

Те, кто прогуливался в это время на площади у кинотеатра, поглядели в их сторону. Володя со всеми разговаривал намеренно грубо и получал при этом удовольствие. Ему нравилось шокировать людей своей нестандартностью в стиле одежды, поведения и общения. Он потащил его в «шайбу», провел к своему столику, за которым сидел аккуратно одетый мужчина.

- Капитан, твое время кончилось, освободи поляну.

Мужчина встал, попрощался и ушел.

- Устроили вокруг меня пастбище, я им что, налоги плачу, чтобы они меня пасли во время завтрака? Пусть идет террористов ловить.

- Сколько часов ты тут уже «завтракаешь»? – спросил он Володю, заметив, что тот не совсем трезв.

- Слушай, на тебя клев пошел, - не ответил Володя. Он когда говорил, не обращал внимания на то, что хотел ему сказать собеседник. –

Георгиевна утром закидывала, чем ты занимаешься, кого трахаешь, кому жопу подставляешь. Я давай тебя искать, нет ни х...я нигде.

Зашел сюда. Думаю, что я за кабаном буду бегать, пусть сам подпрыгивает на расстояние прямого выстрела. Пива взял, шесть раз, и ты нарисовался. Слушай, я думал мне мерещится. У тебя бывает такое?

- Каждый день, - ответил он, совершенно не обращая внимания на вульгарный тон и стиль его речи. Он слишком хорошо его знал и по-своему любил этого «седьмого ребенка в семье». Володя, когда знакомился с людьми, непременно добавлял, назвав свое имя, такую фразу: «седьмой ребенок в семье. Папка не успел вынуть, мамка залетела. Жертва несостоящегося аборта».

Володя был замечательным фотографом. Правильнее сказать – фотохудожником. Говорил, что из агитпоезда ЦК ВЛКСМ ему неожиданно «захотелось сойти». Причину возникшей «неожиданности» объяснял так: вроде как он успешно курировал в ЦК ВЛКСМ коммунистическое воспитание молодежи на комсомольских стройках Западной Сибири, но в бюро ЦК нашлись завистники, он их послал, они послали его, и очень срочно понадобилось где-нибудь сойти, чтобы не оказаться на том самом месте, куда на Руси все посылают друг друга.

Он сошел в незнакомом городе и отправился искать издательство, чтобы устроиться на работу. В столовой, тогда, Володя подошел к нему, потому что, как он выразился, «вижу, не хряк. Рыло не подарок, но у остальных еще хуже».

В городе Володя как фотожурналист особенно интересовался обитателями двух колоний: «двойки» и «четверки». Много раз побывал по ту сторону забора, договорившись с «хозяином», отщелкал сотни пленок и собрал впечатляющую коллекцию снимков из жизни «синих». Свадьбы в камерах, обстановочка в «шизо», портреты без зубов, шконки, шлюмки... У него была мечта издать фотоальбом «Русь уголовная». Они стали встречаться, обсуждать. Частенько напивались. Не смотря на его непривычные манеры, оказалось, что он груб и пошел только снаружи. Он очень любил мать и отца, братьев и сестер. И мог быть верным другом, заботливым и нежным. И тоже жил один. Всегда – один, хотя женщины под его окном стояли в очередь. В прямом смысле, то есть собирались по несколько сразу и кричали, чтобы он открыл им дверь. «У них титьки шпротами воняют, пустишь, они весь унитаза заср...т», - объяснял он свою «непокобелимость».

Фотоальбом он не издал. Объяснил, что не нашел спонсора. Скорее всего, потому что подвернулась более перспективная работенка. Великолепные снимки и негативы аккуратно и профессионально были разложены в коробки, где могут в целостности и сохранности лежать столетиями. А Володя переключился на «пейзажи» местной власти, портреты ее элиты и натюрморты из предметов благоустроенной жизни. Он стал переезжать в новые квартиры все большей и большей площади, покупать и менять машины, часто ездить в Москву а потом и по всему миру. Он знал английский и наслаждался заграничной малиной. Особенно в Таиланде, где познакомился с одной из фавориток короля. Они перестали встречаться и созваниваться. А если случайно оказывались рядом, Володя смотрел на него с искренним сожалением, как на неудачника, которому ничем помочь нельзя по вине самого неудачника: ну не понимает, как и зачем надо жить, и не поймет никогда, что тут поделаешь?

Поговаривали, что Володенька готовится стать зятем губернатора. Он сам о себе как-то сказал: «Я хожу, как охувевший». И это было заметно. Володя мог подойти к областному депутату, по совместительству директору магистральных газопроводов, и спросить: «Ты в каком списке, на повышение или на посадку? Надо будет уточнить». Все руководство Ямала он публично называл «Красным чумом», а ханты-мансийцев – «Белым чумом». Работников областного правительства

обозвал Броневым потаскуйским батальоном, потому что здание правительства было в той части города, которую до революции называли Потаскуем из-за обилия значных мест, публичных домов и уличных проституток. Губернатора он почтительно именовал гордым сибирским орлом, но делал это слишком часто и по любому поводу, от чего почтительность постепенно трансформировалась в скрытую издевку, похожую на те, что позволяют себе родственники, когда за глаза обсуждают друг друга. «Я тут в шесть утра позвонил гордому сибирскому орлу, ну, ты знаешь, кому, - говорил он как всегда громко в коридоре восьмого этажа мэрии около приемной мэра его помощнику, - вот, сорвал его с очка, ты, говорю, почему трудящихся обижаешь, Андрюшку первым замом не делаешь? Непорядок, говорю, трудящийся волнуется, ночи не спит, а ему работать надо, говно из города вывозить, а он не может на говне сосредоточиться, потому что первым замом хочет стать. Это ведь ху... я полная, с кадрами так нельзя работать, кадры надо беречь, даже если они ни х... не решают». Помощник мэра пытался убежать, чтобы не оказаться соучастником опасных разговоров при свидетеле – секретаре мэра, девушке с болезненно обостренным слухом. Володя удерживал помощника за рукав и спрашивал: «Знаешь, что мне ответил гордый сибирский орел? Он сказал, пошел на х..., я спать хочу» и смеялся, видя, как быстро убегает в коридорную даль отпущенный на волю помощник. За Володю он не переживал, хотя его чудаковатое поведение вызывало все более злобную реакцию окружающих, и однажды его даже били кастетом на площадке у лифта. После нападения на него, Володя пригласил в больничную палату съемочную группу местного телеканала, попросил снять крупным планом свое «лицо со шрамом» и распухшими губами сказал в камеру: « Вы думаете, что бИтие определяет сознание. Вы – ошибаетесь, и я вам это докажу. Кто не спрятался, я не виноват. Вы кинули тяпку в меня, она рикошетом от моей головы уже летит к вам. Прочистите «духовку» и приготовьте вазелин».

В последнее Рождество Володя вдруг позвонил ему вечером и спросил, что надо делать в эти минуты, чтобы встретить праздник, как подобает. Он посоветовал ему прочитать пятую главу Евангелия от Матфея. Володя долго вспоминал, где у него лежит Библия, нашел и прочитал. Позвонил, сообщил об этом, но комментировать не стал и вообще, говорил просто и без матерков. Время пошло. Он был уверен, что Володя преодолел нижнюю точку погружения в омут жизненных помоев. У него была очень сильная бабушка. Там, в Казани. Однажды

умер сосед, не успев огласить, кому что оставляет из наследства. «Когда помер то?», - спросила бабушка. «Так уж час прошел», - ответили ей. Она прибежала, оживила соседа, задала ему интересующий родственников вопрос, он им ответил и умер снова. «Бабка моя Нюра после этого три дня лежала обессиленная в хлам», - рассказал ему Володя. Поэтому не удивился, когда он постепенно начал звонить ему чаще и нормальным языком просить совета по житейским ситуациям. Володя не считал его психопатом, страдающим спонтанными, произвольно возникающими шизофреническими галлюцинациями. Их длинные телефонные беседы Володя называл «незавершенным гештальтом». На просьбу объяснить, что имеется в виду, он путался и говорил, что не такой умный, как немцы, поэтому объяснить не может, но чувствует, что «гештальт» начался, и еще не завершен.

- Извини за погоняло, каким я на улице тебя звал, но ты для Георгиевны зачем то понадобился, - говорил Володя, отхлебывая из большой кружки пиво. Кружку принесла официантка, по каменному лицу которой было понятно, что клиент уже всех достал, - она требует, чтобы я привез тебя на день рождения.

- Чей?

- Ты не знаешь? У ягодки завтра юбилей.

- Я не хожу на юбилеи, - ответил он ему твердо.

- А ты не ходи. Просто зайди и занеси подарок.

- Куда?

- В банк.

- Нет. Я ненавижу банки, я их буду обходить стороной на каждой улице в каждом городе.

- А я люблю банки, там «фантики» лежат. У нее полгорода соберется, я обещал Галине привезти тебя.

- Галина?

- Забыл, что ее Галина зовут? Ты что валенком прикидываешься! Завтра я за тобой зайду. Подарок я сам купил для нее, я знаю, что ягодка хочет.

- Бриллиант «Шах»?

- Ну да, и тысячу х...в сверху, - не удержался Володя, - Орхидею она хочет кремового цвета. Все у нее есть, а тебя с орхидеей нет. Я этот цветок из Амстердама заказал. В салоне цветочном рядом с твоим домом оставил. Мы должны быть у нее ровно в 12 часов. Гопота прибежит раньше, потом всех тормознут, и ты зайдешь. Она так мне утром объясняла. Кстати, а ты мне на день рождения что подарить?

- У тебя же в августе...

- Ты носи, а я в сейф положу, чтобы мухи не обоср... В августе достану. Ну ладно, не теряйся. Ко мне один фигурант должен подойти. Прокурор с генералом передрались, друг на друга по чемодану говна собрали, теперь папе по очереди таскают. Скажи, что им еще надо? У каждого в сральнике жидкокристаллические телевизоры стоят. Нахрена в сральнике телевизор? У меня же - нет. И у папы - нет. Они все просто ох...ли!

Володя провожал его и в это время говорил чересчур возбужденно и громко. Посетителей было мало и они все слышали. Понятно, почему к нему уже подходил сотрудник органов. Пьяные володины откровения не подлежали всенародному обсуждению. Володя умел молчать, огромное количество секретов элиты надежно хранилось в его голове. Когда он выпивал, душа взрывалась и выбрасывала содержимое наружу. А выпивал Володя частенько, не то чтобы каждый день, но никак не реже шести раз в неделю. Он, правда, доказывал всем и самому себе, что он вино не пьет, он его «ест», смакуя по глотку, вкушая ароматы божественного напитка. Поест Володя действительно любил, постоянно мучая людей, которых иногда видел первый раз в жизни, вопросом: «А что у вас есть в холодильнике, нельма есть?». Однако от обычной еды степень его разговорчивости не увеличивалась, а от «еды» с полей Испании и Португалии она принимала характер безудержной словесной дефекации. Значит, величину «седьмого ребенка» в любой момент может прийти, выражаясь его научно-казанским языком, «пиздоханцшвайнц».

Глава 13

Наконец-то он добрался до места своей работы! Дом печати возвышался перед ним всеми своими облезлыми двенадцатью этажами. Облезлыми они стали казаться только в этом году, когда рядом выросли не менее высокие, но гораздо более современные здания. А в 1983 году, когда Дом печати построили и шла торжественная суета с ножницами вокруг красной ленточки, это было самое лучшее здание города. Оно тоже было выкрашено в желтый цвет, чтобы даже на подсознательном уровне ни у кого не возникало сомнения в единстве архитектурного ансамбля: обком, облисполком, Дом печати. Он работал в этом здании со дня «красной ленточки». То есть всю сознательную жизнь, за исключением дней, когда проявлял несознательность или впадал в бессознательное состояние из-за слишком большой порции неразведенного спирта, что выдавался для

технических целей. Всю жизнь на одном рабочем месте – классика «доски героев». Так они называли меж собой заказы для заводской Доски Почета. Герой, попавший на «доску», уже ни при каких обстоятельствах не мог с нее спрыгнуть, вернуться в свое обыкновенное трудовое прошлое и стать после получки анти-героем. Разве что будет пить непрерывно месяцев восемь и при этом ни разу не появится на работе.

Его на «доску» не взяли. Сам виноват. Но что об этом жалеть: те, кто висел на этих досках, сейчас ходят расстроенные и обиженные. Они полагают, что их все предали и забыли. Так оно и есть, но на кого обижаться? Кому молились? Креслу секретаря парткома?

В последнее время он заходил в Дом печати с чувством грусти вперемешку с чувством радости и благоговения. Почти как в церковь. Он потомок крестьян, он перешел свое поле, много работал на нем, ухаживал за ним и вырывал на нем сорняки, пахал и сеял, он делал то, что должен был делать, и если кто то оттяпал у него клочок или проехал через поле, оставив глубокий след железных гусениц на поднимающихся к солнцу ростках, что ж, он не один на этой земле, есть работники лучше его, есть хуже.

Увидев его в открытых дверях кабинета, сотрудники улыбнулись и переглянулись. Или сначала переглянулись, а потом улыбнулись? Он не успел зафиксировать линейный график человеческой реакции, потому что глядел между лиц. Ему было немного стыдно, что он появился еще позже, чем обычно. Но он уловил, что ему были рады, и это было приятно. Он поэтому и не метался в поисках более высокооплачиваемой работы, за несколько лет не сделал ни одной попытки поискать что-то новое, заняться чем-то другим, потому что стал особенно ценить доброжелательность тех, с кем соединила его судьба на работе. Он боялся встретить в другом месте агрессивность и злобную нервозность. Ольга кивнула ему, не отрывая взгляда от монитора и не переставая бегать пальчиками по клавиатуре. Это ее обычное состояние: с утра до вечера набирать и набирать. Она могла бы одна выпускать три журнала сразу, набивая их по завязку информацией об артистах и музыкантах, прибывающих в город рейсами авиакомпании «ЮтейР» и в фирменных вагонах, а также о тех, кто еще только собирается прибывать, кто не собирается, но мог бы собраться, присовокупив до кучи к ним звезд, которые о нашем городе ничего не слышали и с трудом представляют, где находится Россия.

Таня ближняя, то есть та, которая сидит ближе к его рабочему столу, улыбнулась, но улыбка на ее лице «зависла». Это означало, что всю

работу на сегодня она уже сделала и теперь общается с обширным кругом своих знакомым по «аське» и тот, с кем она сейчас переписывалась, был парень с юмором и послал ей что-то смешное. Когда она получала записки от подруг, лицо у нее было сосредоточенное и серьезное. Те загружали ее своими бабскими проблемами, и ей надо было срочно ответить, пора им разводиться или еще рано.

Таня дальняя держала лупу в руке и внимательно смотрела через нее на строчки, плывущие под стеклом лупы, изгибаясь по краям и увеличиваясь до огромных размеров в центре. Она махнула ему лупой в знак приветствия и продолжила искать ошибки, не изменив позы. Все говорило о том, что у нее нормальное рабочее настроение, которое не успели испортить ни соседи по площадке, пьющие и орущие по ночам, ни мстительный сантехник, отключивший очередной кран за то, что на него пожаловались.

Юрик просматривал автомобильные сайты. Он хочет купить иномарку, читает форумы, со всеми советуется, другим дает толковые советы, но купить «колеса» никак не решается, потому что запутался в диалектике противостояния цены и качества у японских, корейских и немецких производителей. Дневную рабочую программу он тоже выполнил, иначе бы не сидел расслабленно перед монитором, а тыкал бы одним пальцем свою «клаву», заставляя ее родить быстрее долгожданную рекламную страничку.

Владимирович сидел с огромными наушниками на голове и был глух и нем. Это позволяло ему достаточно законспирировано опустошать в течение дня две баночки джин-тоника. Он весь в «работе», даже в туалет некогда сходить. Примерно раз в час, когда можно отправится удовлетворять нужду, не вызывая подозрения, он снимает наушники, кладет осторожно около монитора, молча встает и выходит из кабинета, чтобы сделать в потаенном месте несколько бодрящих глотков. Потом возвращается и быстро надевает наушники. Иногда не возвращается до утра. Но такую конспирацию он применяет редко, потому что опытный кадр и в курсе, что все в коллективе тоже - «в курсе».

За отдельной перегородкой уткнулся в монитор Натик. У него их было несколько в кабинете, потому что на нем теперь держалась вся работа, и Натик садился то к одному, то к другому. Сейчас его кепка торчала над основным в правом углу за стеклом перегородки. Натик приходил на работу в восемь, а уходил не раньше девяти вечера. В субботу и в воскресенье тоже работал, потому что не успевал. В отпуске не был три

года подряд. Случись что с Натиком, коллектив бы перестал работать, так как рабочий процесс бы заклинило по техническим причинам. Ему уже полгода пытались найти помощника, чтобы подстраховаться, и не могли найти: узнав объем выполняемых задач, кандидаты сбегали, не давая объяснений. Собственно они и не требовались: по четырнадцать часов в сутки находиться на службе и при этом все четырнадцать часов быть ответственным перед клиентами за соблюдение договоров точно в срок к завтрашнему дню – ищите, господа, таких в Китае. А не в городе, где за эти деньги пигалицы офисные просто бумажки из кабинета в кабинет переносят.

Натик протянул руку над монитором, чтобы поздороваться, и негромко, еле слышно сообщил:

- Вас Дмитрич очень ищет, просил сразу, как вы придете, позвонить ему.

- А где он сам?

- Уехал в головной офис, там кипиш какой-то. Стас тоже с утра вас ищет.

- Это уже хуже, - сказал он вслух при Натике то, о чем начал думать, - как день начался, так он и закончится.

Он набрал номер Станислава, который был одним из руководителей холдинга, накрывшего город «глянцем». Их продукция сияла качественным блеском с витрин всех киосков, она красовалась в торговых центрах и супермаркетах, заполнила почтовые ящики в подъездах и проникла в квартиры. Горожане были переполнены «глянцем», они купались в нем, рассматривая яркие картинки местных салонов белья, мебели, автомобилей, проектов таун-хаусов, «английских двориков» и «александровских садов». Их наверняка грело чувство гордости, что они живут не в загибающемся от безденежья городе, а среди вот этого блеска и сияния. Полиграфия может сделать очень много для появления в головах людей чувства удовлетворения. Жизнь перестает казаться серой и убогой, пропадает ощущение потерянности и краха, возникают надежды на личный успех, заявления о росте благосостояния и темпах экономического роста приобретают смысл и воспринимаются не как полет фантазии людей, живущих на другой планете, а как знакомая глянцевая фотокартинка, снятая с природы где-то совсем рядом, чуть ли не за углом соседнего дома. Возможен и отрицательный эффект, но о нем владельцы и распорядители глянцевых технологий не задумываются.

- Ты появился? Ну, слава Богу! – узнал он голос Дмитрича, который всегда говорил торопливо и взволнованно, даже если волноваться было

не о чем.

- А Стаса нет? Я ему звонил, - он сказал это, потому что удивился и не сообразил, почему из кабинета руководителя ему отвечает Дмитрич.

- Мы выезжаем, никуда не уходи, если чуть задержимся, значит, в пробку попали, ты никуда не уходи!

- Что случилось то? – задал он вопрос и сам начал беспокоиться.

Дмитрич был человеком очень впечатлительным, но сейчас в интонации его голоса содержалось чересчур много эмоций, скрывающих его панический страх. Дмитрич был напуган.

- Потом, потом. Надо, очень. Жди, не уходи!

- Хорошо, никуда не уйду и буду тебя ждать.

С Дмитричем они работали вместе уже больше пятнадцати лет. Они же и выбрали его начальником отдела. Был период, когда повсюду всех выбирали. Директором издательства выбрали молоденького, но очень умного и хваткого парня с редкой на Руси фамилией – Ученоев, а начальниками отделов – любимчиков коллективов. В их отделе все знали, что Дмитрич дружил с Ученоевым и не секунды не сомневались, что сделали правильный и выгодный со всех точек зрения выбор.

Дмитрич дружил не только с директором издательства, но и еще с уймой народа в городе. У него рано умерли отец и мать, не вернулся с охоты брат, погибла в авиакатастрофе сестра. Однако Дмитрич как-то сумел остаться веселым и доброжелательным человеком, который постоянно подшучивал над всеми знакомыми, но при этом своим шутивным намеком или «развитием темы» старался не беречь душевных ран собеседника. Что касается душевных ран, у Дмитрича было очень чуткое сердце.

Родственник его жены сделал неплохую карьеру и уже командовал департаментом в областном правительстве, тем самым департаментом, который командовал издательством и, всеми кто вращался вокруг издательства, генерируя «глянцевые» идеи и превращая их в «реальность». Так что, у Дмитрича, который прошлым летом отметил «полтинник», и которого обнимали в день юбилея практически все именитые горожане, жизнь в итоге сложилась неплохо, и причин для настоящей паники, той, которая предвещает многочисленные передряги и невзгоды, вроде как не было.

В ожидании, когда приедет Дмитрич, он слонялся по отделу, пока не понял, что своей отстраненностью от текущего производственного процесса он все же оскорбляет коллектив, в котором есть только один бездельник и этот бездельник даже не поинтересовался, как идут дела. Он вышел на улицу и стал ждать за углом Дома печати, где по улице

Профсоюзной гудел поток машин, и можно было до бесконечности рассматривать разноцветные автомобили, старые и новые, грязные и вымытые, дорогие с многозначительными номерами и дешевые, с номерами случайными и ничего не говорящими об их владельцах. Не успел он как следует окунуться в шум и рокот этой перегруженной транспортом улицы, как из Дома печати вышла Тамара, искала глазами кого-то в окружающем пространстве, увидела его и пошла к нему. Тамара тоже была их сотрудницей, но когда он заходил в отдел, ее там не увидел. Она когда-то работала у них машинисткой, по мере развития цивилизации переквалифицировалась в компьютерную наборщицу и теперь выполняла технические переброски файлов от одного к другому по «сетевому окружению». Но это не был «пляжный волейбол», где десять отдыхающих от нечего делать перебрасываются в круге мячом. Она работала в коллективе так давно, что знала стиль и характер летящего от сотрудника файла. Не просто его «тактико-технические» характеристики, а весь комплект ошибок, который всегда сопровождал файл этого сотрудника. Она в полете редактировала текст или картинку, и никто на нее за это не обижался, так как после ее «удара по мячу» содержание файла становилось лучше.

- Ты тоже увольняешься, да? – спросила она, подойдя очень близко и зачем-то сложив руки на груди крест накрест.

- Я? Нет. – ответил он уверенно, вернее постарался так ответить.

- Что, я не вижу что ли. На работу положил это самое, приходит вообще перестал.

- Пришел ведь.

- Ой, да перестань! – она смотрела прямо ему в глаза и ждала. Для нее было важно, что он ответит, вернее, как ответит. Она их, старичков, знала как облупленных и причем облупленных давно, лет пятнадцать назад. Стоило любому из них появиться утром на пороге кабинета, как она безошибочно диагностировала его душевное и физическое самочувствие: сколько вчера выпил, поругался ли с женой, натворили или нет чего-нибудь дети, способен ли начать работу сразу или до обеда будет сидеть, тяжело вздыхая, борясь с тошнотой и позывами блевать. Но из старичков остались лишь он да Дмитрич. После того, как сотрудников отдела перевели в холдинг под начало молодых ребят, старички разбрелись кто куда. Их никто не выгонял, но они понимали, что новому руководству, где всем, от генерального директора до топ-менеджера по закупкам туалетной бумаги было меньше тридцати лет, а руководители проектов не дожили еще и до «четвертака», старички были не нужны. Старички не умели приносить деньги. Ни себе, ни

руководству. Их не учили в молодости делать деньги, их учили просто работать и получать за это зарплату. Таких в холдинге и без них было достаточно. Поэтому старички, как честные люди, взялись за последний не освоенный в процессе трудовой жизни жанр: написание заявлений на увольнение «по собственному желанию». Первым осилил это жанр Есипыч, человек, абсолютно не способный выполнять заказы на «глянец». Его привычка говорить всем без исключения: «Может я не прав, но я тебе вот что скажу» и после этого излагать правду о себе и людях, молодых ребят не просто раздражала, а приводила в бешенство: это позволял себе иждивенец, который не мог принести холдингу ни копейки, и которого холдинг только из уважения к его возрасту поил и кормил. Вторым айсбергом, отколовшимся от «материка», был Петрович. Этот разбирался в «глянцевых» делах неплохо, но гордость задушила. Не смог работать под началом «парнишек», как он называл директоров холдинга. Петрович отплыл на свободные хлеба. Туда, где не надо ходить на работу. Сам заказ нашел, сам выполнил, сам деньги получил. И сам себе хозяин. Затем написал заявление Калиль. Этот был умница, все умел, не задавал никаких вопросов – идеальный сотрудник, но – тосковал по творчеству, по свободе, по вдумчивой просветительской деятельности, которая в виде учебников останется на века. Он беспокоился, что предки, которых он знал до двенадцатого колена, спросят его: «Уважаемый, ты почему так бездарно прожил жизнь и не сохранил добрую память о себе у внуков и правнуков на двенадцать колен вперед?»

- Я никуда не собираюсь уходить. – ответил он Тамаре, - Сам уходить не собираюсь, - повторил он, сделав акцент на слове «сам».

- А Дмитрич уходит, - неожиданно сказала Тамара.

- Куда ухолит? – теперь уже он, удивленный, смотрел ей прямо в глаза.

- Не знаю. Сказал, что в никуда. – Она отвернулась и смотрела в сторону, где проносились на «зеленый» или подолгу стояли перед «красным», машины. Он молчал и тоже смотрел на машины, обдумывая ее слова. Наверное, для Дмитрича нашли место в департаменте. Все к этому шло. Сотрудников он, как бывший начальник, передал в денежные руки молодых ребят, самому переключаться на рядовую работу не захотелось, да и разучился уже трудиться рядовым, куда теперь? Только в департамент, к родственнику по линии жены. Он не очень с ним ладил в семейном кругу. Как они работать будут в структуре, где родственник командует, а Дмитрич подчиняется, где начальник всегда умный, а подчиненный всегда дурак? Дмитрич, конечно, человек был скромный, но не окончательно

лишенный чувства гордости, и родственника не считал умнее и лучше себя. «Ладно, разберутся по-родственному, тоже не первый раз друг друга увидели. Всякое между ними было, и бревна на баньку вдвоем носили, так как помочь начальникам оказалось некому, и за баб друг друга мордой в содеянное на стороне тыкали. Разберутся» – закончил он размышлять по поводу свежей новости.

- Когда уходит, не сказал? – спросил он Тамару.

- До августа, сказал, дотяну, потом стол накрою, всех созову и – прощайте.

- У, так не завтра, - он повеселел. – До августа все на десять раз поменяется.

Когда Тамара пошла обратно в Дом печати, так и не размыкая скрещенных рук на груди, он вспомнил про август. Второй раз за день прозвучало название последнего месяца лета.

Глава 14

Темная «Мазда» подкатила прямо ко входу в Дом печати. У входа не было автостоянки или парковки. Здесь вообще нельзя было останавливаться, разве только на «Газели», чтобы не так далеко тащить старую мебель, которую меняют на новую. В здании «жили» десятки фирм, не менее половины из которых считались успешными. А в успешных фирмах, потаенными ходами связанных с подземными бюджетными озерами, мебель меняют каждый год. Рабочие в синих комбинезонах привозят на «газельке» коробки и ящики, сотрудники фирмы выносят тумбочки и столы. Обмен происходит быстро и с каким-то взаимным энтузиазмом: у одних растет объем продаж, у других уже к вечеру обитатели кабинетов получают по «деревяшке» с колесиками. Кто тумбочку, кто полочку, некоторые «шкапчик», а иные – то, что величают гарнитуром. Для этих «деревяшки» делают не из опилок и без колесиков, потому что сделанное на заказ «настоящее дерево» всегда крепко упирается в пол короткими, чуть изогнутыми ногами.

Не обратить внимание на «Мазду», когда она прошуршит новенькими колесами и у самого входа затормозит, чуть качнувшись вперед от энергии инерции ее большой, просторной и блестящей массы, а потом замрет, скрывая за стеклами кого-то, кто сделал это, кто подъехал и вот-вот выйдет и покажет себя – невозможно. Как и все остальные, кто оказался в этот миг у Дома печати, он смотрел на «Мазду». Рядом с ним стоял издательский сантехник Аркаша в кирзовых сапогах и с

фонарем в правой руке, который только что вылез из канализационного люка у стены издательства. Чуть ближе ко входу стояла почтенная пара, старичок с орденской планкой на пиджаке и старушечка в длинном темно-зеленом жакете. Аркашу послали в люк по традиции: каждую весну подвал Дома печати начинает пованивать, сигнализируя об очередном несварении канализационного «желудка», а единственный сантехник, работающий в издательстве со дня его открытия – Аркадий Иванович. Ему, как говорится, и фонарик в руки. Он слазит, посветит фонариком внутри канализационных кишок и скажет директору издательства свою ежегодно повторяемую фразу: «По соображению моего ума, труб там нет, одно гнилье. Все надо менять. Я это говорил тому директору, который был до вас, и тому, который был до него, и всем тем, которые были, когда всех вас не было». «И что?» - спросит директор, который на этом месте всего пять месяцев, подвала никогда не видел и не увидит, потому что через следующие пять месяцев он будет поставлен на другой проект, более масштабный. Вот только проведет аукцион по продаже издательского комплекса по всем правилам, то есть по правилам бразильского футбола – вы покупайте то, что сможете, а мы купим то, что захотим – и вперед, к новым спортивным поединкам, где побеждает сильнейший. «Что-нибудь придумаем», - ответит Аркаша и придумает, но следующей весной он опять окажется в канализационном люке.

Зачем в Дом печати шли старички с орденами и в жакетах? Скорее всего, заказать приглашения на «золотую» свадьбу. Если Аркаша смотрел на «Мазду» с некоторой накипью в горле, то старички посмотрели на нее уважительно. Они встали близко друг к другу, взялись под руку и приосанились, как те, кто встречает очень важных гостей на свой юбилей. Старики полагали, что это приехал директор издательства, а может, кто и повыше, а вполне возможно, что в машине - самый главный и самый высокий в области, значит надо приободриться и, если получится, сказать ему что-нибудь хорошее, если повезет, рассказать про юбилей. Он поздравит, пожелает жить долго, пошутит о том, что завидует и тоже мечтает однажды отметить с супругой подобный юбилей. Вот и все, что надо старичкам. В этот день они были бы особенно счастливы.

Из «мазды» вышел Дмитрич. В новеньком пиджаке и очках-хамелеонах Дмитрич выглядел весьма импозантно. Пиджак был расстегнут, из под него выдавался в меру округлившийся живот, не слишком далеко выпирающий, как раз такой, какой нужен для появления чувства почтительности у окружающих. Со старичками Дмитрич поздоровался

уважительно. Они одновременно сказали «Здравствуйте» и поклонились. Затем Дмитрич помахал рукой Аркадию Ивановичу, крикнув: «Привет лучшему уму издательства, соображения которого всегда спасали и спасут нас вновь от жуткой вони из подвала! Могу я зайти сегодня в кабинет без противогаса?». «Сможете, если постараетесь не засиживаться в туалете», - ответил Аркаша и улыбнулся, - У вас как дела, карасе или в такой машине карасе в квадрате?» Все знали привычку Дмитрича вместо слова «хорошо» всегда с интонацией ребенка говорить –«карасе».

Стоя у боковой стены издательства и наблюдая за ними, он понял, что Дмитрич, вероятнее всего, заметил его еще сидя в машине. И Станиславу сказал, что вон он, стоит и ждет нас. Поэтому Стас вышел из машины, но от нее не отходил: дожидался, когда Дмитрич отправится беседовать с тем, ради которого они спешили и советовали водителю, как быстрее подскочить к Дому печати. Видимо, они и подсказали водителю нарушить правила и подогнать прямо ко входу. Дмитрич направился к нему, пожал руку. Лицо его не было испуганным, а по его приветствию, обращенному к Аркаше, можно было не сомневаться, настроение в душе Дмитрича уже почти достигло стадии превосходного.

- Ты нас днем напугал. – сказал Дмитрич и оглянулся.

Станислав заметил это, тоже подошел и поздоровался. Он улыбнулся Стасу, потому что у них со дня знакомства сложились очень даже неплохие отношения. Это произошло всего лет пять назад. Стас участвовал в избирательной кампании, будучи студентом старшего курса. Ему доверили работать в команде пиарщиков фаворита предвыборной кутерьмы, именуемой для людей непосвященных «гонкой» и «борьбой». Чтобы в головах шевелились нужные ассоциации на тему тех видов спорта, которые испокон веков почитали в народе: бег и сжимание друг друга в тесных объятиях для того, чтобы хрястнуть потом об землю. Как студент, изучающий пиар-технологии, Стас в познавательных целях тесно общался с пиарщиками команды соперника. Все хотят побыть в роли учителя и наставника студента. И те, и другие учили его и наставляли. Показывали стратегические и тактические планы, самовлюбленно делились креативом, то есть всякой заумной белибердой, которую они выдавали за свое изобретение, а на самом деле скопировали с европейских и американских выборов сорокалетней давности. Действительно нового, творческого, оригинального и остроумного было крайне мало и оно было на других выборах в других регионах. Но заказчики этого не знали и платили

деньги за «креатив». Они, конечно же не дураки, заказчики, но так хочется поверить, что если наймешь команду, которая себя зарекомендовала, то будет толк и будет победа, так сильна надежда, а вдруг эти ребята загнут что-нибудь эдакое, так хочется уделывать соперника, что деньги командам они платили. Станиславу повезло: победил кандидат той команды, в которой у него было основное место базировки. Впрочем, если бы победу одержал другой кандидат, ему бы все равно повезло: Стаса уже знали, Стас был у всех учеником. Патронировать ученика – святое дело даже среди грешников. После выборов Стас начал карьеру в правительстве области на очень низкой должности: в каком-то комитете какой-то консультант. Тогда они впервые встретились. На улице у пивного ларька. Недолго, но задушевно поговорили. И вот Стас уже генеральный директор то ли трех, то ли семи фирм, Стас уже сам, наверное, со счета сбился. Стас – его начальник, и они никогда уже не встретятся у пивного ларька, чтобы недолго, но задушевно поговорить. Не потому, что Стас сильно изменился, хотя изменился, вне всякого сомнения, сильно. Нужды нет. У обоих.

Знаешь, что сегодня в 19 часов ты встречаешься с первым заместителем губернатора? – спросил Дмитрич.

Сегодня? – он переспросил, потому что удивился искренне. Ничто не подсказало ему предстоящую встречу со столь крупным областным руководителем.

В том то все и дело, - продолжил Дмитрич. - Мне в обед позвонили из департамента. Как найти вашего сотрудника? Я им дал все телефоны, что знал. Через час звонит мой родственник, директор департамента, надо найти тебя немедленно. Через пятнадцать минут звонит снова, нашли? Нет. Он давай мне: когда дают задание, надо уметь выполнять его немедленно. Таких заданий, которые нельзя выполнить, мы, мол, не даем. Вы обязаны знать, где находится ваш сотрудник в рабочее время, если вы не знаете, вы плохие руководители. Я говорю Стасу, давай машину, по телефонам тишина, знакомые – все как один: давно не видели, давно не общались. Поехал к тебе на дачу – нет, и не был. Вернулся, Стас мне говорит, что с планом финансирования на второе полугодие все бумаги пока отложены, что директор департамента, родственник мой, пришел и сказал отложить. Ты где был? – Дмитрич наконец-то сделал паузу.

В городе, на улице Республики. – он ответил так, потому что подробности Дмитрича в данную минуту не интересовали.

Ладно, самое неприятное позади. Ты здесь, одежда не очень, но

выглядишь вполне, могло быть хуже, - Дмитрич оглядел его, даже зашел сзади и убедился, что на спине ничего не порвано и не запятнано. – Когда мне родственник звонил в шестой раз, я его не узнал.

Родственник мне говорит и голос у него такой просящий, просящий: кровь из носу, сопли об сапог, найти тебя до вечера, иначе сначала уволят директора департамента, а потом нигде не найду работу я.

Серьезно! – Дмитрич воскликнул и снял очки, заметив, что последним его словам он не поверил.

В чем смысл такой спешки, твой родственник объяснил?

Его вызывал заместитель губернатора и попросил.

Что попросил?

Чтобы ты зашел к нему к 19 часам.

Ну? – он ждал, когда Дмитрич закончит фразу, то есть скажет, зачем ему заходить к 19 часам.

Потом заместитель звонил ему, интересовался, придешь ты на встречу или нет.

Что ответил твой родственник?

Сказал, что, конечно, придешь. А тебя найти не могут! Он испугался: такое простое задание и не выполнил, да еще и наврал при этом. Там ведь не у нас, там или выполняешь, или уже не там. А причины невыполнения можешь рассказывать жене или любовнице, которая поймет и пожалеет. И по головке погладит, и по одной и по другой, - Дмитрич улыбнулся. Любил он поиграть словами в русле этой тематики, хотя в последнее время его шутки, и не только шутки, становились удивительно схожи с шутками чиновников в «желтых домах».

Я приду к 19 часам. Все у родственника будет нормально.

Скажи, зачем ты Борису Михайловичу понадобился? Ты нигде не выступал? Гадость какую-нибудь ни о ком из них не говорил?

Он понял, о чем его спрашивал Дмитрич. Об его нескольких откровенных высказываниях. Тогда ему еще не платили деньги за услуги, и поэтому он позволял себе открывать рот при посторонних и вещать. Посторонние с наслаждением, в красках и многозначительными полутонами передавали смысл вещания и цитаты тому, о ком он вещал. Это запомнили навсегда и невзлюбили его тоже навсегда. Не только те, о ком он говорил при посторонних, но и их друзья, родственники, сослуживцы – одним словом все, кто вокруг них жил, от них кормился или у них учился.

Посторонних у каждого в жизни очень много. Практически – все до

единого. Даже ты сам себе посторонний, когда думаешь о своей судьбе. И особенно, когда думаешь и говоришь о судьбе других, напившись водки.

Последнее, о чем попросил Дмитрич, не говорить Борису Михайловичу ничего плохого.

Зарплату надо людям платить, а это трудно, мы не задерживали ее ни разу! Да что тебе-то говорить, ты и сам знаешь, как мы куннинлингсом занимались, языки от лизания на полметра длинней стали, - сказал Дмитрич и медленно пошел к машине. Голову он опустил и стал похож на очень усталого человека, который не рассчитал сил, после вспышки бодрости, вдруг, быстро и окончательно устал, и теперь бредет, еще держась на ногах, но уже не способный ни говорить, ни улыбаться. Стас легко перегнал его и сел в машину первым.

Глава 15

От Дома печати к зданию правительства области он шел двадцать пять минут. Когда ходишь пешком, можно высчитать время прибытия с точностью до минуты. А вот на машине – ничего нельзя точно знать наперед: въедет кто-нибудь в бок, и время остановится. Уже никуда не попал, уже некуда спешить. Сиди в помятом салоне и жди, когда приедут парни из ГАИ. Это, если помяли бок салона, а не ребра или голову. По улице Немцова он вышел на Советскую и начал огибать «дворянское гнездо». Есть в городе райончик, где до возврата к эпохе империализма кучковались дома «киевской» планировки и две высотки из «ярославского» кирпича желтого цвета. Народ в то время поголовно читал Тургенева и назвал это место «гнездом», так как тут жили исключительно партийно-советские «дворяне» вместе с челядью и верными служивыми конюшни и псарни. Попадали сюда и передовики производства, но по разрядке: не более трех на подъезд. По улице Хохрякова он вплотную приблизился к месту, где расположена архитектурная точка высшей власти: здание с колоннами. Передом могучее здание было обращено к памятнику Ленину, а задом – к улице Володарского. Кто такой Ленин, он знал, но вот кто такие Хохряковы, Немцовы, Володарские, он, честно говоря, никак не мог запомнить или выучить наизусть. Несколько раз читал о них статьи, вроде даже запомнил, что они чем-то отличились, когда меняли одну власть на другую, но чем отличились и при каких обстоятельствах, то ли больше народа положили, то ли меньше, забыл. Видимо, не суждено этим личностям остаться в его памяти навечно. Только их фамилии.

Получилось, что к «избушке» правительства области он подкрался сзади, с улицы Володарского. Бормотать «избушка, избушка, повернись к Ленину задом, а ко мне передом» не было смысла: прочно тут все, основательно, не на курьих ножках. Пленные немцы курьих ножек не строили. Внутри здания бывают сквозняки, потому что там всегда окна нараспашку «новому курсу», но на самом здании ни трещинки.

За спиной у него – Дом правосудия, перед глазами Дом правительства. Он, значит, находится между Властью и Законом. «Координаты верные, - подумал он, - кто во власти, тот не боится закона, а кто его боится, тот не попадет во власть. Я не отношусь ни к тем, ни к другим». Он не мог сейчас твердо сказать, уважает он власть или нет, готов соблюдать закон, или предпочитает плюнуть на него при первом удобном случае. Он не встречал людей, искренне уважающих и власть, и закон. Наверное, таких нет вообще. Но многие уверяли, что уважают, и этим гордились. Этим оправдывали свою стелющуюся вдоль земли покорность и послушность. Он не верил им. Может быть, зря. Это дало бы ему возможность взять с них пример, отключиться от происходящего и вкушать прелести жизни, ни о ком не думая и забыв о себе. С другой стороны, ему не нравилась нахрапистость попирающих власть и закон. Они ему казались очень не нужными людьми. Они могли наступить на хрупкий цветок и на человека, посадившего этот цветок, задавить ежика, мирно перебегающего дорогу в вечернем полумраке, причем задавить с азартом: попаду или не попаду на него правым колесом? Услышав шлепок под шиной, обрадоваться – попал! Из-за одного руководителя государства, мешающего их финансовым интересам, они были способны разбомбить все в этом государстве: и цветы, и ежиков, и людей. От таких исходит вечный грохот, неустроенность и тоска.

Он дошел до колонн здания правительства. Время – половина седьмого. Есть полчаса, для того, чтобы «отдохнуть и оправиться», как выражаются в армии. Здесь, на площади перед правительством, все и всегда красиво. Кроме Ленина, который суров, мрачен и не красив. Но он же памятник, куда он может уйти, чтобы не портить красоту?

Площадь перед тронем князя, царя, президента, в Африке – вождя, где-то за Уралом – губернатора, все народы в любой точке земли украшают особенно тщательно, не жалея своих запасов. Есть у народа, к примеру, десять тонн маиса. Пять из них народ продаст ради того, чтобы построить своему папуасскому лидеру хижину из бамбука, привезенного с дальнего острова, и затем непременно украсить ее

лилией, доставленной с противоположной стороны океана. Зачем? Взяли бы и съели весь маис, а лидеру с кольцом в носу просто поклонились пониже в знак признания, мол, не сомневайся, мы не забыли, что ты – наш лидер, у тебя кольцо в носу. Лидер тоже хорош, заботится о благе своего народа, ночи не спит, помня об ответственности за судьбу острова и его населения, за уменьшение смертности и увеличение рождаемости, об этом помнит, но от особого сорта бамбука и от лилии не отказывается. Почему?

Извините, вы не к Борису Михайловичу на прием?

Что? - от голоса сзади, прозвучавшего неожиданно и у самого уха, он вздрогнул.

Простите, - сказал молодой милиционер с очень приятным лицом, - из приемной Бориса Михайловича звонили, вас ждут, проходите, пожалуйста.

Он открыл огромные двери здания, пересек обезьянник с двумя «буфетчиками». Так он называл место в вестибюле, весьма приличное и совершенно не похожее на «обезьянник» в Центральном РОВД, где ему приходилось бывать, и где пахло нехорошо, хуже, чем в глубинах деревенского сортира. Это был обезьянник другого рода: здесь в клетке из белых пород дерева все входящие показывали паспорта и пропуска двум милиционерам, стоящим за лакированной полкой, очень похожей на барную стойку. Входящие сюда первый раз и те, кто входит очень редко, обязательно начинают гримасничать и непроизвольно кривить лицо в маску, символизирующую доброжелательность и лояльность. Когда милиционер сравнивает взглядом изображение на фотографии паспорта с живым оригиналом, они виновато объясняют милиционерам, что волос на голове стало меньше, потому что годы идут, и они не молодеют. При этом лицо у них превращается в мордочку обезьянки, которая просится к «своим» и боится, что самцы-охранники прогонят ее и оставят одну в джунглях без защиты и пропитания. А если входит большая группа, не важно, работники ли это образования, приехавшие для получения наград, или делегация из Германии, желающая научить нас управлять муниципалитетом, появляется стойкое ощущение, что клетка вестибюля наполнилась обезьянами, общающимися на языке мимики растянутых губ и торчащих зубов. Группа людей, собравшихся для того, чтобы повстречаться с властью, абсолютно ничем не отличается от стада макак. Нет, от макак отличается, те проворнее и визгливее, а от шимпанзе точно не отличается. Гориллы даже выглядят спокойнее и умнее людей.

Милиционеры за «стойкой бара» поздоровались с ним и не стали

просить показать документ, поэтому не пришлось виновато улыбаться, кривя рожу, извиняясь всем своим облезлым видом за то, что он вызывал у них подозрения. Вот что такое звонок сверху! Вот его преобразующая и преображающая сила!

Как приятно идти по ковровой дорожке, с каждым шагом подымаясь все выше и выше к вершине власти. Минуту назад он был там, где все – за порогом. Несколько телодвижений и вот третий этаж, и вот она - приемная губернатора. Тысячи людей никогда не приблизятся к ней на столь близкое расстояние. Они даже не знают поэтому, как им повезло. Он прошел мимо закрытых дверей главной приемной области и обратил внимание, что в коридоре, широком и длинном – ни души. Значит, сейчас он - хозяин коридора. Можно нацарапать на стене «Здесь был я» или отрезать кусок золотистой шторы на память. Потом прибегут снизу «буфетчики», наверняка наблюдающие за его поведением по монитору. Они сначала обсудили между собой, зачем это таких, одетых как попало, могут вечером приглашать к начальству? Потом кто-то из них скажет по его поводу: «Ну, если тебя пригласили как человека, так и оделся бы прилично, а не перся к заместителю губернатора в одежде, в которой и на даче ходить стыдно». Затем устроят коллективный просмотр всех его телодвижений по коридору и когда заметят, что он царапает ключом стену, а потом дергает и режет штору, очнутся от сонливого безделья и пулей понесутся вверх. Будут разборки и скандал, после которых аудиенция у заместителя губернатора обязательно сорвется. Он шел по коридору в сторону приемной заместителя и чувствовал, что в тайничке под сердцем еще осталась маленькая-маленькая, малюсенькая-малюсенькая надежда: можно остановиться и повернуть назад.

В апартаменты заместителя дверь была открыта. Он заглянул внутрь. В «зале ожидания», комнате, которая предшествует собственно приемной, слабо горели светильники, на огромном ковре никого не было, никто из просителей не ходил туда-сюда и не сидел на креслах. Пусто. В глубине, там, в отдельном пространстве, где телефоны и оргтехника, увидел молодую девушку, которая стояла около стола, прибирая, видимо, документы в конце рабочего дня. «Никто меня тут особо не ждет, - убедился он. – развернуться и уйти?». Девушка подняла голову и заметила фигуру в дверях. Лицо ее стало удивленным: она не ожидала, что гость будет одет в такой большой и мятый балахон. Но девушка была догадлива по уму и приветлива по характеру. Лицо ее быстро «согрелось», девушка кивнула в знак приветствия и пошла к нему. В «зале ожидания» она остановилась на мягком светлом ковре с

коричневыми узорами по краям и сказала: «У Бориса Михайловича сейчас новый мэр Тобольска, мэр узнал, что Борис Михайлович в кабинете один и решил зайти к нему. Борис Михайлович просил сказать вам, чтобы вы обязательно дождались, когда он освободится».

- Опередили.

- Вы располагайтесь, - девушка не слышала, что он ей сказал, продолжая стоять в коридоре, – я вам чай приготовлю.

Он бестактно закрыл дверь «с той стороны», не дослушав ее и не ответив ей. Ему хотелось тут же уйти из этого здания и никогда сюда больше не возвращаться. В душе вскипел гнев. И на «них», и на себя. Никогда «они» не будут уважать его, никогда не выйдут из своего кабинета и не скажут: «Извини, друг, мэр через час уезжает, надо с ним обсудить кое-что. Побудь здесь или на площади. Я как освобожусь, выйду к тебе или пошлю поискать, и потом мы спокойно обо всем поговорим».

У лестницы вниз он остановился. Сначала он задал себе вопрос: а за что им уважать тебя? Ты кто? Для «них» ты кто? Никто. Один из тысяч, которых они видят на своих бесконечных встречах с «населением». И это – правда! Он – никто. Не гений, не чемпион, не олигарх и не вышестоящий руководитель. Пустое место, даже не место, а пустое пространство, человеческий вакуум. Если так, чего же он тогда раскудаhtался? Зачем вообще сюда пошел? И тут он вспомнил, что не собирался и не чувствовал никакой потребности сюда идти. Его позвали, им он был нужен, а не они ему. И еще вспомнил просьбу Дмитрича не лишать коллектив зарплаты. Его лицо, его искреннюю обеспокоенность.

Коридор был длинный, с двумя поворотами. Он ходил по нему из конца в конец и почувствовал, что успокоился. Вспомнил историю директора департамента финансов Маркушина, которому вполне мог помочь, но был к этому не подготовлен. Однажды он зашел в магазинчик тут, неподалеку. Назывался, кажется, «Фрукты-овощи». Что ему понадобилось в магазинчике, стерлось из памяти. За прилавком увидел Марину, давнюю знакомую. Она не была продавщицей, Марина зашла к подружке поболтать и выпить. Девчата в подсобке уже приняли и весело торговали. Дело было вечером, покупателей почти не было, и делать им было нечего. Но если кто-то появлялся, они начинали ему радостно голосить: «Здравствуйте, дорогой вы наш ненаглядный! Как мы вас долго ждали, проходите, миленький, к прилавку, выбирайте репку, помидорку!» И он оказался одним из «ненаглядных», что зашел в магазин за полчаса до его закрытия. В подсобке был устроен банкет

среди яблок и мешков картошки. Где-то часов в десять вечера Марина присела у телефона и начала названивать знакомым в поисках места, где продолжить банкет. Нашла, приказала ему собираться и предложила поучаствовать.

Далеко ехать? – спросил он.

Рядом, за углом.

А что за люди?

Человек один хороший. Все, больше ничего не спрашивай. – Марина не хотела вдаваться в подробности.

Человек оказался хорошим, быстро нарезал сыра и еще какой то закуски, достал две бутылки коньяка и принес гитару. Пили и пели, забыв про все на свете. У человека было двое детей, но они в этот вечер появились только раз, чтобы поужинать, а потом обитали в какой то дальней комнате. Женщины он не видел. Уснули все трое в одной «лодке» - отдельной небольшой комнатушке. Разбудила его Марина и опять приказала собираться, на этот раз домой. Он надел пиджак в темноте: свет не включали, потому что человек просыпаться отказался. Когда вышли на улицу, Марина объяснила, что уже семь утра и вот-вот приедет водитель этого человека. Она так и не сказала, кем работает человек. Уже около своего дома он почувствовал, что его пиджак стал другим. Присмотрелся – пиджак то не его, а человека, у которого он гостевал. Во внутреннем кармане ощутил нечто увесистое. Достал, а это пачка долларов, тысяч восемь, не меньше. Потом он день отсыпался, затем еще день искал Марину, она долго созванивалась с хозяином пиджака – прошла почти неделя, пока назначили час и место передачи вещей человека лично ему в руки. Надо было придти в кабинет здания, которое тогда называлось администрацией области, в это самое здание, где он сейчас бродил по коридору. В то время департамент финансов назывался управлением. Рядом с кабинетом, когда настал час передачи имущества, он заметил какой-то странный закуток. Он хорошо помнит, что подумал тогда: для налетчика, знающего, что он несет деньги, этот закуток – идеальное место для засады. Он пришел чуть раньше срока и так боялся потерять чужие деньги, что сразу отошел от закутка и ждал своего часа на основной коридорной магистрали, где было самое интенсивное движение чиновничьего люда.

Они встретились, вспомнили проведенный вечер. Начальник финансового управления после той вечеринки окончательно проснулся к обеду и когда начал собираться на службу, увидел пиджак гостя.

Начальник к нему даже не прикоснулся. Собственный пиджак он не

искал: подумал, что закинул его в какой-то шкаф, чтобы не мешал играть на гитаре. Надел другой костюм и поехал на работу. О деньгах голова не болела, это были деньги на обычные карманные расходы, голова болела от излишней доли коньяка. Это настоящая проблема, когда предстоит заседание губернаторского совета и ему на нем надо сделать отдельный доклад. Если бы Марина не позвонила и не рассказала об унесенном пиджаке с деньгами, финансист не искал бы их черт знает сколько времени. При разговоре начальник управления не кичился своей значимостью. Этим он понравился ему, гостю с улицы, которого так радушно и тепло приняли. Но деньги хотелось быстрее отдать и обязательно сказать, что не взято ни доллара. Он вытащил из сумки пиджак, чтобы отчитаться.

Да подожди ты с тряпками, с деньгами. Дай поговорить с нормальным человеком, - это финансист ему о нем так сказал. Было приятно. Он расчувствовался и рассказал о своих страхах в закутке, закончив рассказ словами:

Смени кабинет, здесь опасно.

Кому опасно?

Тебе. Ты доллары миллионами носишь. То одному понес, то другому. В инкосаторских машинах столько не перевозят. А ты один выходишь из кабинета. Опасно.

У меня пистолет есть.

Не успел финансист договорить фразу про пистолет, как ему захотелось схватить его за плечи, но мешал стол, поэтому он закричал: «Тебя из этого пистолета убьют, понимаешь?»

Тише, ты! –зашептал испугавшийся начальник управления.

Извините, - ему стало неудобно за эту выходку. Встреча скомкалась, и они разошлись.

Месяца через два он все же позвонил начальнику финансового управления:

Вы сменили кабинет? – спросил после приветствия и небольшого предварительного разговора ни о чем.

Нет и не буду.

Меня мучает этот ваш пистолет. Отдайте его.

Кому?

Не знаю, туда, где брали. Он мне все время видится, я даже ночью просыпаюсь.

Не пей плохой водки и будешь спать спокойно! Тут много важных дел, скоро губернатор из отпуска возвращается. Всего тебе, спокойной ночи!

Через сутки его нашли мертвым в собственном кабинете. Выстрел был сделан из его личного оружия. Единственная версия, она же официальная – самоубийство. Но он и сейчас, почти через десять лет, помнит, что руку, поднимающую пистолет к виску, он в ночном бреду не видел, а вот закуток и чью-то тень в нем – постоянно. Губернатор вернулся из отпуска после похорон.

Глава 16

Вот вы куда спрятались! – девушка из приемной заместителя нашла его в противоположном крыле здания, - Пойдемте, Борис Михайлович наконец то освободился.

Она шла впереди и ее разрезанная сзади юбка колыхалась, как разорванное в сражении знамя, указывая направление движения для тех, кто растерялся и не знал, куда бежать на поле боя. У секретаря-референта, в соответствии с внутренним распорядком, были стройные, даже излишне стройные ноги, смотреть на которые сзади нельзя: это мешает сосредоточиться на всех остальных мыслях, кроме той, что приходит в голову первой.

Извини, не мог раньше, хорошо, что ты дождался, - сказал ему Борис Михайлович, встретив у стола в приемной и пожимая ему руку.

Света, мы будем пить чай! Ну, пойдём, - он пригласил зайти в кабинет. Не до чая, наверное, - почему-то со смущением в голосе ответил он на приглашение. Видимо, не ожидал, что услышит слово «извини».

Почему? Торопишься?

Нет.

Тогда заходи.

Я подумал, что вам, наверное, некогда, - пытался он объяснить, почему сомневался насчет чая.

Есть минут сорок. Нам хватит сорок минут? – Борис Михайлович посмотрел на него, он посмотрел на Бориса Михайловича – встречного взгляда хватило, чтобы понять: они не утратили взаимной симпатии и продолжают относиться друг к другу с некоторым градусом теплоты.

Гость, то есть он, в юности был комсомольцем. Хозяин, Борис Михайлович – деятелем в комсомольском райкоме. Судьба свела их при следующих обстоятельствах. Ему поручили собрать членские взносы за полгода с комсомольцев издательского отдела. Это было тогда единственным ответственным делом у секретарей первичной ячейки. Он собрал, а отдавать в райком не хотел.

Петрович, - сказал он своему товарищу по отделу, - что-то мне не

хочется их отдавать.

Мне давно не хочется, а что делать? – ответил Петрович.

Давай их пропьем, - без всякой надежды на перспективу, просто так предложил он.

Давай, - неожиданно согласился Петрович пойти на серьезное преступление.

Они пропили взносы в этот же день вечером в отделе. Купили шампанское и вылили его в огромную бутылку из под химреагентов. Добавили туда спирта, долго болтали полученную смесь, раскачивая бутылку на полу у рабочего стола. Дмитрич попробовал и сказал: «Карасе!»

Наливать из большой бутылки в стаканы было неудобно, поэтому наливали в литровую банку, из которой по очереди каждый пил, сколько мог. Утопический лозунг «Каждому - по потребностям», не такой уж и утопический, если подключается коллективный разум и на дело направлена коллективная воля.

Закуски на членские взносы не покупали по принципиальным соображениям. Не хотели выглядеть людьми безнравственными перед лицом судей из бюро райкома. Пропить – поймут, прожрать – такого свинства не простят.

После вечеринки прошло много времени, но в райкоме никто денег не хватился. Через полгода он опять собрал взносы и предложил альтернативу: купить туристическую палатку. Петрович одобрил. Когда принесли ее в отдел, Дмитрич раскрыл, осмотрел и сказал: «Карасе!».

Через год из райкома начали звонить и интересоваться взносами.

Вскоре в отдел прибыл проверяющий по имени Боря, худой невысокий парень с большими для его молодого возраста залысинами со всех сторон головы.

Где взносы? – Спросил проверяющий ответственного, то есть его.

Палатку купили, - честно ответил он.

А остальные?

Пропили.

Проверяющий уточнил, кто пропил. Узнав, что преступление совершалось коллективно, можно сказать, на комсомольском собрании, Боря других вопросов задавать не стал. Из райкома больше не звонили и не приходили. Сбор членских взносов возложили на Дмитрича. К бывшему «мытарю» никаких санкций не применили. Но и в партию вступать не позвали. Наверное посчитали, что для эпохи строительства социализма у него недостаточно ума, чести и совести. В ряды продолжателей дела Ленина вступили Петрович и Дмитрич.

Второй раз они увиделись с Борей на общегородской конференции. От издательства пойти на торжественное собрание ему предложил сам директор. В юности разве откажешься. На каждом кресле филармонии, а их штук восемьсот, зачем то лежали красные ленточки. В какой то момент конференции, примерно тогда, когда засыпаешь первый раз, его толкнул в спину Боря и сунул в руку эту самую красную ленточку. «Маши!» - приказал Боря. Он открыл пошире глаза, увидел, что все в зале машут ленточками после очередной фразы в докладе. Все, кроме него. И это уже заметили и на это обратили внимание. Он напрягся и до окончания доклада исправно махал вместе со всеми.

Из райкома Боря выдвинулся в горком, оттуда, кажется, в обком. Скорее всего, туда, потому что больше некуда. На этом этапе жизненного пути они встречались, но по касательной. «Здравствуйте, Борис Михайлович!» - говорил он с соблюдением правил этикета худому невысокому пареньку с залысынами. «Привет!» - отвечал Боря и, не останавливаясь, бежал дальше по своим все более и более важным делам.

Давай, садись, докладывай, как жизнь, как работа, - сказал ему Борис Михайлович, когда они вошли в его нынешний просторный кабинет.

Бодро, весело.

Что делаешь?

Ничего.

В смысле?

Какая это работа, так, что-нибудь посоветую ребятам в отделе, что-нибудь подправлю. В общем – ничего.

Вот это и есть настоящая работа, что-то посоветовать и вовремя подправить, - Борис Михайлович посмотрел на него, встал со своего кресла и больше уже в него не садился. Видно было, что он хотел развить тему «советов и подправок», потому что оживился, эта тема ему была близка и, видимо, волновала его. Но – передумал. Потому что Светлана принесла чашечки с чаем, сахаром и салфетками на крошечном изящном подносе. Борис Михайлович с чашкой в руке продолжил ходить по кабинету.

С руководством холдинга конфликтов нет?

Нет.

Я со Станиславом говорил о тебе. Они иногда перегибают, когда стараются. Тут как раз нужен ветеран, такой как ты, чтобы мог подсказать. Перегибать – это хуже, чем не догибать.

Борис Михайлович развил тему перегибов и недогибов. Говорил минут десять.

Как здоровье?

Держусь.

В больницу обращался, обследовался?

Заходил в третью поликлинику, три часа просидел в очереди, потом три минуты с врачом общался. Направила меня в десять мест, вышел из поликлиники и все направления выбросил.

Борис Михайлович развил тему медицины в области. Говорил минут десять.

Суть не меняется, вот что обидно! – закончил он монолог с нескрываемым огорчением. – Представляешь, попала моя сестра на «скорой» во вторую городскую. Я вечером после работы поехал к ней. Охранник потребовал надеть тапочки. Я ему объясняю, что нет у меня тапочек, я после работы, первый раз, не знал, всего на одну секунду, увидеть, спросить, что надо, чем ей помочь. Не пустил, гад!

Вы бы сказали ему, кем работаете, - вставил он слово во время паузы, потому что Борис Михайлович был понятен, прост и вызывал в душе сочувствие.

Не хотел унижаться перед ним. Я позвонил главврачу, разберись, говорю. Мы в вашу больницу такие деньги ввалили и что имеем в ответ, хама на входе? Что у тебя за проблемы с милицией? – он перешел к другой теме.

С милицией то никаких. Бесы в кафе «Эврика» причудились, я их изгонял, мебель сломал, телевизор разбил.

Телевизор?

Пьян был. Увезли в отдел.

Борис Михайлович развил тему милиции. Говорил недолго, минут шесть. Закончил примером из жизни.

Пошли мы с женой в воскресенье просто погулять по городу. Я ее привел на Цветной бульвар, хотелось показать, какую мы красоту в городе создали. Идем, ей нравится. Смотрим, бомж разложился на скамейке. Там же скамейки, ты помнишь, не простые, не лавочки деревенские. Бомж грязный, накрошил кругом кусков хлеба, банки, бутылки, каких то пакетов чумных с собой принес. А буквально в десяти метрах от него стоят три милиционера и докапываются до таджика. Окружили его, документы проверяют. По таджику видно: обыкновенный работяга. Тоже пришел в воскресенье бульвар посмотреть. Я подошел к милиционерам. Вы, говорю, пожалуйста, обратите лучше внимание вон на того бомжа, а этого оставьте в покое. Они мне в ответ, а ты кто такой, чтобы нам указывать, у тебя самого документы есть? И старший показывает двум другим на меня,

проверьте-ка его. А я, как назло, даже удостоверение заместительское с собой не взял, гулять ведь пошел. Жена пробует выручить меня, говорит им - это мой муж и все такое. Они пристали, документов нет, сейчас повезем в управление по базе проверять. Я не выдержал, набрал генерала. У тебя, говорю, видеокамеры работают на Цветном бульваре? Да, отвечает, название пачки сигарет с расстояния сто метров различить можно. Так вот, ты посмотри и различи меня на экране, и как твои мародеры меня сейчас вязать будут, если я от них не откуплюсь. Мы вам для чего видеокамеры купили? В них, что, не видно, как бомж разложил свое дерьмо перед всеми, как наряд милиции таджика вниз головой трясет?

Борис Михайлович замолчал и стал ходить по кабинету еще энергичнее. Что дальше было? – спросил он его, потому что продолжение рассказа так и не последовало.

Что дальше? Эти исчезли еще до того, как я по телефону закончил говорить. Пропали. Не то улетели, не то сквозь землю провалились. Я пошел домой. Жена мне сказала, пойдём домой. Не хотела больше гулять. Ты почему ни разу мне не позвонил, я ведь давал тебе свой телефон? – опять резко сменил тему Борис Михайлович.

Неудобно.

Почему неудобно? Я разве стал таким плохим, что мне и позвонить, и пообщаться со мной неудобно?

Должность стала такая, - назвал он одну из главных причин, из-за которой никогда не пользовался знанием номеров своих высоко поставленных над народом знакомых.

Ты ритуал со свечкой завершил? – продемонстрировал Борис Михайлович еще раз свою осведомленность об особенностях и перепитиях его жизни за последние месяцы.

Завершил, - коротко ответил он, хотя так хотелось ответить очень подробно и обстоятельно. Объяснить, почему он стоял зимой с горящей свечой по вечерам каждую среду напротив здания правительства. О чем молился, глядя на окна чиновников, в которых видел свет, но в этом свете было больше черного, чем белого. Чего просил у Бога для людей, идущих и едущих мимо него по улице Республики. Но для этого нужна аудиенция продолжительностью часов сорок. Он не стал объяснять, почему потушил свечу.

Борис Михайлович вдруг куда-то заторопился. Было понятно, что у него иссякли вопросы и пропало желание развивать темы. Но оказалось, что еще один вопрос и одна тема его продолжают волновать. И они – главные.

Давай между нами попробуем договориться, - он произнес эти слова как то неуверенно, как бы сомневаясь, что договор состоится, - звони сразу, если захочешь мне что-то сказать. Если причудится что-нибудь или начнет казаться. Не стесняйся, я буду только благодарен тебе за это. Не бойся ты меня, я лысый, но не страшный! – Борис Михайлович впервые за эту встречу засмеялся, - Ну, все, нам пора. Я тебя провожу до приемной губернатора, войдешь туда один.

Она закрыта, - сказал он, услышав последние слова Бориса Михайловича.

Открыта, время – двадцать один ноль-ноль. Он уже здесь.

Борис Михайлович быстро убрал со стола тонкую папку, в которой лежало несколько листочков бумаги, наверное «объективов» на гостя, и сделал жест рукой: выходим. Они торопливо вышли из кабинета, Светланы в приемной уже не было. Проскочили несколько шагов по коридору и остановились перед приемной губернатора. Борис Михайлович открыл дверь и придержал ее рукой, чтобы его спутнику было удобно пройти внутрь, затем на хорошей скорости пересек все предбанники и залы ожидания.

Заходи, - Борис Михайлович показал на дверь в губернаторский кабинет и подождал, пока он не войдет внутрь. Дверь закрылась, и он остался в кабинете, похожем на большой зал, один.

Далеко впереди за огромным столом сидело знакомое Лицо. Хотя он редко включал телевизор и покупал газеты, это Лицо ему знакомо до такой степени, что он даже подумал в эту секунду: «Лицо мамы мне знакомо меньше».

Он стоял при дверях и не делал ни одного шага вперед. «Господи, как же так получилось, человек, с которым я никогда не встречался и не разговаривал, врезан в мое сознание сильнее, чем те, с кем я прожил жизнь, кого я люблю, кого считаю родным и близким? Для чего это нужно? Зачем мне так знать и так помнить это Лицо? Почему оно заняло в моем мозгу место, которое я ему не предоставлял? Как я теперь могу стереть это Лицо из памяти и сознания, потому что мне не надо, чтобы оно там было? Как?» - он стоял и молчал, задавая вопросы туда, откуда могли на них ответить. Оттуда обязательно на них ответят, чтобы он не задавал больше вопросов никогда и никому. Но, может, не стоит торопить этот день и час?

Лицо смотрело на него и ждало, что он засеменит ножками и подойдет поближе. Возможно, если бы он быстро и радостно подошел, Лицо бы встало и радушно поприветствовало бы его. Но он оцепенел у входа, и Лицо заподозрило недоброжелательное к себе отношение.

Я пригласил вас, чтобы предложить сотрудничество. Вы хотите отказаться? - голос был еще знакомее: он слышал его по радио чаще, чем видел в телевизоре. Поскольку к нему обратились с вопросом, он сделал несколько шагов вперед и вместо ответа произнес, не отводя глаз от Лица:

Здравствуйте!

Здравствуйте, если отказываетесь, можете не объяснять причин.

Я не понимаю, о чем вы говорите, - сказал он и сделал еще пару шагов к Лицу.

Нам лучше дружить, я об этом. Вас я уважаю, поэтому предлагаю, не уважал бы, не предлагал.

Наконец, он увидел у Лица живые детали. Стрижка у губернатора отнюдь не такая безукоризненная, как выглядит на экране. Там перед эфиром ее с особым тщанием приводят в порядок, а тут, в кабинете, прикоснулся человек к своему затылку, и волосики то растопырились в разные стороны, как и полагается у живых людей, значительно отличающихся от «картинки» на телеэкране. Щеки более не бритые, вернее совершенно не бритые: к ночи отросла щетина. По телевизору никогда не показывают, как растет щетина. Она или всегда есть, или ее никогда нет. Уши. Уши, вроде, те же. А как на экране выглядят уши губернатора? Это он почему-то не помнил. Глаза совершенно не такие, как на экране. Там их практически и нет, лишь два похожих на них очертания. Когда сидишь перед телевизором, всегда знаешь, что Лицо тебя не видит, поэтому ты безразличен к взгляду из «ящика». Сейчас глаза губернатора втыкались в него, как копыя и пронзали тело вместе с «требухой». Дух, душа, сердце – все нанизывали на себя копыя его взгляда. Единственный щит, который мог спасти – смотреть в упор прямо ему в зрачки. Он сделал это. Губернатор отвел взгляд в сторону. Копья исчезли, внутри тела перестало kloкотать сердце, стук которого эхом отдавался болью в висках.

Дружить с вами я не могу. Мы – не друзья, - сказал он губернатору и сразу почувствовал, что не объяснил этой фразой тот смысл, который в нее вкладывал, - чтобы дружить, мне надо человека любить. С вами я встречаюсь первый раз, вы можете быть мне интересны, но любить вас я не могу.

Он говорил медленно, как человек, который еле-еле отдышался от непомерной физической нагрузки.

Я имел в виду совсем другое, - ответил губернатор, внимательно выслушавший его медленную, полубольную речь. – Мне объяснили, что таким, как вы, могут «заказать» человека. И вы будете по-своему, как

умеете, выполнять заказ и работать против этого человека. Я не боюсь войны. Пусть будет кровь. В этой войне не выиграет никто, но вашей крови прольется больше. Поэтому предлагаю дружбу, – губернатор посмотрел на него, но уже мягче.

Ни у кого не хватит денег, чтобы сделать мне такой заказ, - сказал он губернатору. У того поднялись брови, даже приоткрылся рот, как будто он хотел возразить, но возражений вслух от крупнейшего финансиста региона не последовало. Поэтому он уверенно продолжил говорить, – Я тоже ничего не боюсь. Ничего, кроме собственной совести. Вас неправильно информировали, я не занимаюсь магией и колдовством. Он собирался добавить, что не занимается также волхованием и хождениями в круге, далек от жреческих ритуалов и ловли сигналов из астрала, не культивирует на астрологических грядках космогонию и гороскопы – не занимается всем тем, что сделали своей профессией люди с редкими способностями. Он многое хотел сказать губернатору, который все человечество разложил по ячейкам с шифром на дверцах: «нормальный» или «юродивый». Человек сделал состояние и богат – он у него в ячейке «нормальных». Если беден, такого человека помещают среди «нормальных» но в отдаленном углу ячейки, куда не нужно заглядывать каждый день. А тех, кто, по его представлениям, мог бы разбогатеть, но добровольно отказывается от денег, того - в ячейку для безделушек и ярлычок сверху – «дураки», чтобы не перепутать с людьми понятными, с кем просто и выгодно работать.

Я буду считать, что мы договорились, так? – спросил губернатор.

Так, - ответил он.

До свидания, - обе руки губернатора лежали на столе, но он ими не пошевелил.

До свидания, ответил он, и протягивать руку для прощания тоже не стал.

«Странные люди, - думал он, покидая здание с колоннами, - они меня в колдуны записали. Раньше руководители области любили порассуждать о феномене интуиции, о научном объяснении дара предвидения, особенно у классиков марксизма. А теперь все гораздо проще – колдун и есть колдун. Лепечет что-то, бормочет о чем-то своем – колдует, зараза. Однако раз колдун, надо с ним дружить, а то мало ли чего наворожит».

Как у них все просто! Сходил в церковь – свободен от грехов.

Задружился с колдуном – защищен от порчи на многие лета. Церкви дал денег, колдуну дал денег и – живи, как жил, твори, что творил.

Тебе все прощено, с тебя никто не взыщет, и черти не приблизятся к

тебе.

От площади с каменным Лениным он быстро добрался до банка со ступеньками, нырнул в «фермопильский проход» между банком и «хрущевкой», пересек детский разноцветный «губернаторский» городок во дворе и оказался дома. Было около десяти вечера. «Помолиться или нет? - спросил он себя. – Как только лягу на кровать, помолюсь, иначе получится, что весь день прошел без молитвы. И без длинной, и без короткой в семь заветных слов».

Решил, что не способен сосредоточенно прошептать многочисленные слова длинных молитв, прося защиты и покровительства для близких и далеких, живых и усопших. Поэтому надо прочитать короткую и попросить помилования для себя. Просить для других не было душевных сил. Лег на «сундук» и заснул на седьмом слове.

Глава 17

Бывает такое утро, когда просыпаешься новорожденным. Открыл глаза, а в голове нет огорчительных мыслей, нет переживаний. Свет в оконце и предощущение замечательной жизни впереди.

Он проснулся и перебирал содержимое своей головы. Что было вчера? Вчера были встречи и разговоры. Встречи бывают разные, разговоры тоже, но если не произошло что-то непоправимое, как, например, смерть отца или матери, все встречи и разговоры – сотрясение воздуха, томление духа и суета сует. Интересно, Борис Михайлович читал Библию? Если читал, то ознакомительно или с предыханием? Губернатор точно не читал. Хотя кто его знает, может, и перелистывал Новый Завет. У них это модно. Перелистают, и вот уже смело можно стоять по правую руку президента в Храме Христа.

А Коран они читали? Как можно управлять народом и государством, если не знаком со Словом Бога? Впрочем, на то и советники, чтобы князю не ломать голову над такими вопросами. Борис Михайлович у них там, наверное, за жреца. Он знания черпает из ведра, привезенного с Сириуса или от Шекина. Почерпнет ковшиком, сделает пару глотков и план работы правительства на три года вперед готов. Останется только разъяснить губернатору, в какое новолуние выйти к народу и сказать: пора сеять! Народ скажет: какой у нас умный губернатор, он знает, когда сеять. Без губернатора сеять скучно и трудно. То ли дело, когда губернатор даст отмашку. Появляется азарт, как у лошадей, которые скачут перед трибунами. Хочется быть первой именно перед трибунами, а не там, где тебя никто не видит и не запомнит твое

усердие и прыть. У жреца есть задача посложнее, чем отправить губернатора на экран, где он будет заклинать народ долгожданными словами: мы о вас заботимся, о вас мы заботимся, заботимся о вас мы, о заботимся мы вас, о заботимся вас мы, вас о мы заботимся... Жрецу надо втемяшить в голову «князя», привыкшего считать, а не читать, что его право властвовать над людьми – священо. То, что власть это здорово, это круто, «князь» просекает быстро и без чужой помощи. Но как ему объяснить, что право власти предоставляют тому, кто пройдет посвящение, кто верен клятве, понимает символы, и на кого пролился Свет разума?

Вот уж действительно, тяжелая у Бориса Михайловича миссия. В ранге заместителя он неплохо управился с тремя предыдущими губернаторами. Четвертый потверже будет.

Ну да ладно, это было вчера. Что сегодня? А сегодня у нас кремовая орхидея и день рождения Галины Георгиевны, директора самого крупного городского банка. Прекрасно! Сегодня у нас день, когда у всех в городе нет ни одной проблемы, кроме дня рождения Галины Георгиевны. У всех, начиная с ее супруга, губернатора области и по невероятно случайному совпадению директора самого крупного регионального банка. Он, бедолага, мучается, наверное, уже в эту самую минуту, потому что утро началось, и супруга где то под боком и ее уже надо поздравлять, и ей уже пора что-то дарить, а что дарить супруге, если она банкир? Кстати, это очень большая проблема.

Полцарства ведь ей не подаришь, оно у нее и так есть, как у супруги губернатора. Коня, которого иные короли меняли на половину царства? Так то были короли, и у них был не самый удачный период в жизни, а она королева, и у нее как раз период, удачнее которого не бывает. Конь не подойдет, конь и женщина – это всегда намек. Подожди-ка, подожди-ка, самый лучший подарок для женщины, у которой все есть – любовь, потому что именно любви нет у женщины, у которой все есть. Пусть дарит ей любовь прямо с утра и пусть при этом будет щедр и великодушен. Губернатор все-таки, а не доходяга из тубдиспансера. Супруги банкиры – исключительно интересный объект для специалистов по психологии и сексологии. А также для психиатров. Как они распределяют роли в семье, кто из них директор, кто председатель правления и что, вообще, представляет собой такая семья? Может, например, банкир ходить в трусах перед банкиршей? А голым может? Смешная, должна быть картина: лежат на постели голый банкир и голая банкирша. Все у них есть, а они – голые. Такие же голые, как обычные супруги, которые всегда голые, не только в постели, но и на улице, и в

магазине, потому что надеты на них тряпки, которые убедят кого хочешь – нет у супругов ничего ценного, кроме их взаимной любви. А эти то лежат хотя и голые, но богатые страшно. Смогут они, как простые люди, выйти голыми на улицу, прикрывая наготу лишь одеждой своей взаимной любви?

Что есть ценного в этой супружеской паре, что толкало бы народ бежать им навстречу и восхищенно кричать: «Смотрите, это наши король и королева!» И при этом не обращать внимания, что на них нет пурпурных одеяний.

Он, как-то, задал вопрос своим знакомым марксистам: произошла концентрация капитала в рамках одной семьи, и этот капитал всемогущ в рамках одного города, это хорошо или плохо? Местные марксисты ответили, что хорошо. Но марксистам нельзя доверять, у них одна революция на уме, поэтому он спросил либералов, хорошо это или плохо? Местные либералы ответили, что хорошо. Но либералам нельзя доверять, у них только биржевые индексы на уме, поэтому пришлось спросить и местных демократов для объективности, хорошо или плохо? Местные демократы ударились в диалектику: это очень плохо, но для нашего города - очень хорошо. Демократам тоже нельзя доверять. Городом правят банкиры, и это для всех хорошо. А лежат ли банкир с банкиршей голыми в постели и есть ли между ними взаимная любовь – никого не волнует. Это хорошо или плохо?

Нынешним утром он столько времени посвятил теме банков, что еще раз убедился: вчерашняя жизнь непременно под каким-нибудь соусом будет подана в постель поутру. Обычно о банках он вспоминал по вечерам, когда сгущалась тьма и исчезали деньги. В городе всяких банков, кроме тех, что принадлежали «семье», было огромное количество, не меньше, чем пивных ларьков. Идешь по улице: ларек, банк, ларек, банк. Но к одному из них он относился с особой душевной теплотой – к Сбербанку. Он не мог спокойно проходить мимо его рекламных плакатов «168 лет безупречной работы!». У него в тумбочке лежала серенько-синенькая книжечка, называемая по имени банка – сберкнижка. Матушка дала ему в те далекие годы, когда не только деревья, но и деньги были большие, тысячу рублей «на смерть». Если, мол, что случится, похоронишь по-человечески. Положил он их в этот банк, других тогда не было. Если бы банк работал безупречно 168 лет, они и сейчас бы там лежали и ждали предназначенного часа. Матушка еще жива, а «смертная» тысяча в 1991 году пала смертью, но не храбрых, а обреченных. Войны мировой не было, революции и гражданской войны в рамках нашего города тоже не было, да и в

стране не было. Так, шумнули в столице пару дней, из пушки по верхушке пальнули, ребятишек горячих человек двести зарыли, и продолжили править те же и так же. Ничего не было, а маманины деньги из сбербанка исчезли. Так что один упрек, от него лично, обоснованный, аргументированный и документально подтвержденный, к банку имеется, и поэтому банк не может нагло врать, что он работает 168 лет безупречно. Таких как он, со сберкнижками в тумбочках, еще несколько миллионов. Несколько миллионов упреков доносятся из тумбочек, а работа все равно - безупречная! Во как у нас бывает. Народу Индии и всей индийской цивилизации, которую считают самой продвинутой в духовном плане, не снилось состояние мудрости и покоя, в которое впал наш народ. У тридцати миллионов человек забрали их кровно заработанные и накопленные за многие годы деньги – а народу пофиг! Что, мол, сделаешь, раз так получилось. И – в астрал, и никаких упреков. Учитесь народы мира правильному отношению к деньгам и правителям!

Один из его прадедушек, еще при царе, подписался поехать на ленские прииски. Видимо, рисковый был мужик. Такие водились раньше на Руси, такие Сибирь присоединили к землям Царя-Батюшки и Его Императорского Величества. Вернулся с приисков с увесистым мешочком золотого песка, который разрешалось вывозить в размере заработной суммы денег. То есть, все по-честному. Насыпал прадед на глазах домочадцев золотой песок в глиняную кринку из под молока и торжественно отнес на хранение в Российский Государственный Императорский банк, тот самый история которого сейчас суммируется в общую цифру 168 лет. Надежнее банка в России не было. Прадед был спокоен за свое калымское сокровище и за будущее внуков. Каждому хватит на то, чтобы построить свой дом и взрастить урожай правнуков и правнучек. Но в 1917 году в город нагрянули балтийские матросы. Кринку прадеда увезли в известном направлении. Из-за этого в 1921 году, когда во время восстания представилась возможность сказать властям, что родственники прадеда думают по этому поводу, они молча били в деревне коммунаров деревянными колотушками по голове и заталкивали под лед проруби. Примчался Тухачевский с армией и остановил процесс. В деревне началась ремиссия и плата по счетам. Почти всех родственников прадеда из чувства мести стукнули колотушкой по голове и засунули под лед на том же деревенском пруду еще до начала следственных действий и судебных разбирательств. В свете этих событий потеря кринки золотого песка – несущественная деталь мировой истории. Но не истории банка,

руководство которого страдает амнезией и потерей ориентации в пространстве людской памяти.

С какой то дьявольской настойчивостью этот банк продолжает преследовать его, как потомка хранителя калымского золота. Встреча с этой самой Галиной Васильевной произошла на ступеньках именно сбербанка, а если быть исторически точным, на ступеньках его отделения № 29.

Настроение у него слегка подпортилось. Захотелось встать с постели и начать делать что-нибудь не такое сложное, как размышлять о судьбе поколений и роли в ней банковского капитала. Умыться, одеться, приготовить завтрак и съесть его под приятные голоса Наташи и Данилы, утренних ведущих «Радио 7». Вот чем надо заниматься по утрам человеку, живущему одному.

Володя позвонил, когда он уже доедал традиционную яичницу с колбасой.

Ты еще в люле? – спросил Володя, всегда встающий до зари или на заре, но никак не позже рассвета.

Нет, завтракаю.

А что ты ешь?

Два яйца и одну колбасу.

А яйца большие?

Как у слона.

Мохнатые?

У слона они не мохнатые.

Я не знал, никогда не видел, какие у слона яйца, - признался Володя. Он легко признавался в ограниченности своих познаний, хотя познал немало.

Хорошо, про яйца обсудили, теперь давай про колбасу. Выкладывай палку на стол. Как называется колбаса?

«Салями Деревенская»

Это хуево.

Почему?

Как можно идти на день рождения к Галине, нажравшись деревенской колбасы? От тебя на километр будет вонять вокзалом. Так, иди все выблевывай и по новой чисти зубы.

Как скажешь. Кладу трубку, потому что с трубкой не удобно пальцы в рот засовывать.

Подожди, сунуть и вынуть это мы всегда успеем. Ты не забыл, где хранится орхидея?

Дикая?

Почему, дикая?

Фильм был такой.

Нет, не дикая, она из Амстердама. А фильм про что? Я что-то забыл, напomini.

Девочку из провинции изнасиловал красивый дядька, она его за это полюбилa, - он сам плохо помнил содержание фильма, потому рассказал Володе эпизод, который остался в зрительной памяти.

Не, это не про нас, Галину, вроде, никто еще не изнасиловал. А тот красивый дядька на кого-нибудь из наших знакомых похож?

Не помню я его, Володя, мексиканец какой то.

Хорошо, мексиканца обсудили. Я с тобой к Галине в банк не пойду. Я вот утром подумал, зачем я буду светиться там своей рожей да еще рядом с твоей? И тебя, и меня в городе уже демонизируют, совершенно не нужно, чтобы нас видели вместе у Галины, - Володя менял решения постоянно. Если он что-то придумал и объявил, какое дело собирается претворить в жизнь, это означало лишь то, что в его голове шло творческое брожение. Через час он мог принять другое решение и при этом забыть, что кого-то уже «зарядил» помогать реализовывать предыдущую творческую идею.

Я и один найду дорогу в ее банк, - он был рад, что будет один. Володя на улице – наказание для спутника. К каждому знакомому пристанет и у каждого о чем-нибудь спросит, если не о мохнатости его яиц, то о вздутии его живота и связанных с этим проблемами пищеварения - обязательно.

Значит, ты помнишь, ровно в двенадцать она даст команду запустить тебя. Ты будешь держать в руке кремовую орхидею, которую заберешь из цветочного магазина. Откуда у тебя этот цветок, ей говорить не надо, я уже сам сказал. Поздравь, вручи и уябывай, нечего перед ней своими мудями трясти. Есть в твоих мудях что-то особенное, чтобы трясти ими перед супругой губернатора в ее день рождения?

Нет.

Поэтому уябывай, и будет тебе счастье.

Спасибо, Вова.

Ей скажешь спасибо. Пока с тобой говорил, меня на горшок потянуло. Третий раз за утро. Это, к добру или не к добру, ты как думаешь?

Никак.

Никак никакал Никакий Никакьевич. Ладно, пойду кал швырять. Пока. Пока, Кал Какальский!

Они обменивались подобной словесной шелухой на прощание, когда у обоих не было причин говорить о серьезном серьезно.

До двенадцати надо было решить одну крошечную проблемку: в чем идти поздравлять Галину Георгиевну. У него в шкафу висел один единственный костюм. Он купил его два года назад, но ни разу не надевал. Зачем, спрашивается, покупал? Однажды ему захотелось быть одетым, как все его сотрудники и коллеги. Он пошел в магазин, выбрал костюм темной расцветки, не «маркой», как говорят старые люди, и принес его домой. Примерил еще раз, увидел в зеркале вполне приличного мужчину, обрадовался и решил завтра же отправиться в нем на работу. Но утром на следующий день подумал, что неразумно ходить и сидеть в новом костюме целый день, поэтому оставил его висеть в шкафу на плечиках, которые продавались вместе с костюмом. «Буду надевать его на важные встречи и мероприятия», - принял он решение, которое его устраивало больше: и костюм сохранится в хорошей форме, и человек в нужную минуту всегда сможет преобразиться в приличного мужчину. То ли важных встреч и мероприятий не было два года, то ли есть другая, более глубокая причина, но в приличного мужчину он так ни разу и не преобразился. Он открыл шкаф и достал костюм. И почти сразу понял, что не судьба ему быть приличным и на этот раз. «Неужели ради Галины Георгиевны я вдруг впервые за два года нарисуюсь в костюме? - спросил он себя. – Я ее не знаю, дел с ней никаких не имел, какая разница, в чем я приду? Мне совершенно не важно, что она обо мне подумает». Он повесил костюм обратно. Так он и висит там до сих пор, «ни разу не надеванный».

В магазин он зашел в своих привычных, дешевых и застиранных шмотках. Мимо этого салона он проходил раньше сотни раз, но никогда не заглядывал сюда. Цветов он никому не дарил уже лет двадцать. А может и больше, не подсчитывал. Девушки внутри салона, как только услышали слово «орхидея», переглянулись, а одна тут же пошла в другую комнату и вынесла оттуда большую коробку с круглыми дырками. На коробке были наклеены бирочки с изображением самолетов. «Она, видимо, и вправду из Амстердама», - он перестал сомневаться в словах Володи о подарке из Голландии.

- Девчата, подскажите, как достать цветок из коробки? - обратился он к девушкам в салоне.

- Это для Галины Георгиевны? – решили уточнить девушки.

-Для нее, - сказал он и вздохнул.

- Вы сегодня уже двадцать восьмой покупатель цветов для Галины Георгиевны, некоторые еще вчера заказы забрали, - сообщила ему одна из девушек, может быть их менеджер, может, просто наиболее

впечатлительная. Когда для одной женщины начинается скупка всех цветов в городе, другие женщины очень от этого впечатляются.

- Что мне с ним делать, я даже не знаю, как коробка открывается?

- Ее вчера мужчина принес, сказал к ней - не прикасаться. Мы не прикасались, - ответила впечатлительная девушка.

- Но я же не могу коробку дарить, достать цветок все равно придется, научите, как их достают, - он просил, видимо, таким тоном, что его хотелось пожалеть.

- Коробка открывается легко, вот эти ленточки надо надрезать и все, - девушки подошли к тому месту, где рядом с кассой стоял голландский продукт.

- Режьте, - приказал он девушкам.

- Лучше вы сами, вот вам ножницы, вчера мужчина всех предупредил, руками не трогать, - ему подали ножницы.

«Володя и здесь наследил, - ругал он товарища, - всех сотрудниц салона закошмарил».

Ваза с цветком была очень хитро обернута в мешочек и закреплена так, что коробку можно было переворачивать. Непонятно, как она прошла таможенный досмотр: все упаковка и мешочек не тронуты. «А если так «грибы» или дурь похлеще начнут доставлять», - размышлял он, разглядывая не столько цветок, сколько упаковку, в которой все было продумано и приготовлено к перевалкам в аэропортах.

Орхидею вытащили на свет, но она в окружении буйной раскраски всех остальных цветов салона смотрелась болезненно бледно. «Это орхидея?», - уточнил он у девушек. «Да, и очень красивая, прекрасный цветок!», - кивали девушки все разом. Он еще раз посмотрел на цветок, на хилые бледно-коричневые лепестки и понял, что мужчине его воспитания всегда будет не хватать тонкости вкуса. Он мог пожалеть этот цветок за его хрупкость и слабость, но восхититься изяществом болезненной слабости и демонстративной незащищенности от ветра и любого прикосновения - не мог.

Нельзя ли, девчата, устроить цветок в другую тару, чтобы нести можно было по улице? – спросил он.

А вы разве не на машине? – удивились девушки.

Я пешком, но мне недалеко идти, меньше километра, - он как будто извинялся, потому что девушки опять переглянулись. Они привыкли к упрощенным манерам мужиков нашего города, но все же нести орхидею по улице как георгин с дачи, это уж очень не соответствовало их представлениям о мужчине, преподносящем даме такой подарок.

Вы его прямо сейчас понесете дарить? – спросила впечатлительная

девушка.

Вручу точно через тридцать минут, - сказал он и посмотрел на часы. Девушки поняли, что он даже переодеться не будет. Это внесло в ход их мыслей элемент загадки, они быстро устроили цветок в корзинку с ручкой, обернули корзинку в плотную бумагу, настолько плотную, что из нее мешки можно делать для сахара, защитили цветок от дурного влияния улицы и отправили его в путь, попросив не садиться в автобус. Сами смотрели в окно и обсуждали версии: кто он такой для Галины Георгиевны.

Банк Галины Георгиевны располагался напротив издательства, так что дорогу он знал хорошо и в тех местах, где можно было подскользнуться и упасть лицом в грязь, принимал особые меры предосторожности: глядел под ноги. Обычно около банка парковалось машин десять. Другие подъезжали и уезжали, не создавая суеты на площадке. Сегодня их было штук пятьдесят. Блестящие разноцветные горбы джипов и горбики легковушек рядами стояли вдоль стены банка и еще дальше, чуть ли не до столба светофора на улице Осипенко. На площадке перед банком суетились нарядные мужчины и женщины. Причем, женщины приезжали в этот день гораздо наряднее мужчин. Видимо, это была преимущественно их тусовка. Обязательно каждой надо было подчеркнуть особую торжественность такого юбилея для женщины. «Губернаторша в городе одна», - почему-то вспомнил он слова Кориандрова, которого сегодня еще не вспоминал ни разу. Охранник банка, лоцный высокий парень, обратил внимание на его повседневный вид, но особо не удивился: простой человек с улицы захотел поздравить его начальницу, что ж, пусть поздравит.

У вас документ при себе есть? - спросил он дружелюбно.

Нет, но я в списках, - воспользовался он лексикой Володи.

Парень поискал его фамилию сначала в большом листке, лежащем на столике рядом с рогами «вертушки». Не нашел. Взял маленький листок с фамилиями и нашел сразу. Парень тут же пригласил подойти второго охранника и дал ему задание проводить вновь пришедшего в приемную Галины Георгиевны.

В приемной наблюдалась странная картина. Вдоль всех четырех стен стояли нарядно одетые люди и молчали. Их было не меньше двадцати. Все держали в руке букет или корзину цветов и нечто упакованное и перевязанное лентами. У кого-то нечто было в виде большого пакета прямоугольной формы, у кого-то имело небольшие размеры по толщине, но вытянутое в длину, а у некоторых смахивало на завернутую картину и наверняка ею являлось. В приемной была полная

тишина. Когда какая-нибудь из женщин переминался с ноги на ногу, каблуки стучали по полу молотками. Некоторые мужчины сопели, потому что были излишне грузны, и звук сопения долетал до каждого уголка приемной. Раз в три минуты двери кабинета директора банка открывались, и оттуда выкатывался или выкатывалась те, что исполнили ритуал поздравления. Их лица были красные, а выражения лиц безумные. Они все еще улыбались, находясь в стадии прощального поклона, глаза умильно блестели и не видели ничего перед собой. Некоторые выходили, пошатываясь от волнения. Стоящие у стены оживлялись, и кто-то один, у кого подошла очередь, с букетом и пакетом направлялся к открытой на несколько секунд двери кабинета. Улыбка на его лице появлялась еще до того, как он вошел в кабинет. Или вошла – со всеми присутствующими, независимо от пола и рода, происходило одно и то же. Дверь закрывалась и на три минуты в приемной воцарялась устрашающая тишина.

Он стоял крайним у стены и чувствовал, как и стена и спина становятся мокрыми от пота. В приемной было ужасно жарко и душно. Может быть, это ему показалось, потому что он почувствовал, что кружится голова и его начинает тошнить. Он был в предобморочном состоянии и понял, почему выходящих пошатывает. Поднял руку и в который раз уставился в циферблат: двенадцать ноль-ноль. Вторая рука, держащая корзинку, занемела, а пальцы начинало сводить судорогой. «Сейчас все брошу и уйду, - повторил он про себя расхожую фразу, - не успеешь, сейчас кабинет откроется и тебя позовут». В приемную вошла девушка в строгом деловом костюме с бейджиком на лацкане пиджака, плотно облежавшим ее узкую талию. Она, не останавливаясь, прошла в кабинет. Оттуда выкатился мужик, в состоянии придурковатости, как и все предыдущие. Девушка выглянула из кабинета, внимательно оглядела всю приемную, остановила взгляд на нем и сказала: «Зайдите, пожалуйста!». На его лице появилась улыбка, еще у стены, с этой улыбкой он и пошел к дверям кабинета, держа корзинку мизинцем, согнув руку и кисть, как ходят калеки с рождения. До такой степени онемели пальцы, что как-то иначе он не мог ее нести. Веселое было зрелище.

Галина Георгиевна стояла в центре кабинета, превращенного в этот день в оранжерею. Весь пол был уставлен корзинами цветов. На столе – цветы, на окнах – цветы, повсюду – цветы, цветы, цветы! И Галина Георгиевна в центре клумбы. Она была счастлива. Не надо много ума, чтобы понять, когда счастлива женщина. Они не умеют скрывать счастье, в чем разительно отличаются от мужчин. У нее сияло лицо,

сияли глаза, она вся сияла. Она взяла бутылку с вином, сама налила его в один из бокалов, стоящих на подносе, подошла и протянула ему бокал:

У меня традиция, - сказала она, - я сама наливаю каждому гостю и делаю вместе с ним один глоток.

Вы очень хорошо выглядите, лучше, чем любой из этих цветков, - ответил он искренне и то, что думал.

Берите! – Она напомнила, что стоит перед ним с протянутой рукой. Он поставил корзину на пол у своих ботинок, потому что больше было некуда, и взял бокал двумя руками, чтобы не уронить.

Не поздравляйте меня, покажите лучше орхидею, - она смотрела на завернутую в бумагу корзинку, и ей было жаль цветка.

Он начал пытаться раскрыть бумагу, Галина Георгиевна прикоснулась к его рукам и сказала: «Давайте я вам помогу». Потом наклонилась к корзинке и аккуратно раскрутила бумажные пелена. Он почувствовал, что от нее сильно пахло духами и вином. Галина Георгиевна взяла в руки цветок, поднесла его к самым глазам и расчувствовалась: в глазах заблестела влага. О чем напомнил ей этот цветок? О молодости, скорее всего. О молодости, когда нет очереди в твоей приемной, зато есть все остальное.

Мне захотелось вас увидеть, и чтобы вы увидели меня, - заговорила она после довольно долгой паузы, но, взглянув на него, забеспокоилась, – с вами все в порядке, вы весь белый?

Все в порядке, в приемной душно, - ответил он.

Вы меня не пугайте. Выпейте вино до дна, это хорошее вино, оно вам поможет.

Он выпил. Вкус вина оценить не мог, так как в винах разбирался еще меньше, чем в цветах, но оно помогло, его перестало тошнить, и уже не кружилась голова. Галина Георгиевна подошла к своему столу и взяла довольно большой пакет, лежащий на нем и опять посмотрела на него, желая, видимо, убедиться, что с ним все в порядке.

Я женщина деловая, сейчас у нас очень мало времени, вы сами видели, сколько пришло народа, - говорила она серьезным голосом и с серьезным выражением лица, - ваш отдел прекрасно работает. Будем считать, что это предоплата по договору о долгосрочном рекламном обслуживании деятельности моего банка. Раздайте ребятам, кому сколько сочтете нужным. А вот это, - она взяла со стола пакетик гораздо меньших размеров, - лично вам. Мне хотелось бы сказать вам, что к вашим словам прислушиваются. Они для меня важны. Берите, - она подала ему оба пакета. Он взял их и стоял в задумчивости, отлично

понимая, что она имеет ввиду.

Положите их куда-нибудь, а то стоите, как Семен Семенович Горбунков. Ну, спасибо за поздравление!

Он повернулся и пошел, держа пакеты в руках: большой - в правой, маленький – в левой. С какой рожей он выходил из кабинета, понятно без слов.

На улицу он вышел, успев спрятать маленький пакет в карман. А большой так и остался в правой руке.

- Здравствуйте, - громко сказала ему какая-то женщина у самого входа в банк. Он непроизвольно дернул рукой и прижал пакет к груди.

Женщина оказалась Людмилой Васильевной.

- Я знала, когда вы будете поздравлять и тоже приехала к этому времени. Мне надо с вами поговорить.

- Не сейчас, вечером, - он стоял перед ней, прижимая к груди пакет.

- Хорошо, хорошо, мы приедем к вам вечером, - женщина совсем и не смотрела на пакет, зря он его пытался засунуть подмышку. Но женщина как-то хитро улыбнулась. Тогда он опустил руку и стал держать пакет непринужденно. Она еще раз улыбнулась, кажется, уже без всякой хитрецы, и сказала: "До вечера!" Он кивнул в знак согласия и пошел на перекресток возле Дома печати.

- Вам пакет! - произнес он, увидев в коридоре издательства Дмитрича.

-Что это?

- Не знаю, я пришел с дня рождения Галины Георгиевны. Это нам подарок от нее.

- Наш подарок или нам подарок? - спросил удивленный Дмитрич.

- Нам.

Дмитрич взял пакет и спрятался в своем кабинете. Через полчаса Дмитрич шепнул ему: "Там 150 тысяч!". А еще через полчаса Дмитрич дал команду выплатить народу зарплату.

О маленьком пакете в кармане он Дмитричу не сказал.

Глава 18

Получив зарплату, ту, что выше средней, он положил ее в другой карман брюк и сразу ушел домой. Никто не возражал. Он был в этот день героем, а героям работать ни к чему. Дома деньги из карманов выложил на тумбочку. Несколько купюр из зарплаты сунул в бумажник, остальные – в банку из под чая, которая стояла рядом с такими же в кухонном ящике. В других хранились соль и перец, сухие сливки и сахар, а в этой – вся сладость и горечь, что таят в себе

бумажные купюры. Их в чайной банке набралось уже порядочно. Он не считал, но по многослойности свернутой бумажной трубки предполагал, должно быть штук двадцать пять, никак не меньше. Пачка Галины Георгиевны осталась лежать на тумбочке. Он уселся на кровать и стал смотреть на нее.

Сколько в ней? Если рубли, то около двадцати тысяч. А если доллары? Надо бы ее развернуть, очень даже хотелось развернуть, но он приказал себе не прикасаться к пачке. Как к орхидее, которую никому нельзя трогать руками.

«Откуда взялись эти деньги?» - задал он вопрос, зная ответ на который для него было важно. Деньги взялись из ниоткуда.

Окружающее его пространство вдруг взяло и материализовалось в бумажные купюры. Что он сделал, что смастерил или произвел, чтобы ему за это полагалось дать денег? Он даже ничего не перепродал, оставив себе «маржу» суммой в эту пачку. Что же тогда это за деньги и откуда они могли взяться?

Раньше он никогда не задавал себе таких вопросов. Ответы на них были ясны с самого начала. У него есть определенный дар. Этот дар могли дать только небеса. Он рассказывал то, что пришло с небес, и если кто-то был готов заплатить за этот рассказ, ради Бога, пусть платит. «Ради Бога, ради Бога», - зацепила его мысль разговорная присказка, - может, в этой присказке и есть ответ на все вопросы – ради Бога?»

Деньги – не грех, но рассказы у него всегда были уж больно невеселые. Брать деньги за такие рассказы – вот это грех, да? Он глядел на иконы. Потом встал с кровати и очень близко подошел к лику Спасителя. «Это грех?» - вслух спросил он у Спасителя. Глаза Иисуса были очень усталые. Как он устал от подобных вопросов! «Что вы спрашиваете то, что давно вам сказано, зачем вновь и вновь делаете меня соучастником ваших деяний? Вам сказано, вы имеете уши, вы услышали мой ответ, когда я жил среди вас», - говорили ему глаза Иисуса.

Он глубоко вздохнул, перекрестился и вернулся на кровать.

«Действительно, что тут спрашивать, - подумал он, - грех брать эти деньги, положи их подальше и не прикасайся к ним, подлый человечешко». Он взял пачку и решил ее куда-нибудь припрятать.

Долго искал, куда. Надо так спрятать, чтобы сразу найти, если вдруг понадобятся. Открыл платяной шкаф в своей комнате и осмотрел его закоулки. Увидел свой единственный костюм, балахонистые плащи трех цветов: светлый, темный и зеленый, который ему подарил Петрович. Товарищ, правда, уверял, что плащ цвета хаки, но от этого плащ не переставал быть просто зеленым. Он ходил в нем весной. В

черном – осенью, а в белом, когда и тот, и другой были грязными. Класть деньги в шкаф смешно. Да и ему не восемьдесят лет, чтобы не придумать место более секретное, чем платяной шкаф. Кухонные шкафчики тоже не подходили: достаточно того, что он в них зарплату прятал. Коробка для инструментов в туалете подходила лучше, но если представить, что залезли воры и им понадобилась монтировка, то они найдут в коробке и монтировку, и деньги – два в одном флаконе. Сделав круг по квартире, он убедился, пачку, которая была намного больше коробка спичек, совершенно некуда спрятать без риска не найти ее потом никогда. В итоге, он пристроил деньги Галины Георгиевны за зеркало в ванной. Зеркало было вставлено в круглую пластиковую раму с нишами для мыла и прочих туалетных принадлежностей. С обратной стороны у рамы тоже были ниши, но дырами к стене. Сделав в раме «схрон», он подумал: «Буду стоять в ванне весь в мыле и смотреть в зеркало. Через свое изображение, через стекло и пластик я буду единственный в мире явственно различать пачку денег. Она станет моим вторым лицом, к сожалению – истинным».

Проблема, что есть истина, была упомянута сознанием и начала искать в нем свое разрешение. «Хорошо должен чувствовать себя только тот человек, который умеет зарабатывать деньги руками, - размышлял он, - этот человек потратит много времени и сил, прежде, чем увидит результат. Но потом он возьмет в руки предмет, сделанный его же руками, например, табуретку, и скажет, вот полюбуйтесь, это сделал я! Вы будете сидеть на ней сто лет и все сто лет будете меня благодарить. Человека, который вырастил хлеб, тоже будут благодарить. Того человека, который изладил телевизор или машину, японскую, красивую и надежную, тоже не оставят без похвалы. А кто будет меня благодарить? – думал он, - Никто. Зачем тогда я живу, ради себя? Чтобы сам себя благодарил? Но мне не хочется благодарить себя за тот «труд», что я изладил. Если я себе не могу сказать спасибо, то какие слова благодарности мне ждать от людей? Истину знают все. Истина в сердце, которое благодарно, истина в сердцах, которые благодарны». Он давно мечтал купить все инструменты, необходимые для изготовления табуретки: электрорубанок, электролобзик, набор стамесок, молоток, ножовку, дрель, шурупы и отвертки. «Что, если на деньги Георгиевны купить все это и сделать первую табуретку в своей жизни? – он стал размышлять в этом направлении. - Не просто так, ведь, упали эти деньги с неба, они упали с определенной целью, возможно, как раз для того, чтобы я попробовал сделать табуретку и затем пошел по правильному пути дальше».

Какой бессмыслицей занимаются так называемые управленцы, губернаторы и их заместители, директора департаментов и все их подчиненные. Чем и кем они могут управлять, если не в состоянии сосчитать количество волос на собственной голове и не знают, что будет с ними завтра? Они ничего не делают руками и поэтому не нужны будущему человечеству. Вот лежат у них деньги на тумбочке. Пачка толще и тумбочка пошире. Но разве они могут радоваться этим деньгам, если ничего не сделали, за что их будет благодарить человечество? Ни куска хлеба не испекли, ни японской машины не собрали. Простую табуретку, на которую можно сесть и посидеть на ней у стола, и то не сделали. Стол, кстати, тоже не сделали. «Я хоть и пустое место в рядах полезных для человечества профессионалов, но я ничье место при этом не занимаю и смысл человеческой жизни с голубых экранов не профанирую, - сравнил он себя с «управленцами», - а они надули пузыри своих государственных должностей и бегают с ними: смотрите, какие у нас большие воздушные шарик!».

Бог, например, уж на что великая субстанция, более великих не бывает, и то не чурался работать «по глине». Человека вылепил, твердь земную, птиц и гадов всяких. Гадов – зря, не надо было на них время тратить. Бог творил руками, руками! Бог работал как гончар, а потом дул на изделие святым Духом творчества и мастерства, и все, что не слепил – оживало. Вот пример для подражания, а не пузыри мертвяцкие мертвым духом наполненные.

Иосиф плотничал. Он, конечно, был не просто плотником, он мастером был, строителем, работал по дереву ливанского кедра, но работал то руками, вернее, и руками в том числе. Апостолы сети забрасывали, рыбины добывали поначалу, потом человек ловили. Не только словом, но и делом могли доказать, что заработали свой хлеб насущный. Иисус иногда лечил прикосновением рук. В каком-то смысле, он трудился руками, зарабатывая хлеб и вино для тайных вечеров.

Самые никчемные и не нужные людям занятия – в сфере государственного управления. Чтобы скрыть это, государственные управленцы с утра до вечера льют нам на мозги расплавленное олово лжи и неправды, доказывая, что они самые главные и без них никак не обойтись. Исчезни завтра правительство области со всеми своими обитателями, и никому от этого хуже не станет. Люди без них прокормят себя и оденут, и даже защитят от тех, кто ворует и убивает. И все это будет прекрасно сделано без губернатора и директоров его департаментов. Сколько бы не уверял его Конфуций, что от

госслужащих может быть большой толк, он не верил этому китайцу с жидкой бороденкой, потому что всю свою жизнь наблюдал за их деятельностью и видел в их лагере только мздоимство, насилие и духовный разврат, а толка, ни большого, ни маленького, от их существования и шевеления на земле не видел ни разу.

Очень полезно найти кого-нибудь, кого можно обвинить в более тяжких грехах, чем собственные. Он отвлекся и с удовольствием прилег на свой любимый «сундучок». Как ни странно, он не чувствовал сейчас угрызений совести. Вместо угрызений он испытывал удовольствие от самого факта, что получил подарок из рук правителей. Когда пачка денег перестала мозолить ему глаза, он очень быстро почувствовал душевный комфорт. Деньги, упавшие с неба, не жгли его душу, они ее грели. Он закрыл глаза и погрузился в состояние дневного «храпачка», столь приятное для него с раннего детства.

Людмила Васильевна приехала не поздно и не одна. Он к тому времени уже успел проснуться и блаженствовал за чашечкой крепкого английского листового «пятичасового» чая. С ней была девушка.

Это моя дочь Настя, она сегодня прилетела из Москвы специально, чтобы встретиться с вами, - объяснила Людмила Васильевна.

Входите, - пригласил он их, потому что женщина и ее дочь стояли на площадке третьего этажа и, казалось, боятся приблизиться к его двери. Я подожду тебя в машине. Мне тут надо сходить по делам, я пока пойду, потом вернусь и подожду тебя. Ты не торопись, беседуй, сколько тебе надо, - это она говорила дочери. Настя лишь кивнула, ничего не сказав матери.

Вы поговорите с Настей? – спросила Людмила Васильевна у него. Конечно.

Тогда я пойду? – еще раз спросила она, глядя то на него, то на дочь. Идите.

Настя зашла в квартиру и сразу начала вертеть головой, с любопытством все осматривая. Девушка в коридоре его квартиры – это было так необычно для его глаз, которые знали каждую трещинку на стене, знали паучка, который успел сплести паутинку под потолком, но не знали явления девушки, стоящей в коридоре, и поэтому удивлялись перемене, произошедшей в интерьере.

Он не знал, что надо делать: предложить ей снять легкую короткую курточку или не предложить? Если она будет ее снимать, взять курточку и самому повесить на крючок, или не пытаться помогать ей, потому что снимать легкие курточки женщины должны без помощи мужчин? Что делать с ее туфлями? Пусть проходит в комнату в них,

они, вроде, чистые, или настоять, чтобы сняла?

Настя не была так заморочена сомнениями.

Я сниму куртку, ладно? - спросила она и тут же легко освободила рукава, курточка соскользнула вниз, она подхватила ее и повесила на крючок.

Про туфли она даже не спрашивала. Наклонилась, придерживаясь за стену рукой, подогнула в колене ногу, свободной рукой сняла с нее туфельку и аккуратно поставила у стены. Потом так же сняла с другой ноги и поставила рядом. Она была в джинсах, под джинсами, надо полагать, были колготки, потому что ее стопы на полу оказались похожими на серые гусиные лапки, у которых нет пальцев, а лишь угадываются линии перепонки.

Куда мне пройти? – спросила она, и все тело ее шевельнулось и качнулось. Голова, шея, плечи, грудь, бедра, руки, ноги и даже «лапки» на полу.

Он и сам не знал, куда им проходить.

Туда, - ответил он, не показывая никуда конкретно.

Она остановилась перед открытыми дверями комнаты. Повернула голову в сторону кухни, потом вглубь комнаты и вошла в комнату, где у него были кровать и тумбочка, но не было стульев и кресел. По иконам она лишь скользнула взглядом и перевела его на игрушку пингвина в белой шапочке с большим красным галстуком на животе. Это ваша? – спросила Настя.

Моя, - ответил он смутившись. Но не из-за игрушки, а потому что невольно вынужден был смотреть на девушку сзади и в этот момент смотрел на полоску ее белого голого тела между джинсами и кофточкой. Он отвел глаза в сторону.

Настя выглядела очень необычно. У нее были крупные формы зрелой женщины, широкие бедра, сильно подавшаяся вперед, натянув блузку, грудь, и в то же время она своим поведением походила скорее на маленькую девочку в детском саду. Настя не могла стоять не шевелясь, она постоянно передвигала «лапки», ставя их то на ребро стоп, то на носочки или пяточки. Если одна «лапка» стояла на полу нормально, то вторая все равно кружила рядом. Она часто отставляла одну ногу назад и опиралась ею на пол верхней частью стопы, от чего было видно, как морщились колготки между пяткой и пальчиками изогнутой «лапки». Руки у нее тоже постоянно меняли положение. Она как будто не могла их зафиксировать, причем руки передвигались ассиметрично. Если одна рука на бедрах, то вторая у подбородка, где один пальчик, вытянутый из сжатого кулачка, сделал ямочку в упругой щечке. Когда одна рука

была впереди с прижатой к животу ладонью, то другая непременно в заднем кармане джинсов на самой выпуклой части тела. Животик у нее был оголен слишком смело, но он был пухлый и красивый, как у женщин Индии, только женщины Индии никогда не оголяют его так далеко вниз. Это очень мешало ему смотреть в ее сторону.

Насте уже исполнилось двадцать, лицо у нее было вполне взрослое и гораздо более серьезное, чем все поведение в целом. Лицо у нее не было кокетливым, изящным, милым, ослепительно красивым и даже не было просто красивым. Оно было притягивающим. Глаза и губы – они были такими, что их хотелось рассматривать пристально. А волосы были длинные и без всякой прически, только ленточка на лбу, чтобы они темной волной не закрывали лицо.

На кровать она села без разрешения. Но как села! Руки и ноги оказались в каких-то хаотичных и неестественных позициях. Как будто Настю трясло и болтало, а потом она мгновенно замерла: одна нога под кроватью, другая – впереди, одна рука на колене, другая за спиной, голова – на бок, тело – боком. Обычная девушка так сесть не сможет, даже если ее час раскручивать в центрифуге. Но что странно, в этой уродливой позе она по-прежнему была притягательна, гораздо притягательнее женщин, которые изящно садятся и изящно встают.

Расскажите мне о папе, – попросила Настя.

Я почти не знаком с вашим отцом, – ответил он, стоя перед ней у двери на балкон.

Мама мне сказала, что папа сильно болен и ему нельзя помочь. Я сегодня говорила с папой, он не болен. Он боится. У него много друзей убили. Но они были не такие как папа, папа совсем другой. Папа сказал, что только вы знаете, как ему помочь, – у Насти был низкий голос, и когда она говорила, забывалось, как странно она выглядит. Голос у нее звучал как у очень взрослой и уже много пережившей женщины, которая давно перестала кокетничать интонациями и говорит естественно, от сердца, спокойно, не фальшивя и не заигрывая. Говорит самую суть, самое главное, о чем болит женская душа.

Это неправда, Настя. У вашего отца своя жизнь, и он проживет ее так, как ему суждено. Ни я, ни кто другой не смогут что-то изменить в его судьбе, – он посмотрел на нее и устыдился собственных слов. Если бы это была его дочь, неужели он говорил бы ей такие слова? Она испытывает страх за самого любимого человека. Если бы его дочь так боялась за жизнь любимого парня, он говорил бы ей о роке, о судьбе, о том, чему быть, тому не миновать и прочей успокоительной «мудрости», которая никогда никого не успокаивает?

Настя сменила позу на другую, такую же нелепую. «Она очень женственна, - подумал он, - и поэтому ее красота имеет такую притягательную силу». Он почувствовал, что не может отвести взгляд от девушки, ему хотелось смотреть на нее, пусть изредка, пусть украдкой, но – смотреть.

А вы все про всех знаете? – спросила она другим голосом, таким, как у девочки в детском саду.

Ничего ни о ком я не знаю, Настя. Не верьте слухам и легендам. Это все выдумки. Люди придумывают то, что хотят, а потом верят в то, что придумали. Так люди устроены, Настя.

Папа не такой. Я еще когда маленькая была, папа говорил, что верит только себе и мне. Он всегда говорил мне правду, я тоже ни разу ему не лгала. Мы с ним никогда не обманывали друг друга.

Мне нравится ваш отец. Он сильный мужчина.

Папа сказал, что после вашего прихода он стал готовиться к смерти. Попросил прилететь, чтобы успеть оформить турбазу и магазины на меня, - она подставила одну руку под подбородок, а другой водила ладонью по синему покрывалу на кровати. Обе ножки поджала, колени расставила очень широко, согнулась и смотрела в пол.

Он молчал. Он ничего не мог сказать. Шутки кончились. В душе что-то рухнуло и посыпалось. Хотелось что-то сделать, кричать, ругаться, куда-то бежать. Он подошел к ней и сел рядом на пол. Взял в руки ту ее ладонь, которая чертила узоры по кровати, сжал ее и молчал. Она плакала беззвучно. Слезы капали на пол, как березовый сок по желобку: кап, кап, кап...

Он просидел у ее колен не шевелясь, пока не упала последняя капля. На полу были две маленькие лужицы. Настя долго не поднимала головы, а затем посмотрела на него красными глазами, вынула ладонь из его рук и стала доставать платочек из кармана брюк. У нее не получалось, она встала и смогла вытянуть пальчиками платок из кармашка. Что она делала этим платком, он не видел, потому что продолжал сидеть у ее ног, глядя на лужицы около «лапок». Она нагнулась и вытерла лужи платком, размазав их по полу.

Настя подошла к иконам, он тоже повернул голову в эту сторону.

Попросите у Бога не трогать моего папу, - сказала Настя, - Вы можете попросить у Бога не трогать моего папу? Попросите у Бога не трогать моего папу!

У нее надломился голос, и тогда, когда уже не стало слез, началась истерика. Он быстро встал, обхватил ее рукой за плечи и развернул от икон. «Пойдем отсюда», - сказал тихо шепотом, наклонившись к ее

уху. Настя не сопротивлялась. Она послушно шла рядом. Он довел ее до кухни и усадил около стола. Налил в кружку минералки и дал попить.

- Я попрошу, Настя, обязательно попрошу. Обещаю, Настя! – он повторил эти слова несколько раз.

Она не хотела больше оставаться в его квартире. Когда успокоилась, без предупреждения встала и прошла молча мимо него в коридор. Быстро накинула на плечи курточку, а ноги сунула в туфли так, что у них смялись края на пятках. Настя стояла, готовая уйти, но почему-то не поворачивалась к двери. Он стоял напротив и ждал, ничего не говоря на прощание.

У мамы много денег, она хочет больше, а мне мои деньги не нужны, - сказала она хрипящим иссохшим голосом, - если вы спасете папу, я отдам вам все. Скажите, сколько надо отдать сейчас, я их привезу через полчаса.

Он смотрел на нее и чувствовал, как нервы в уголках его глаз защемились, запульсировали, как там пробились роднички и стала скапливаться влага. Она наполняла глаза изнутри и вот-вот должна была брызнуть наружу.

Я сделаю то, что обещал, Настя, - он отвернул от нее голову, протиснулся мимо нее к двери, убрал защелку и открыл дверь, - денег не надо.

Это последнее, что он ей сказал. Настя вышла из квартиры и побрела вниз по лестнице. Полоска белого обнаженного тела покачивалась на бедрах вверх-вниз, вверх- вниз. Он смотрел на эту полоску и понимал, что еще одна женщина перестала быть для него красивой, влекущей, волнующей. У души человека нет пола, нет красивого тела, того, что заманивает глаза и рождает желание. Душа женщины, если ее почувствовал и ей соперничаешь, отодвигает ее тело куда-то в сторону, туда, где оно теряет свою первоначальную притягательность. Красивое тело теряет красоту и превращается просто в руки, которыми что-то делают, и ноги, на которых ходят. Обаяние тела уступает место обаянию души.

Он закрыл дверь, сел на кровать и долго сидел на том месте, где сидела Настя. У него было тягостное настроение и предощущение беды.

Глава 19

Все последующие дни он жил в напряженном ожидании трагических событий. На улице потеплело настолько, что мужики начали ходить в

одних футболках, а женщины в маечках с таким глубоким вырезом впереди, что грудь вываливалась из материи, как вываливается взошедшее тесто из кастрюльки со снятой крышкой. Выражение «вздохнуть полной грудью» приобрело иной смысл. Грудь покачивалась при каждом шаге, наслаждаясь дуновением теплого ветра и ощущая приятное жжение от лучей лазеров мужских взглядов, направленных всегда в одну точку – где груди начинают расходиться двумя белыми и нежными потоками и видно начало линии, разделяющей выпуклые формы на «прыгающие мячики». Нельзя сказать, что наступила жара, по утрам и вовсе хотелось надеть теплую куртку, но днем майское солнце разогревало асфальт, и в городе становилось даже душно. В квартирах открывали форточки и окна, распахивали двери балконов. Он видел это, и ему казалось, что день, вернее, ночь, когда все случится, наступит не когда-то летом в неизвестно каком году, а сегодня. Все произойдет сегодня ночью.

Каждый вечер он становился перед иконами и молился. Он произносил вслух слова всех молитв, которые знал наизусть, а потом читал по книге те, что еще не выучил. Когда совершал крестное знамение, следил, чтобы три пальца были правильно сложены, и чтобы они с четким и ощутимым нажимом касались лба, плеч и живота. Когда клал поклоны, обязательно рукой касался «земли» и каждый вечер хотя бы один раз становился на колени и наклонялся лбом до пола. После этого поочередно подходил к каждой иконе и говорил: «Господи Иисусе, не трогай Виктора Корнеева, Матушка Царица Богородица, пожалей его и сохрани ему жизнь, Святой Николай Чудотворец Мир Ликийских, убереги его от посягательств недругов его».

По утрам он включал радио и слушал новости. Если бы с предпринимателем, известным всему городу, что-то произошло, утром бы обязательно передали сообщение о факте его гибели. Когда дикторы переходили к информации о погоде, он выключал радио и уходил к иконам, чтобы произнести утренний свод молитв, более краткий и без коленопреклонений.

На работу он стал ходить к восьми утра и оставался там до девяти вечера. Коллеги не могли понять причину перемен. Он никому о ней не рассказывал. Он вообще стал подолгу молчать и если говорил, то только о текущей работе, которой в этот период занимался. Не участвовал в праздновании дней рождений, и в каких-то других товарищеских посиделках. Работы он себе находил много, кто ее ищет, тот без дел не останется, но все же у него оставалось довольно много свободного времени в течение дня. В такие часы он покидал Дом

печати и шел в скверик на холме, который официально назывался «Загородный сад». Этот «сад» уже давно находился чуть не в самом центре города. В нем росло десятка два лип на аллее, которую заложили сто пятьдесят лет назад местные купцы и меценаты. Он ходил по аллее тридцать шагов туда, тридцать обратно, сосредотачивался и пытался повернуть вспять движение в «ролике», который увидел в автобусе после встречи с Корнеевым. Он представлял мысленно, что окно закрывается, розовый сок течет по подушке вверх, заплывают внутрь арбуза черные семечки, и арбуз превращается в нетронутый, без шрама от ножа на его полосатой корке, с красной мякотью, спрятанной внутри.

Если отправиться в сад времени не хватало, ходил среди деревьев рядом с Домом печати. Когда свободными были лишь несколько минут, шагал туда-сюда по коридору издательства.

Над чем задумался, детина? – спрашивал его кто-нибудь из знакомых, увидев «маятник» в коридоре.

Над судьбой человека, - отвечал он.

Пойдем лучше в столовую, - предлагал знакомый и нажимал кнопку лифта или доставал кошелек и пересчитывал в нем деньги перед походом в буфет издательства.

Лишь его коллега из соседнего отдела Серега Ханин остановился и спросил:

Ему помочь надо, этому человеку, да?

Надо.

А кто он, чем помочь-то надо?

Ладно, Сережа, спасибо, я сам.

Ну, скажешь, если что. – Серега смотрел на него, топтался рядом и поняв, что ему не хотят рассказывать сокровенное, тактично уходил, не спрашивая больше ни о чем.

Когда прошла неделя, он почувствовал, что внутреннее напряжение ослабло, и его жизнь входит в привычное, более-менее спокойное русло. На черемуховый цвет ударили традиционные холода, окна в квартирах позакрывались. Немного погодя северным ветром принесло холод на яблоневый цвет, и пролетающие снежинки сильно расстроили рыбаков и дачников. А он такой погоде радовался, душа успокоилась, нерв беспокойного ожидания перестал напоминать о себе. Через две недели боль в душе стихла, как стихает иногда сама по себе зубная боль, которую по началу не «брала» горсть таблеток анальгина.

В первые дни лета подвернулась хорошая двудневная командировка на родину Павлика Морозова. От города – всего сто восемьдесят

километров. В Герасимовке родился не только Павлик Морозов, там родились и его собственные предки, которые в тридцатых годах прошлого века жили недалеко от родственников Павлика. В соседней деревушке под названием Лайма, уже исчезнувшей с лица земли и карты России даже самого крупного масштаба. Он сразу вызвался поехать туда и выполнить заказ, чем удивил сотрудников и в особенности сотрудниц холдинга, которых трудно было уговорить выдвинуться в деревню. И зимой, когда их протесты легко объяснимы, и летом, когда городским девушкам полезно было бы скататься в лесную сторонку, чтобы воочию убедиться, что еще не все граждане России каждый вечер принимают ванну. Не все женщины ходят на работу в туфельках, и не у всех есть возможность носить белые одежды и вкусно пахнуть на рабочем месте.

В такие командировки любил отправляться один из водителей холдинга – Николаич. Не потому, что из крестьян, а потому что за городом не надо целый день развозить менеджеров по офисам заказчиков, торчать в пробках, нюхая пыль и гарь. Едешь в какое-нибудь Упорово или Гольшмано, радуешься отсутствию машин на трассе и экономии бензина, за который платит фирма, а расчет идет по километражу на спидометре. В городе навару не остается, а за городом половина бака – твоя. Плюс командировочные.

Он с Николаичем был почти не знаком. Пару раз тот подвез его по делу и все. Из короткого разговора понял, что Николаич лет десять отработал таксистом, потом возил начальников. Работая «членовозом», научился степенному стилю вождения. Вел он свою личную «семерку» как черную обкомовскую «Волгу» - неспешно, важно, не дергаясь. Самое то для пассажира, который привык ехать на встречу и размышлять о предстоящем разговоре, а не думать в испуге, как бы водитель не затолкал его под автобус или «Камаз», перескакивая с одной полосы на другую.

По трассе на Верхнюю Тавду Николаич ехал со скоростью восемьдесят километров в час и блаженствовал: перекрестков нет, пешеходов и на асфальте, и рядом с трассой, и вокруг насколько давала рассмотреть линия горизонта – нет и не может быть. В России, стоит уехать из города на сто километров, попадаешь в безлюдье и ненаселенку. Редко где трактор мелькнет в поле, еще реже – мужик на огороде. У деревенского магазина парочку мужиков заприметить можно, но как только они купят жизненно важный продукт первой и единственной необходимости, сразу исчезают за воротами ближайшего двора, и – тишина, и – ни души.

Рядом с Герасимовкой в лесу за околицей они быстро нашли памятник Павлику и его брату Феде, невинно убиенным. Здесь работала очередная съемочная группа из Москвы, на встречу с которой их и отправили руководители холдинга. Надо было упаковать отснятый материал в глянцевую обертку с видами тайги на месте событий. Киноэкспедиция из столицы напряженно «работала». Один парень таскал камеру, другой в нее говорил, стоя, сидя и на ходу, третий участник «бригады», женщина с большим блокнотом в руке, разъясняла говорящему, какой кусок сценария и с каким выражением лица он должен «станцевать» у памятника на фоне мрачного леса.

Пятьдесят лет о Павлике Морозове говорили только хорошие слова, затем пятнадцать лет только плохие. А теперь решили выдать «свежачка», то есть третью версию событий, чтобы переосмыслить крайности и прийти в эфире к выводу о необходимости всеобщего замирения и социальной гармонии. Не надо, мол, делить на «белых» и «красных», нехорошо завидовать мешку зерна в чужом амбаре, не стоит из-за этого мешка, даже если в нем не зерно, а выручка от продажи нефти в размере пару сотен миллиардов, резать мальчиков и будоражить жителей большой российской «деревни» размером в континент. Он смотрел на телевизионщиков, слушал бред, придуманный столичными «миротворцами», и вспоминал рассказы мамы, которая выросла недалеко от Герасимовки и лично знала родственников Павлика. Родственников тех, кто его загубил, тоже знала лично. Мама жалела Павлика, потому что мальчику было нечего есть, он с братом голодал. Мало кто теперь понимает, что такое в то время расти в семье, где нет отца. Алиментов нет, детских пособий нет, попечительских советов и благотворительных фондов в лесу тоже нет. Живи, как хочешь. Мать Павлика осталась одна с двумя ребятишками, потому что ее бросил их отец и ушел жить к другой женщине. Рядом жить, через четыре дома, в деревне, ведь, одна улица и она не очень длинная. Отец пил самогон и жрал сало, потому что был представителем власти и штамповал справки своим новым родственникам, что излишек зерна у них не имеется, все излишки исправно сданы государству рабочих и крестьян. Голодный мальчик мстил пьяному и сытому отцу за мать, которой нечем было кормить детей. Он погиб не как герой-пионер, детская пионерская организация и политика партии тут вообще ни при чем, он погиб как юный мужчина, заступившийся за честь своей матери. Он хотел и имел полное право наказать сытых за то, что они оставили без куска хлеба своих близких и родных. Не завидовал Павлик мешку зерна в чужом амбаре. Детская

обида на отца заставляла его следить за ним, высматривать, где тот прячет от государства хлеб для своей новой семьи, чтобы наказать их всех и особенно отца за то, что он так гадко поступил. Впрочем, когда мать рассказывала ему о мальчишке, она таких мыслей не говорила. Ей, как женщине, было жаль брошенных и по этой причине погибших детей. Она плакала, когда вспоминала о них.

Коли уж очень захотелось столичным жителям всеобщей любви и социального замирения, лучше напомнить заказчикам «кина»: сытый может сколько угодно призывать к терпимости и прекращению скрежета зубов при взглядах на чужое богатство, голодный не поймет ни одного слова из его призывов, пока не поест. А многие сегодняшние Павлики, хотя и не ходят голодные, но мешка с миллиардами долларов, украденным из их детства, тоже простить не могут. Особенно, когда те, что украли этот мешок, жрут сало и пьют самогон на виду у всей страны. Включи центральный телеканал: жрут и пьют. Включи местный: пьют и жрут. А «через четыре дома» - нищета и судорожные попытки дотянуть до полочки, чтобы наконец-то купить детям фрукты.

Он отозвал Николаича в сторону и повел его вглубь леса.

Остановился около сгрудившихся, ствол к стволу, сосен.

Вот здесь стоял Павлик, а вон там видишь несколько кустов? Оттуда за ним наблюдал старший Силин, - рассказывал и показывал он Николаичу, - Федя немного отстал, и Павлик поджидал его, чтобы вместе выходить по дороге из леса. Когда Силин осторожно появился из-за кустов, Павлик заметил его, но не испугался. Мальчик стоял и ждал. Он мог убежать, до деревни всего четыреста метров, Силин не успел бы его догнать, но Павлик не хотел оставлять в лесу маленького брата. Павлик не испугался даже тогда, когда Силин вцепился в него, прижал к себе, сдавливая локтем горло, и наклонился за ножом в сапоге. Он думал, что Силин хочет показать: если доложишь о спрятанном зерне, задущу как щенка. Ножа в сапоге не видел, потому что не мог повернуть голову. Павлик успел крикнуть: «Федя, беги!» и стал вырываться из рук Силина.

- Откуда ты все это знаешь? – спросил Николаич, глядя на сосны и кусты.

-Знаю, Николаич, знаю, - он не стал ему объяснять, почему он видел все происшедшее много десятилетий назад в мельчайших деталях, даже слышал хруст сломавшейся ветки под ногой вырывающегося мальчика. Затем они прошли несколько шагов среди сосен, и он показал на небольшую впадину в земле, поросшую высокой травой.

Вот здесь Силин со своим племянником положили мальчишек и начали

таскать ветви, чтобы прикрыть их тела. Силин вытирал нож о траву, которую рвал рукой, и пытался очистить от крови штанину на колене, а племянник бегом носился с охапками веток и кидал их, закрывая глаза, чтобы не видеть зарезанных ребятишек, прижавшихся друг к другу, как будто братья хотели согреться на холодной земле.

Когда выезжали из Герасимовки, Николаич признался:

Не поехал бы с тобой, и никогда не узнал бы, что Павлик Морозов жил недалеко от нашего города, и что он был храбрый пацан.

Они ночевали в рабочем поселке с пролетарским названием Первомайский, это километров тридцать от Герасимовки. Посидели за столом у двоюродного брата, ради которого сделали крюк от трассы, поужинали и пошли на берег Тавды, чтобы созерцать текущие воды реки, изредка наполняя стакан, взятый скрытно от супруги брата вместе с хлебом и луком бутуном.

Двоюродный брат его остался последним крепким мужиком в поселке, хотя тоже был уже пенсионером.

Как тут люди сейчас живут, на что живут, чем занимаются? – спросил он брата, когда они устроились около пня на обрыве, к которому была привязана его лодка.

А какие люди, людей давно нет, - неторопливо отвечал брат, жуя лук, - помнишь, вот тут у берега улица была? Нет ее больше. И дома разобрали на дрова. Цех у нас был, помнишь, я учил тебя в нем двигатель трактора разбирать, ты маленький был, мы его как игрушку вместе разбирали? Вот так то, нет теперь цеха и фундамента даже не видать, крапивой зарос. Шифер по домам растащили, металл порезали и сдали.

Кто?

Наши, кто еще. Год за счет этого цеха жили. Тарный цех за поселком помнишь? И его уже нет. Сначала молдоване пилораму в нем поставили, лес в радиусе двадцати километров вырубил, попилили, пилораму свою разобрали и увезли. Можем сходить, увидишь чистое поле и гниющий опил. А у нас когда-то чуть не весь поселок в этом цехе работал.

Те, кто остался в поселке, они где сейчас работают?

Никто нигде не работает, - говорил брат с какой то особой интонацией в голосе, делая акцент на каждое произносимое слово, и на «никто», и на «нигде», и на «не работает». Так говорят люди из деревенской глубинки, привыкшие свои эмоции вкладывать только в интонацию, не повышая громкости произношения. Их умело пародировал артист Евдокимов, пока не вернулся в родные края и не погиб там из-за

сумасшедшей скорости, с которой мчался по сибирской трассе. Сибирь – не Москва, здесь некуда и незачем мчаться, разве только навстречу смерти.

Давай, брат, конкретно, не в общем и целом, вон в тех домах у колодезного журавля, кто живет и на что живет?

Любка с Нинкой. Одна пьет на пособия детские, у нее трое детей, а вторая на инвалидные, у нее ребенок инвалид.

Сами не работают?

Давно.

Вон тот, где музыка играет, там кто?

Игорек со своей девицей. Как мать пенсию получит, он у нее деньги заберет, купит ей хлеба, молока и пряников, остальное пропьют со своей девкой. Потом у девки мать пенсию получит, той бутылку купят, пока она пьяная лежит, они все остальное пропивают.

Слушай, брат, мы, когда шли к реке, проходили мимо дома, у которого забор новый и крыша новая. Это тоже на пенсию построено?

Тот, что напротив моего? Зойка, спиртом торгует. Замучили они меня.

Ночью к ней приедут за спиртом, а налить некуда, не взяли емкость с собой, дергают за веревку в моих воротах, вынеси, мол, что-нибудь, банку или бутылку. Я Зое сказал, если еще хоть один постучит, я на нее министру внутренних дел напишу и соберу подписи всех пенсионеров поселка, у них терпение тоже кончилось. Напугалась Зойка. С какой-то помойки привезла матрац бутылок из под минеральной воды, чтобы торговать тихо и без скандала.

Есть же в поселке хоть кто-нибудь, кто занят делом, растит детей, получает зарплату?

В Мияссах, рядом тут, в двух километрах, есть, там нефтяники охотничью базу открыли для себя, а у нас в поселке – нет. Если бы я не воевал с главой администрации Мияссов, нам бы тут и электричество отключили, и медпункт бы закрыли. И хлеб перестали возить.

А как ты воюешь, ругаешься?

Ругаюсь. А почему я должен молчать, чтобы подохнуть молча, как весь поселок? И так каждую неделю кого-нибудь хороним.

До пенсии двоюродный брат работал трактористом, комбайнером, лесником. Работящий был, кроме овец, телят и поросят держал еще и коня. Когда начали носить ему пенсию, он вдруг ликвидировал всю скотину, раздал детям все ценное, что имел, даже мебель из дома отдал, и стал жить созерцательно. Утром сядет в лодку, проверит фитили, принесет домой рыбу и – рабочий день закончился. Есть желание, продолжит клепать новую лодку из куска алюминиевой

трубы, нет желания – сидит на крыльце и курит, или ни с того, ни с чего баню начнет затапливать. Жenuшка его, Валя, точь в точь как он, есть желание, сварит что или испечет, а если нет сегодня настроения, рядом сядет, и будут вместе сидеть. Жизнь на излете, хочется просто посидеть рядом, ничего не делая.

Не при госте брат рассказал ему, где у губернатора охотничьи угодья и вертолетная площадка, как охотятся тут люди из города на «изюбря». А при госте даже об участковом не рассказывал, который однажды сунул нос туда, куда ему не надо совать ничего, в том числе и нос. Приехали парни, взяли его за руки и били лицом об забор крайнего дома у реки. Потом вынули его пистолет, загнали в ствол один патрон и сказали: «Можешь нам в спину выстрелить, можешь себе в голову. Выбирай, чмо болотное». И пошли вдоль бережка, не оборачиваясь. Пришлось брату участкового в реке отмывать и патрон из пистолета вытаскивать. В парней он бы не стрельнул, а в себя – запросто. «У нас тут своя власть, - говорил ему брат, - так было до советской власти, так стало после советской. У вас – одна, у нас – другая».

Николаича очень интересовало, как на Тавде рыба клюет. Под стаканчик они надолго увлеклись этой темой. Он и не знал, что брат каждое утро против течения три километра на веслах наяривает, а попробуйте-ка вы лодку «казанку», рассчитанную на двигатель мощностью двадцать пять лошадиных сил, веслами заставлять плыть против течения. Силен еще брат!

Он слушал оживленную рыбацкую беседу, а сам смотрел на Антроповскую гору, маячившую на другой стороне реки в центре огромной подковы речного русла. В древности на этой горе было святое место у всех племен, живших на реке тысячи лет. «Может попросить их богов заступиться за Корнеева? – думал он, - Нехорошо молиться чужим богам, ну а если попросить без молитвы, просто так, из уважения к их параллельному существованию? Мол, Христу, наверное, некогда, так вы уж подсобите, если он замешкается, вы же местные, вы тут все знаете, вам за местных положено радеть и оберегать их.

Поздно ночью, когда выпито было весьма и весьма, он упал в доме брата на колени перед единственной у него иконы Вседержителя и покаялся за эту пришедшую на берегу в его голову мысль. А заодно и за все, в чем считал себя виновным. Николаич был рядом, Николаич наблюдал и слушал.

Я не думал, что ты такой верующий, - сказал Николаевич, когда ехали обратно в город, - Так складно говорил вчера на полу, я даже

заслушался, хотя ты был в одних трусах. Бог, значит, есть, да?

Да, - ответил он лаконично на столь важный вопрос, потому что был мучим тошнотой и позывами стравить Николаичу под руль все вчера выпитое и съеденное.

Не верю я в него. Хочу поверить, но не могу, и перекреститься не могу, рука не поднимается. Пробовал, не получается. И кланяться не могу, мне все кажется, что я смешно выгляжу, - закончил водитель откровенное признание.

После этой поездки Николаич попробовал сходить в церковь. Долго выяснял, как заходить в храм, как свечи зажигать, куда ставить и какие слова при этом говорить. «Какие хочешь, но не ругайся и не проси ничего для себя», - объяснил он Николаичу. В понедельник водитель, как приехал на работу, сразу же, не заходя в кабинет, начал рассказывать ему:

Все делал, как ты сказал, а потом мне показалось, что я клоун в цирке, что-то изображаю для потехи. Мне смешно стало. Скажи, ты запретил ругаться в церкви, а я стоял, глядел там на всех, на старушек, на попов и ругался. Попов ругал, напридумали все про бога, чтобы со старушек деньги собирать. Мне за это что-нибудь будет?

Что-нибудь будет, - ответил он, расстроившись за Николаича.

Ну что, например?

Колеса проткнешь все сразу, - сказал он Николаичу первое, что пришло в голову. Ему не хотелось продолжать беседу, и он ушел в кабинет. Именно в этот день Николаич позвонил в отдел с улицы Одесской и вопил в трубку: «Я проколол два колеса, не успел первое заменить на «запаску», как тут же лопнуло второе. Пришлите машину с колесом, возьмите у кого-нибудь, мне до шиномонтажки надо добраться, я потом отдам».

На другой день Николаич ничего неуважительного про Бога и священников не говорил. Когда в кабинете никого не было, в обед, он подсел к его рабочему столу и сказал виновато: «Вчера я поверил и в Бога, и в черта. Ты, пожалуйста, не обижайся на меня. Я в Герасимовке, когда ты пьяный лбом в пол стучал, думал, что ты спектакль перед своим братом устроил. Голый, в одних трусах, головой об пол как вдарить, подынешь ее, перекрестишься и опять об пол – бум. Ты мне больше, как вчера, не говори такое про колеса, про машину, про меня. У тебя язык, как приговор. Сказал, все, держи, паря, получи фашист гранату. Прости, ладно?».

Каждую неделю, в пятницу, Николаич начал подходить к нему за советом:

Хочу в воскресенье в церкви за сына Женьку попросить. У него операция будет, мениск вырезать надо. Чтобы все нормально прошло, чтобы потом без костыля ходил. Можно?

В пятницу следующей недели Николаич снова спрашивал:

- Вот у меня есть жена, и есть еще женщина. Могу я за здоровье этой женщины молиться? Услышат мою молитву или скажут, что меня наказать надо, и наоборот, вломят мне, как следует, а на женщину болезнь нашьют?

Обычно он советовал Николаичу задавать такие вопросы священнику. Николаич однажды попробовал задать. Священник потребовал отстоять службу, причаститься и исповедоваться по полной программе.

Николаич не курил три дня, постился, не заходил к жене и не ездил к женщине. Затем два часа мучился на церковной службе, не в силах, как многие водители профессионалы, столько времени стоять на ногах. Наконец, дошла его очередь исповедоваться. Николаич настроился искренне и честно рассказать о всех угрызениях совести.

Вы мастурбировали в детстве?- спросил для начала священник.

Что? – не понял вопроса Николаич, потому что никак не ожидал услышать в эту торжественную минуту слово «мастурбировать».

Онанизмом занимались? - переспросили его.

Да пошел ты, - вспыхнул Николаич и тут же выскочил из храма, забыв о правиле трех поклонов на выходе.

В понедельник он эмоционально объяснял свое поведение:

- А зачем он меня спросил об онанизме, какое ему дело, дробил я или не дробил?

Николаич медленно ехал своим путем к Богу, постоянно тормозя и делая длительные остановки.

Наступила пятница, когда Николаича вновь потянуло поговорить с ним о главном.

Наверное, надо сказать супруге, что у меня женщина есть, когда-то же надо, а?

Она разве не знает?

Знает, но надоело все время выдумывать, где был, что делал. Сказать?

Не знаю, Николаич. Ей легче станет от того, что ты все расскажешь?

Нет, не станет.

Тогда зачем? Ты мне лучше, Николаич, пообещай, что никогда не будешь курить в машине.

Для чего?

Увидел я тебя вчера. Сидишь ты за рулем и спишь. Дверца открыта. В левой руке держишь сигарету, но не стряхиваешь пепел. Она дымит

струйкой, и пепел длинный такой, почти как сигарета, но не падает. Сигарета догорает до твоих пальцев, а ты не чувствуешь. Огонек жгет пальцы, кожа на них чернеет, и сигарета тухнет. Ты можешь не курить больше в машине?

Могу. Что означает потухшая сигарета? Может, мне вообще бросить курить?

Лучше бросить. Понимаешь, Николаич, мне никогда ничего хорошего не появляется перед глазами. Веселья и радости потом не бывает.

Всегда что-то плохое. Ты не будешь курить в машине? – он в третий раз попросил Николаича об одном и том же.

Обещаю. Все, с этого дня никогда не курю в машине, - Николаич сказал это как то весело, с улыбкой, как говорят дети учителю, когда нашкодили не очень сильно, и знают, что ругать их будут тоже не сильно. «Обещаю исправиться и больше так не делать», - радостно лепечут они.

В понедельник Николаич не появился на работе. Позвонили ему домой.

Супруга ответила, что он еще в пятницу уехал на дачу. Стали ждать.

После обеда раздался звонок от родителей женщины Николаича, она поехала с ним и не вернулась. Все забеспокоились. Сын Женька нашел отца в гараже, который не был закрыт ни снаружи, ни изнутри. Отец умер. Дмитрич помчался в гараж, куда вот-вот должны были подъехать врачи и милиция. Когда Дмитрич вернулся, вокруг него собрался весь коллектив отдела.

- Ничего не могу понять, - говорил Дмитрич, - получается, что он отравился от выхлопной трубы. Бутылок рядом нет, лицо такое, как будто просто спит. Дверца открыта, рука на колене и держит сигарету. Сигарета догорела до пальцев и потухла. Пепел даже не упал, то есть он закурил и отключился. Как опытный водитель мог угореть летом в гараже? Не зима ведь, лето, тепло. Может, он решил аккумулятор подзарядить и включил для этого двигатель?

- Он один был в машине? – спросила Тамара.

Понимаете, - Дмитрич замялся, - считайте, что один.

Никто не стал спрашивать подробности. Он отошел от Дмитрича, сел за свой рабочий стол и сжал голову ладонями. Он не испугался новости, не запаниковал. Он просто все понял и пытался сообразить, что ему делать. Снаряды начали ложиться вокруг него, неминуемо попадая в цель. Он уже знал, кто будет следующим.

Степаныч, признайся честно, ты с женой разошелся? – спросил он по телефону своего старого товарища.

Как бы да, - ответил Степаныч позевывая, потому что в Москве было еще шесть утра.

Живешь один или сейчас у тебя рядом кто-то есть?

Как бы один, а что?

Степаныч, ты давай правду говори. Ты в квартире один?

Погоди, посмотрю, - в трубке было слышно, как Евгений вставал с кровати, вздыхая с сожалением, что не дали поваляться еще часик, как открывал двери комнаты, как вернулся и взял в руку трубку, - один, никого нет.

Почему ты один, где дети?

Уехали, то ли к бабушке, то ли к матери. Я вчера поздно приехал, не знаю.

Степаныч, ты ни в коем случае не должен ночевать в квартире один, - начал он объяснять Евгению то, ради чего срочно позвонил ему во вторник утром.

Ты что, намекаешь, что у меня поллюции могут начаться? – Евгений переходил к той тональности речи, которая установилась между ними еще в студенчестве.

Жэка, поллюции у нас начнутся в следующей жизни. У меня к тебе серьезное дело.

Ну, давай, я готов, записывать надо что-нибудь?

Нет, только внимательно послушай и не смейся.

Говори, что тянешь, - он почувствовал, что Евгений уже настроился на серьезную беседу.

Мне в голову всякая ерунда приходит, - начал он, - но хреново то, что ерунда потом становится реальностью.

Знакомо, - перебил его Евгений, - мне тоже сначала приснилось, что Светы дома нет, и я ее ищу, а в этот же день она домой не пришла. Так, что дальше?

Значит, ты меня поймешь. У тебя, ведь, инфаркт был недавно?

Один давно, когда ты в Москву прилетал. Один месяц назад.

Вот. Я увидел, как ты упал на пол квартиры, а никого не было рядом.

Ты пришел в сознание, даже пытался встать, но снова упал и умер.

Умер? – спросил Евгений.

Умер.

Хорошо, очень хорошо. Значит, я умер?

Жэка, ты не обижайся, я говорю то, что увидел.

Да я не обижаюсь, просто утро началось замечательно. Меня будят

звонком с родины и сообщают мне о моей смерти.
Я уверен, Жэка, если бы рядом кто-то был, ты бы отлежался, как в
прошлый раз.
Мне что, сиделку нанять, чтобы и не умереть, и от поллюций
избавиться?
А Света – все?
Света – все.
А дети?
Они с ней живут, у нее квартира на Кутузовском, помнишь?
Помню. Ты сейчас где?
Я - в Куркино, снимаю сто квадратов. А когда я брякнусь и сдохну?
Мы сегодня водителя нашего хороним. Он через день...
Ты ему говорил то, что тебе привиделось по его поводу? – Евгений
начал сам задавать вопросы.
Говорил.
Расскажи.
Он рассказал товарищу всю историю про сигарету.
Если бы он не закурил в машине, думаешь, был бы жив? – спросил
Евгений, немного помолчав.
Думаю, да.
Но он все-таки закурил, он тебе не поверил, значит?
Может, забыл или подумал, раз в машине не один, не тот, мол, случай,
и можно покурить.
А мне нельзя оставаться в квартире одному, так?
Так.
Ну, я понял. До выходных я буду не один, есть кого пригласить. На
выходные поеду к Сереге Пономареву на новоселье, он поближе к
Рублевке переселяется, помнишь, Серегу?
Помню, конечно. Стихи его могу прочитать.
Какие?

Глухари токуют на току,
Совершая брачный свой обряд,
Я бердан срываю на ходу,
Достаю пороховой заряд.

Точно! – обрадовался Евгений, - надо будет ему напомнить, пусть на
Рублевке по глухарям из бердана пизданет, там их много токует на
току. Потом я прямо из его домика снова на работу, а там посмотрим.
Твой наказ исполню с надлежащим прилежанием. Но ты там все же
поменьше смотри телевизор и читай газет, а то у тебя башню, похоже,
сносить начинает.

Жэка, ты же знаешь, я профессора Преображенского люблю и никаких газет не читаю.

Вы, ребята за Уралом, молодцы, одни нормальные в России остались, а тут, в Москве, все как ты, или кого то в могилу загоняют, или, наоборот, из могил достают. Вчера к президенту ездили, в его команде любого пни в зад, окажется или макроэкономический мистик, или микроюридический футуролог.

Ты что, Жэка, вчера президента вживую видел?

Рядом сидел, потом фотографировались всем составом экспертов на его фоне.

Как он в жизни?

В принципе, нормальный, но на психику сильно давит, подавляет как личность все окружение. Вроде, шуточку рассказывает, анекдот, поговорочку какую-нибудь, у него их в памяти больше, чем в словаре у Даля, а команда сидит и в ответ пикнуть боится.

Ты то, поди, не боялся?

Как не боялся, тоже боялся, все боялись.

Бог с ним, ему ничего не грозит. Жэка, мы Николаича сегодня поедем хоронить. Не забывай об этом, хорошо?

Хорошо, не забуду. Маме моей привет передайте.

Передадим.

Евгений учился в университете на курс младше, но в общежитии они жили в соседних комнатах, а после этого несколько лет работали вместе.

Жэка влюбился в школьницу из Москвы, женился, получив какое-то особое разрешение в ЗАГСе, и уехал к ней. Когда развелся, остался жить в столице. Влюбился во внучку сталинского сокола из штаба военно-воздушных сил, но и с ней развелся. Затем встретил Свету в самом крупном рекламном агентстве Москвы, женился и вот снова, считай, развелся. Не везет ему в любви. Три свадьбы и один инфаркт, почти как в фильме.

Он числился в газпроме, но работал в огромной команде профессионалов по пиару недалеко от Кремля. Серегу Пономарева в эту команду устроил Жэка. Оба отличные спецы, карьеру делали умом и плугом в руках: пахали с утра до вечера. У Евгения здесь, «за Уралом», по-прежнему жила мама, в пятиэтажке около «Универсама». Раз в месяц Дмитрич ездил к ней, чтобы купить лекарств или отвезти ее на машине в больницу. Дмитрич взял шефство над матерью нашего бывшего сотрудника. Жэка был благодарен и тоже помогал Дмитричу не только в издательских делах, но и заказами на политическую рекламу. Жэка сбрасывал по электронке готовый «контент» и давал

адрес, куда приехать за деньгами. До 2001 года заказчики объявлялись регулярно.

Затем Жэка по неизвестным причинам сник и ушел в тень. Его в команде ценили за «особое мнение», которое он готовил по каждому проекту. Взгляд на предстоящую работу с точки зрения здравого смысла. В Москве здравый смысл – дефицит. Это город, в который не едут жить и работать люди, с большим количеством здравого смысла в голове. Возбужденная, вибрирующая от напряжения энергетика столицы может подпитывать лишь натуры, для которых логика здравого смысла означает гибель всех надежд и потерю веры в звезду своей славы и сказочно быстрого обогащения.

Жэка шесть лет ездил по три часа на электричке в свою прокремлевскую контору. Каждый день три часа туда и три обратно. Для человека «за Уралом», чтобы он согласился на такую каторгу, надо пообещать платить сто тысяч в месяц. Жэка столько не получал, но ездил, ездил, ездил. Зато вчера фотографировался с президентом. Если бы не трухнул, мог бы подойти к нему и сказать: «Привет, Володя!». Больше ничего не нужно говорить, чтобы не ломать кайфа. Назвать президента «Володей» или «Вовчиком» - миг наибольшего успеха в жизни для человека, который ради этого шесть лет ездил на работу три часа на электричке.

У нас все население разделилось на две части: те, кто видит президента живым и имеет теретическую возможность вслух назвать его «Володей», «Вовчиком», «Вованом», и всеми остальными, кто видит копию живого человека на телеэкране и поэтому не имеет никакого желания даже мысленно называть его близкими сердцу именами.

Думаете, почему в народе никогда не произносят словосочетание «Вова – наш президент»? Родства народ не чувствует, поэтому не может породниться с неживой, пусть и умной, но неживой картинкой на экране. Художники кремлевские никак живую картину нарисовать не могут, здравого смысла им не хватает. Абстракционизма в достатке, кубизма, авангардизма сколько хочешь, даже андеграунд припасен в необходимом количестве, а житейской простоты, добра и правды – дефицит.

Если бы на экране президент демонстрировал обычные для любого человека занятия: копал в рваных шортах грядку, тискал жену на кухне, хлопал себя веником по ляшкам в бане, вскрикивая от волны горячего пара, которая накатила на его мужское достоинство, тогда мужики, увидев такое на экране, звали бы к телевизору супругу: «Танька, иди быстрее, Вовку в бане показывают!». Вместо этого

мужики вяло произносят: «Иди, послушай, что опять этот говорит» и называют только фамилию президента. Мужики всей России никогда не называют президента по имени. Фамилия и все. Президент оказался не только без уменьшительно ласкательного имени, но и без того, что в паспорте записано. Не напоминай мужикам его имя десять раз на дню по радио и телевидению, забыли бы нахрен, как зовут их президента. Редкий случай, никем толком не осмысленный. Царя звали Николашкой, хотя никогда не видели даже копию его лица на бумажке. Ленина величали Ильичом. Сталин – тот вообще был «отцом» родным. Брежнева звали Леней чуть не все поголовно, особенно те, кому удалось купить пива и устроиться с банкой в городском скверике или за деревенской околицей на берегу речки. «Борька, Бориска, Боря» - звучало имя Ельцина в самых разных компаниях на всей вверенной ему территории от Балтики до Курил. А с Вовчиком не задалось с самого начала. Никто в обиходной речи не хочет называть его Володенькой. Даже называть Владимиром и то избегают, а уж Красным Солнышком – только под угрозой посадки на кол без смазывающих средств или порки на лобном месте с высылкой к нам, в Сибирь, варежки шить. Загадка русской души – президента уважают, многие даже очень сильно уважают, но при этом не испытывают к нему любовных чувств. Евгений объяснял команде, что они показывают народу по «ящику» не ту картинку, они выпускают продукт, который перед употреблением зачем то охладили. Картинка должна быть близкой каждому с точки зрения здравого смысла и житейской узнаваемости. Даже президент уже начал советовать команде любой текст послания к нации и народу исследовать еще и с этой точки зрения. Но у команды не получалось, здравый смысл команде был несвойственен. Другие они были люди. Умные, толковые, но – другие.

У Жэки дела шли хорошо, Жэкой в городе гордились, особенно те, кто был задействован в глянцевых технологиях. А Жэка вот почему-то начал закисать. Брожение, совершенно не нужное участнику великолепной команды, началось в его душе. От процесса брожения появилась пена сомнения и разочарования.

- Царь – это хорошо, - говорил он своим бывшим коллегам, когда последний раз приезжал в родной город, - царь это нормальное состояние для страны, исторически оправданное и полезное. Но чтобы царь был царь, а не издевательство над историей, его должны или любить, или он должен быть от Бога, и никто в этом не должен сомневаться. У нас нет ни того, ни другого условия.

- Может, Жэка, патриархи объявят, что этот президент пожалован нам

Богом, и народ сам поймет, что он – царь? - спрашивали коллеги, ошарашенные привезенными Жэкой сведениями, что в России готовится реставрация монархии.

- С точки зрения здравого смысла, это решение патриархов вызовет смех и ненависть. Протестовать никто не пойдет, а вот смеяться и ненавидеть его – будут, - уверенно трактовал Жэка последствия новых идеологических выкрутасов своих собратьев по креативу, - и над патриархами будут смеяться, а для верующих такой смех – оскорбление. Смеяться начнут обязательно. В России в Бога мало кто верит, а уж в патриарха, как заместника Бога на земле – и подавно. Лет через сто, может, и будут так считать, но пока – увы.

Что происходило в душе у Евгения, можно было догадываться, но узнать точно навряд-ли кто мог: он избегал говорить по душам. Из команды высококлассных пиарщиков-идеологов он ушел. Числился там, что-то еще делал для них, но в штабной мозговой деятельности участвовать перестал. Тут его и хватил второй инфаркт. Жэка лежал в больнице, очень хорошей больнице, всего семь дней. Его мама беспокоилась, попросила Дмитрича позвонить в эту больницу, Дмитрич набрал номер женькиного телефона, а тот ему гордо сообщает: «Убегаю я из больницы, вот иду по парку пытаюсь дырку в заборе найти, на мне пижама, ребята должны через пятнадцать минут одежду подвести, а я дырку не могу найти. Придется в пижаме через забор перемахнуть и по улице бежать в ней, черт бы побрал эти отстойники для кремлевских инвалидов по уму и зрению». Дмитрич обрадовался женькиной подвижности и на весь отдел крикнул: «Евгений бежит по Москве в пижаме, у него все нормально!».

Утро дня похорон тянется всегда медленнее обычного. Все знают, что раньше четырех пополудни им не вернуться к обычному распорядку жизни. Покупка венков, прощание в городе, прощание на кладбище, речи, горсть земли в могилу, сбор в кафе и опять прощальные речи – очень трудно дождаться конца этому ритуалу. В отделе сотрудники все еще не могли осознать, что водителя Николаича нет, и больше никогда не будет. Начали вспоминать, о чем каждый говорил с ним в пятницу.

Юру он просил придумать командировку подальше от города.

Поедем, Юра, в Упорово, -говорил Николаич.

Зачем? – недоуменно спрашивал Юра.

Посмотрим, как там все население упирается.

Почему ты думаешь, что население упирается?

Потому что живут в селе Упорово.

Логично, - соглашался Юра, но нам не нужно рекламировать тех, кто

упирается.

Тогда давай поедем в Гольшманово?

А туда зачем?

Искать тех, кто голышом голышманит по Гольшманово.

Не, в ближайшие пять лет нам ни те, ни другие не нужны, - это было последнее, что сказал ему при жизни Юра.

А со мной он про пенсию говорил, вспомнил Натик, - спрашивал, какую ему начислят пенсию и разрешат ли работать в холдинге на пенсии. Я ему сказал, что разрешат, если доживет. Ему до пенсии еще двенадцать лет, зря, наверное, так сказал.

Девушки сказали, что он при них никогда не ругался. Владимирович поведал, как они в пятницу сидели на трибуне в спорткомплексе «Центральный», где сын Николаича играл в футбол и забил гол. Все вспомнили о нем что-то светлое и всем было жаль, что их Николаича, который отработал в холдинге меньше года, и которого все запомнили с лучшей стороны, сегодня будут хоронить.

Николаич был грешником, и его грех не был тайной для коллектива. Но почему-то все были уверены, что его Там простят, даже, наверное, уже простили.

Он поставил на свой рабочий стол фотографию Николаича. Слушал сотрудников и смотрел на нее. О своем последнем разговоре с ним он никому не сообщил. И супруге его не сказал ничего, и сыну, который обсуждал с Дмитричем похоронные дела. Он вглядывался в глаза на фотографии. «Ну что же ты, Николаич, зачем ты меня так? – говорил он ему, я ведь тебя предупредил, а ты сделал именно то, чего я просил не делать. Именно это. Для чего? Чтобы наказать меня и своей смертью повесить мне на грудь еще один камень?». Он смотрел на фото в траурной рамке и понимал, что этот камень не последний, и на столе появится скоро новая фотография. Он положил ладони на стол и сказал себе: «Она, видимо, будет стоять вот здесь».

Он сосредоточенно размышлял, что должен сделать, чтобы новой траурной фотографии на столе не появилось? Он предупреждает, объясняет, звонит, а результат – похороны. Может, надо за каждого молиться, как молился за Корнеева? Ведь тот – жив. Неужели Небо обменяло Корнеева на Николаича? Жизнь одного на жизнь другого, а вот сохранить ее обоим – почему-то оказалось для Неба желанием неисполнимым. А Жэка? Разве ему поможет утренний звонок в Москву? Нет, не поможет.

В глубине души он почувствовал, что уже ненавидит свой дар и рад был бы избавиться от него. Он сжал ладонями голову и тихо, чтобы

никто в отделе не слышал, прошептал: «Господи, освободи меня от видений, не лишай жизни тех, о ком было откровение твое, пожалей и спаси душу мою, я больше не могу!».

Николаича похоронили достойно. На девятый день, когда в отделе уже разложены были на одном из столов кутья и блины, из своего кабинета вышел Дмитрич с почерневшим и постаревшим лицом. Дмитрич отвел его в конец коридора и сказал: «Жэка умер». Они стояли и смотрели друг на друга, понимая, что это не может быть случайным совпадением: неожиданная смерть одного за другим двух людей, связанных с ними работой и дружбой.

Один в квартире? – спросил он Дмитрича.

Тебе тоже позвонили? – вместо ответа спросил его Дмитрич.

«Позвонили», - подумал он, но не сказал это вслух.

Как Жэка умер?

Мне Сергей Пономарев только что по телефону рассказал. Говорит, что в субботу Евгений приезжал к нему на новоселье. Они поужинали, Евгений не пил. Вечером ему позвонила жена и попросила приехать. Он быстро, в спешке, собрался и уехал в Москву, сказал, что будет ждать жену в своей квартире. В воскресенье на звонки не отвечал, в понедельник на работе не появился. Жена звонила, искала его, говорит, что так и не смогла с ним в субботу встретиться. Брат жены поехал к нему в Куркино, стучал в дверь. Взял у консьержки ключи, открыли, а он лежит у дверей в ванну. В той одежде, что с новоселья уехал. Сергей сказал, что даже ключи от машины были в руке. Вроде как вошел, упал и умер. Третий инфаркт, скорее всего. Что происходит, а?

Похороны. Мы хороним нашу прошлую жизнь, – ответил он, - сюда будем везти его из Москвы?

Сергей сказал, что хоронить будет жена. Там. Матери надо сообщить, она еще не знает.

Пусть Сергей позвонит ей.

Он отказался, не могу, говорит.

Тебе, Дмитрич, надо, больше некому.

Поехали вместе, а? – по глазам Дмитрича было видно, что он тоже не может.

Нет, - коротко ответил он, решив твердо, что к матери Евгения сообщать о смерти сына он ни за что не поедет.

Мне придется, - вздохнул Дмитрич и опять замолчал.

Поедем, а?

Нет.

Ладно, поеду один, - тихо сказал Дмитрич, - как лучше сказать, что

мне говорить?

Не знаю.

Он не хотел думать о Жэке и его матери, он почувствовал в себе ожесточение и холод, он говорил себе в душевном бреде: «Пусть умрут все, и тот, кто мне дорог, и тот, кого я не знал. Пусть умрут все до единого, все человечество. Пусть умру я».

Дмитрич уехал к маме Евгения на улицу Карская за «Универсамом». Как посоветовал ему директор департамента, он сразу вызвал «скорую» и входил в квартиру вместе с врачом. Дмитрич не стал рассказывать ему, как он выдержал и сделал самое трудное дело для мужчин – сообщить матери о смерти сына. Горе тому, кого судьба вынудила сообщать такое хотя бы раз!

В этот день Дмитрич совершил самый мужественный поступок в своей жизни.

Глава 21

Что делать человеку, в душе которого образовался лед? Не та «шуба», которая покрыла сердце равнодушного человека, думающего лишь о себе и ледяным взором окидывающего мучения и страдания окружающих его, не та вечная мерзлота, что не дает людям сострадать всему живому. И мошке, бьющейся о стекло, и мухе, попавшей в паутину, которую умело сплел паук в ожидании, когда она задрожит от движения сильных, но спутанных и смятых крыльев. Что делать, когда в душе вдруг начал расти кристалл льда, и свет души перестал сиять открыто и чисто, когда свет начал преломляться и рассеиваться? Когда равнодушным стал прежде всего к себе, когда собственные мысли, переживания и стремления теряют смысл и потухают внутри, когда вместо ясного понимания своего пути и своего предназначения на крошечном отрезке времени, называемом жизнью человека, в голове лишь смутные блики вокруг кристалла льда? Что делать человеку, который перестал ценить свою жизнь и почувствовал, что мог бы расстаться с ней без сожаления?

Он остался вечером в пятницу на работе, потому что не хотел выходить на улицу, не хотел идти домой, не хотел оказаться один в своей квартире под номером 66, который, несомненно, нес в себе загадочный смысл рокового числа, даже без недостающей цифры 6. Он почувствовал, что если сегодня останется в таком настроении в ней один, может взять веревку и начать прилаживать ее к трубе в туалете. «Где, кстати, та веревка, которую купил, чтобы натянуть на балконе?»,

- веревкой он еще не пользовался, поэтому забыл, куда ее сунул. Каким бы ни был человек, верующим или атеистом, жизнерадостным или скучным по жизни, богатым или бедным, однажды мысль о самостоятельном и преднамеренном уходе от себя, от всех и от всего, туда, за грань, где никого и ничего нет, - такая мыслишка обязательно посетит его голову. У большинства она мелькнет и потеряется, даже забудется, а у некоторых воткнется занозой в сознание, и они никогда из него не смогут ее вытащить. Ходи хоть каждый день в храм, посещай свою церковь, мечеть, синагогу или простой молильный дом, от «занозы» добровольного ухода человеку не избавиться никогда. И боги не помогут вытащить ее. Боги будут заинтересованно наблюдать вместе с чертями, что сделает этот человек, приладит веревку и засунет в петлю голову, попросив у всех на земле и на небе простить его, или подержит веревку в руке, отбросит ее и побежит в ужасе к иконе, суматошно крестясь и путая слова молитв от испуга.

В древности все народы, кроме одного, были язычниками, а этот народ, который один, был не язычником, а отступником, что примерно то же самое. Поэтому у потомков всех народов сохранилось в глубинах подсознания желание встретиться с богами с помощью простого способа – отправиться к ним в гости. Понятно, что в гости туда хочется не от веселой жизни. Но ведь даже у тех, кому живется интересно и счастливо, кто был вымазан шоколадом еще тысячи лет назад, жизнь не может быть беззаботной. От нее устают все, и поэтому всем иногда хочется уйти в «гости». Язычники отправлялись туда более-менее легко. Они знали, что их ждут. А сейчас мы знаем, что таких «гостей» не ждут, вернее, там, куда мы хотим, таких не ждут. Зато ждут с нетерпением там, куда мы не хотим, где разогрели сковородку и помешивают угли кочергой. Поэтому домой в квартиру №66 идти он не хотел.

Было около девяти вечера. Он нашел код Перми и решил позвонить Валерке Штраусу. Он помнит, что однажды все его студенческие друзья сокрушенно вздыхали: «Ну, почему Сережка не позвонил, мы бы все бросили и прилетели к нему». Никто бы ничего не бросил, но, может быть, кто-то смог сказать по телефону ему такие слова, что Сережка Имяреков посмотрел бы на петлю другими глазами и не сунул бы в нее голову. Сережка Имяреков (вот такая странная фамилия у него была) в Волгограде попал работать в «Русский дом Селенга». Строили финансовую пирамиду другие мастера, но он тоже поучаствовал, фундамент закладывал. Когда пирамида рухнула, «мастера» вместе с деньгами сбежали, а Сережку с собой не взяли и «сокровищами

фараонов» с ним не поделились. Он остался в Волгограде и вынужден был общаться со следователями и населением, требующим вернуть «камни», вложенные в пирамиду. Квартиру у Сережки описали, машину забрали, счет заморозили. Он переселился в офис «Селенги» и начал жить по напряженному распорядку: днем смотрел красными глазами в гневные глаза населения, ночью пил, днем опять смотрел, но глаза становились все краснее и краснее. Продержался так две недели. Наслушался от населения такого, что веревку привязал прямо над своим рабочим столом и шагнул «туда», опираясь на полуметровую стопку жалоб стариков, которые называли его мошенником, аферистом и вором. И никому, перед тем, как шагнуть, не позвонил. А в университете его любил весь курс, даже весь факультет, и позвони он в эту минуту любому, неужели бы не смогли отговорить? Послали бы в офис тех ребят с курса, кто работал в Волгограде, увезли бы в больницу. А потом бы жизнь как-нибудь наладилась. Наладилась же у всех других «мастеров-каменщиков» российских пирамид! Все живы, все живут.

Валерке он решил позвонить первому, потому что он был друг и, причем старший по возрасту среди его друзей, которых у него было не одиннадцать, а всего пять.

А, привет, что так поздно, ты же в это время спишь? – услышал он голос из Перми.

Я сплю в десять, а сейчас еще девять.

Ну, не угадал. Что ты? Как ты? Давно тебя не слышал, рассказывай, я рад, что ты позвонил, поди сообщить что-то хочешь, а? Давай, говори. Валера, что-то у меня на душе нехорошо. Мысли всякие. В общем, удавиться хочу. Прямо сейчас, в девять вечера.

Т-а-а-к, - произнес Валера, растягивая надолго звучание каждой буквы этого короткого слова. И затем снова повторил точно таким же голосом, - т-а-а-к. Иди, покупай билет в Пермь. Вставай со стула с трубкой в руке, чтобы я слышал, как ты встаешь, и иди, покупай билет в Пермь.

Не люблю я поезд.

Ничего, зато ночью будешь среди людей. Через двенадцать часов приедешь ко мне, я тебя встречу на вокзале.

Ты встретишь, я знаю. А дальше что?

Поедем рубить деревянный дом.

На твоей даче?

Нет, в Центре духовного развития детей, я тебе о нем рассказывал, это под Пермью, за рекой. Туда родители приезжают и своими руками,

топором, рубят для детей дом-шестигранник. Дети тут же, но пока в палатках. Фундаменты под три домика поменьше уже готовы. Я вчера свой венец доделал. Вдвоем мы за субботу и воскресенье еще один венец положим. Потом в баню ходим, потом у костра посидим. Электричества там нет, но в июне всегда светло. Только заснул, раз, и уже снова солнце светит в глаз. Давай, подымайся. С вокзала позвони и скажи номер поезда и время прибытия. Если не позвонишь, я сам позвоню. А если не ответишь, я приеду и ударю тебя полным собранием сочинений Пушкина по башке.

Пушкиным не надо, - сказал он Валере, протестуя.

А кем надо?

Лучше Толстым.

Договорились, измочалю всего Толстого о твою башку.

Они поболтали еще немного и закончили беседу уже в обычном тоне, без трагизма и надрыва. Даже посмеялись, рассказывая, как жили и что делали в течение года.

Он положил трубку и ощутил тепло, расходящееся по всему телу.

Натурально, как будто стакан водки выпил. «Душа согрелась, - определил он свое состояние, - для этого, оказывается, не обязательно пить водку».

На тему, от чего и почему согревается душа, он поразмышлять не успел – зазвонил телефон. «Кто-то ошибся номером, - подумал он, - рабочий день давно закончился». Поэтому поднял трубку и постарался ответить вежливо, чтобы не расстраивать человека:

Слушаю вас внимательно и готов вам помочь.

Это я слушаю тебя внимательно и готов помочь, - узнал он голос Сергуньки Коновалова из Сысерти, - мне Валерка позвонил и сказал, что ты петли вяжешь, ты насери на них.

На кого, Сергуня?

На тех, кто тебя обижает.

Меня никто не обижает.

Все равно насери на кого-нибудь, знаешь, как помогает. Мне когда тяжело, с похмелья, я возьму и как пздну коту под нос, и сразу легче становится.

У меня нет кота.

Да ладно, у меня тоже нет, это я к слову, чтоб тебя заговорить и отвлечь. Тебе «Колокольчика» спеть?

Давай, Сергуня, «Колокольчика»!

Сергей откашлялся и спел прекрасный романс. Голос у него лучше, чем у Александра Малинина, и пел он душевнее, проще. Там была строчка

такая – «У вашего крыльца не вздрогнет колокольчик», поэтому романс между собой они называли «Колокольчик».

Он звонил в Сысерть в минуты грусти и говорил два слова: «Сергея, «Колокольчик!»». Тот сразу, даже не здороваясь, начинал петь. Ему в этом случае не надо было платить за звонок, поэтому пел он не торопясь, вкладывая душу. А сейчас звонил Серега, значит, исполнение романса влетит ему в копеечку. Как только Сергей спел первый куплет, он закричал в трубку: «Хватит, мне хорошо, я счастлив, Сергуня!».

Да? – спросил он, выходя из состояния пения во весь голос в сысертской квартире, где соседи подумали, что директор школы (Сергея работает директором школы) опять нажрался и дает очередной концерт.

Спасибо, Сережа. Меня сегодня придавило что-то, стихи даже твои вспомнил.

Какие мои стихи вспомнил, у меня их много?

Эти:

Что еще человеку мечтать,
Не один я, и это здорово.
Мою голову, вздетую на кол,
Окружили друзей моих головы.

Ты брось, не дури, когда я их написал, мне восемнадцать лет всего было, понял?

Понял.

В течение часа ему позвонили Генка Демочкин из Ульяновска, который уже превратился там из полиграфиста в художника, Вовка Красных из Сыктывкара, командующий там радиопроектами, и Сашка Кириллин из Ижевска, продолжающий, как и он, работать в издательстве со студенческих времен. Все они четыре года жили вместе в комнате 225 университетского общежития, а потом двадцать семь лет жили и работали, не забывая друг друга. Встречались часто, но по отдельности. Вместе – ни разу. И они знали, что такая встреча им ни к чему. Дело было вот в чем. Когда получили на руки дипломы, устроились шестером на факультетском этаже в аудитории 402 выпить напоследок портвейна. Завтра разъезжаться, а сегодня – непременно за партой в аудитории и непременно портвейн. И в один из моментов прощального

«запартья» он возьми да и скажи им: «В следующий раз мы встретимся вместе на похоронах кого-нибудь из нас». А в эту самую минуту в аудиторию заглянул отличник Саша, который не пил и не участвовал, но фразу услышал и зачем-то спросил: «Ребята, а на мои похороны приедете?». Он был раздражен, что Саша помешал последнему студенческому общению друзей, поэтому, не подумав, сказал сердито: «У тебя не будет похорон». «Я что, вечный?», - Сашка смотрел на него и улыбался нелюбимой им улыбкой отличника. «Нет, ты утонешь под каким-то мостом, и тебя не найдут, поэтому твоих похорон не будет», - объяснил он Саше. Тот ушел, а Валерка с огорчением заметил: «Не надо так, нехорошо. Саша обиделся, так и расстанется с обидой в памяти».

Через год Саша утонул, купаясь в Каме. Он слишком близко подплыл к опоре моста через эту мощную реку, и его затянуло в глубину. Найти тело не смогли. Валера сообщил ему об этом и жестко отчитал, сказав в конце: «Больше – не каркай!».

Друзьям он никогда больше не каркал. Но что интересно, прошло двадцать семь лет, а они ведь так никогда и не встретились все вместе. Сколько юбилеев прошло, пятилетие, десятилетие, двадцатилетие. Договаривались, съезжались, но то Вовки Красныха не было, то Сережка Коновалов не мог приехать. Они были живы и, значит, не пришел еще час для такой встречи.

Валерка, правда, чуть не собрал их год назад. У него случился обширный инфаркт, в реанимации уже приготовились укатить его в подвал на вскрытие. А он взял и выкарабкался из «подземного царства», не пришлось ему тогда полежать в холодке подвала. Валера, как и всегда, показал им положительный пример. В комнате он учил их утром сразу заправлять кровать, развешивать аккуратно полотенца, следить за чистотой и поддерживать порядок. Научить не смог. Никто кровати не заправлял до вечера или до прихода комиссии студкома. Но когда ребята обзавелись семьями, они своих жен и детей стали учить заправлять кровать по утрам и всегда поддерживать порядок в ванне, где полотенца должны были висеть каждое на своем месте, и в квартире, где они контролировали вместо студкома соблюдение санитарных норм коллективного общежития. С карьерой Валерке поначалу не повезло. Он был сыном известного херсонского строителя, не скрывавшего свою дружбу с местными раввинами. Отца арестовали в 42-м, судили по 58-й, выпустили в 53-м. Классика жанра Александра Солженицина. Отца звали Гершоном, у Валеры, как нетрудно догадаться, отчество было - Гершонович. В

издательском деле к людям с таким отчеством относились с подозрением и высокие посты не доверяли. Выпускник университета пошел работать фрезеровщиком, как и до университета. А вот когда началась операция «кооперация», Валера доказал, на что он способен. На военном заводе по линии профсоюзов создал строительный трест и построил на берегу Камы для заводчан микрорайон шестнадцатиэтажных высоток. Квартиру он получил в одной из этих высоток на общих основаниях, то есть по жребию. Выпал одиннадцатый этаж, он туда и поселился. И сейчас там живет. Доказал он парткому, горкому и обкому, что его слова о честности, справедливости и порядочности – это принципы его веры, а не идеологическая лапша для «лохов». К какой религии он тяготел, тоже легко догадаться. Но если у этой религии есть хотя бы один такой адепт, как Валера Штраус, такую религию уже можно уважать. Для людей малосведущих, а также для непримиримых фанатиков той или иной религии Валера объяснял символы своей веры обтекаемо и туманно: «Бога единого и Материнское начало мира признаю, как их растущий ребенок». Кстати, о начале мира. Мать у него была цыганка. Работала учительницей в таежном поселке Гари на севере Свердловской области. Можете представить, цыганка – учительница? Ох и потусовал Сталин колоду людских судеб в лагерях и на северных стройках. Все студенты тратили стипендию по назначению, а Валерка относил ее в банк и клал на счет все пять лет учебы. После учебы купил матери кооперативную квартиру и перевез ее в Свердловск, который теперь – Екатеринбург. А жил Валера на зарплату ночного сторожа главпочтамта, где отдежурил за годы учебы сотни смен.

«Какой матерый у меня дружище, глыба! – думал он, сидя в пятницу вечером в своем кабинете, - веревку и петли – отставить. Если что, поеду к нему бревна таскать». Он решил это твердо, будучи уже, как говорится, в здравом уме и ясной памяти.

В десять вечера двери кабинета открылись, и вошел Дмитрич.

- Ты откуда? – удивился он его неожиданному появлению.

- От родственника, мимо ехал, смотрю, в кабинете кто-то есть, - ответил Дмитрич и оглядел кабинет, бросив взгляд за его стол.

- Я не пью, просто сижу, - сказал он, понимая, что ищет глазами Дмитрич.

- Думаешь? – спросил Дмитрич.

- Думаю.

- Я тоже, - он устало сел на стул у соседнего стола, - не могу отойти, никогда еще такой недели не было.

- У меня тоже, - сказал он в ответ.

- Хотели до пенсии вместе работать, потом на рыбалку ездить, уху варить, вспоминать, - Дмитрич говорил и смотрел в окно, где еще были видны последние лучи заходящего июньского солнца.

После того, как их отдел был включен в состав холдинга, когда уволились Петрович, Есипыч и Калиль, на Дмитрича часто находило ностальгическое настроение. После ухода Евгения, оно, видимо, начинало приобретать очертания тоскливого ожидания перемен. Для него лично – только в худшую сторону. Совсем не туда, где маячит костерок, и рыбаки сидят вокруг, и у рыбаков стаканчик на траве, и уха в котелке, и они неторопливо беседуют, потому что до утра еще далеко, и у них вся ночь впереди, и не надо проверять ночью сети, потому что они приехали не за рыбой.

Напьюсь сегодня, - сказал Дмитрич, продолжая смотреть в окно. Может, не надо? – неуверенно спросил он старого своего товарища. Дмитрич очень тяжело переносил выпивку, подолгу болел и не мог въехать обратно в рабочий режим.

Напьюсь, это я сказал для красного словца. Стаканчика два сухого выпью, чтобы заснуть.

Стаканчика два – можно. Но не умеем мы пить по два стаканчика. Где два, там потом еще двадцать два, - сказал он то, что товарищ и сам знал.

Эх-хе-хе, - вздохнул Дмитрич, - поеду домой, тебя подвезти?

Не, я пешком.

Тогда – до понедельника!

До понедельника, Дмитрич, супружнице Танюшке – привет!

В воскресенье утром, когда он наконец-то собрался поехать на дачу и уже подогнал машину из гаража к переулку Кольский, ему позвонила Таня и сообщила, что ее муж умер.

Глава 22

Он оделся, спустился вниз, завел, поехал. Все делал на автопилоте, ни о чем не думая и ничего не видя. Глаза были открыты, мозг получал информацию и давал команды самостоятельно. Надо было привезти его к дому Дмитрича. Мозг задачу понял и вез.

Вместо размышлений и переживаний в голове у него звучала, повторяясь, фраза: «Дмитрич умер, Дмитрич умер, Дмитрич умер...». Машина с ним внутри сама выехала на улицу Республики, затем на Пермьяковский мост, на улицу 30 лет Победы и въехала во двор

девятиэтажек с синими балконами. Он зашел в подъезд, поехал на лифте и пока ехал в нем наконец-то зафиксировал в сознании первую мысль: «Я машину закрыл?». Он осознал, что не помнит, как приехал, горели или не горели сигналы светофоров, перебежал улицу кто-нибудь перед его машиной, и были ли вообще люди и машины на улице. Лифт остановился, он подошел к квартире и нажал кнопку звонка. Дверь открылась, он опустил глаза и вошел. Квартира была большая, прихожая просторная. Сын Никита, открывший дверь, сразу ушел к себе в комнату. Он стоял в прихожей и ждал. Из комнаты справа появилась Таня. Она подошла к нему и смогла сказать только короткое: «Вот». Потом покачнулась, сделала еще шаг и уронила голову ему на грудь. Он обнял ее, и они молча остались стоять в коридоре. Прошла минута, две, три. Они стояли и молчали. Ее горе было так велико, что она не могла говорить, его горе было так глубоко, что он не хотел говорить.

Может, минут через пять, а, может, и через десять Таня подняла голову и посмотрела ему в глаза. Он прошептал: «Держись». Потом они пошли в комнату и сели на стулья. Постепенно к Тане вернулись силы хотя бы говорить. Она рассказала, что Дмитрич в пятницу выпил, конечно, не два стакана. В субботу к вину не прикасался, ему было очень плохо. Врачей вызывать запретил. Под вечер, вроде, стало получше. Он попросил проводить его до ванны. У дверей ванны сказал: «Сейчас мне станет хорошо», но вдруг выскользнул из под руки Тани и рухнул на пол. Она увидела его лицо и поняла, что это конец. Потом была «скорая» и долгие попытки вернуть мужа к жизни. Когда сыновья отвезли тело отца в морг, она позвонила ему.

Затем они пили на кухне чай, и Таня говорила, обращаясь не к нему, а к душе Дмитрича, которая была где-то рядом: «Как ты мог оставить меня одну, как ты мог? Мы были вдвоем, как одно целое, как ты мог взять и уйти? Как ты мог бросить меня, а?».

Похороны Дмитрича были назначены на вторник. К издательству подошел автобус и повез сослуживцев к ритуальному залу на улице Котовского. Было много людей и цветов. Он прошел в дальний угол зала и встал у окна, где можно было держаться за подоконник. Он чувствовал слабость, его покачивало. В сторону гроба он старался не смотреть. Да и на пришедших проститься тоже не смотрел. Только вниз на свои ботинки.

Началось отпевание, зажгли свечи, священник просил Господа упокоить душу раба Божия. Он чувствовал, что Дмитрич здесь, рядом и смотрит сверху на собравшихся. Он поднял голову и посмотрел сначала вверх

на потолок, чтобы увидеть Дмитрича, а потом поглядел на гроб и увидел неподвижное знакомое лицо. Двадцать лет знакомства вспомнились все сразу, от первого дня до пятницы прошлой недели. «Дмитрич, - обратился он туда, где горели свечи и лежали цветы, - Дмитрич!». Голова у него закружилась, он стал падать на стену и терять сознание. Кто-то поднес ему ватку с нашатырем, кто-то вывел его на улицу. Когда свежий воздух помог ему прийти в себя, он подошел поближе ко входу в ритуальный зал, чтобы слышать ровное звучание голоса священника, произносившего слова заупокойных молитв.

Он съездил вместе со всеми на Червишевское кладбище и бросил три горсти земли в могилу. Парочка сноровистых кладбищенских работника взялась за лопаты. На месте могилы быстро вырос холмик свежей земли, и Дмитрича не стало.

В кафе он не поехал. Поминать друга водкой категорически отказался. Работать в офисе уже не хотел и не мог. Снова взял машину из гаража и уехал на дачу, где решил жить, пока душа не успокоится.

«Как же так, я говорил с Дмитричем за сутки до того, как его не стало, и ничто не подсказало мне, что это его последние сутки, почему? – спрашивал он себя на даче, шагая по прямой линии тротуара от дома до бани и обратно, - я просил у Бога освободить меня от кошмаров видений. Неужели он услышал и сказал, да пожалуйста, могу и освободить, но посмотрим, легче ли тебе станет. Вот и посмотрели».

Он прекрасно провел роковую субботу. Хорошо выспался, отправился в магазин, накупил разных колбас, не только салями «Деревенская», но и «Краковской», «Московской» и даже взял небольшой кусочек «Браунгшвейской». В овощном киоске добавил в котомку три огурца. Уложил на них конфеты «Красный мак», штук двадцать, то есть шиканул, а в другую руку взял упаковку печенья в шоколаде и вернулся домой в самом приятном расположении отдыхающего от забот духа. «Красный мак» во времена его детства были самыми дорогими конфетами в их небольшом поселковом магазине. Килограмм стоил десять рублей. Он помнит, что просил однажды маму купить эти конфеты, но она посмотрела на цену и купила «Серебряное копытце», тоже вкусные, но стоили они значительно меньше – восемь рублей. В Новый год ему купили кулек конфет, и там, среди арахиса и карамелек лежали три конфеты «Красный мак». Это был замечательный новогодний подарок.

Почаевничав и убрав на столе, он расположился на кровати, превратив ее в диван. Взял две подушки, лег на них боком, подставив под голову

локоть, и включил телевизор. Там кто-то прыгал и пел в сверкании и дымах. Он не мог разобрать слов, хотя пели по-русски, но вид сцены и зрителей давал ему ощущение, что он отправился на концерт, он – отдыхает. На сцене появился Расторгуев и его «Любе». Он любил все их песни, начиная с первых, про Дусю-агрегата и Батьку Махно. Слова были понятны, а музыка легко проникала в душу. Когда-то он любил еще слушать Игоря Талькова, но тот «не вернулся со сцены», и он включал его записи все реже и реже.

Во время первой же рекламной паузы он выключил телевизор. Все, этой пищи, поданной с экрана, ему на сегодня хватило. Новостей, разговоров на ток-шоу, где «глухари токуют на току», он и в обычные дни ни видеть, ни слышать не желал, а в субботу тем более.

После возлежания на «диване» начались обычные субботние дела: уборка, пылесос, поход в сбербанк со ступеньками №29, чтобы заплатить за квартиру, и все такое прочее. А вечером сходил к фонтану у гостиницы «Восток». Там было много молодежи, и у некоторых были умные лица. У девушек вечером у фонтана лица не могли быть умными, зато они были смеющимися. Девушки вечером у фонтана смеются всякому слову, которое скажут их подруги или парни, которые стоят вместе с ними и глядят на струи воды, пульсирующие в своем стремлении подняться высоко вверх, упасть и снова подняться. Молодежь не знает, что эти струи для него были символом человеческой жизни. Насос работает, программа запущена. Вверх-вниз, вверх-вниз. А потом придет дядя и выключит насос. На месте, где струилась и переливалась в огнях энергия воды, будет просто лужа в гранитном «тазике», в котором плавают листья, брошенная пивная банка и окурки.

Заснул он в субботу быстро и беззаботно. В это самое время, когда он засыпал, умер Дмитрич.

Сейчас он ходит по тротуару и жалеет, что спал так беззаботно. Мог, ведь, в пятницу уговорить Дмитрича не пить вино. Мог, мог, мог, если бы знал. Он остановился на тротуаре и посмотрел на небо. Тучки летели белые и совсем маленькие. А между ними – синева и солнце.

«Бог там и Бог слышит. Неужели он смотрит именно на меня, интересуясь, каково сейчас мне? – думал он, - нас, христиан, миллиард, может он смотреть на каждого? Может слышать, что творится в душе каждого из нас? Наверное, может, если совесть это и есть – Бог».

В эту минуту, он хорошо запомнил, вот в эту минуту он подумал, что надо идти в монастырь. «В какой монастырь? Куда идти? И что значит идти, в прямом смысле, что ли, идти?» – он задавал себе эти вопросы,

изредка поглядывая на небо. Ему казалось, что сейчас он увидит на облаке старца в белом одеянии, как на росписях церковных куполов, который будет говорить с ним. На небе плыли все те же облачка. Ответы на вопросы возникли в голове из ниоткуда. Они всплыли изнутри и зазвучали: «Да, идти надо пешком, идти надо в Тобольск, в Абалак».

Он как-то видел хороший фильм об Абалакском монастыре, который сняла местная телевизионщица Татьяна Топоркова, и запомнил вид монастыря со стороны Иртыша. Высоко на горе – белый лебедь храма и колокольни. «Как красиво, - подумал он тогда, сидя у экрана, - надо бы своими глазами на него посмотреть».

«Пойду пешком в Абалакский монастырь. Когда? В отпуске? – продолжал он размышлять, - не, до отпуска далеко, отпуск в августе. Может, в ближайшие выходные? Точно, пойду в субботу через два дня». Он походил по тротуару еще минут пять. «До субботы долго ждать. Надо – завтра. Пойду завтра, - решил он. Еще раз прошел от домика до бани и от бани до домика, - сейчас надо идти, прямо сейчас». Как будто чья то рука толкнула его, и он начал поспешно собираться. С этой минуты он решал лишь мелкие вопросы. В чем идти? В комбинезоне. У него есть комбинезон для дачных работ. Пойдет в нем. Какие ботинки надеть? Те, которые носил два года. Они хотя и потертые, но крепкие и к ним привыкли стопы ног. Что взять с собой? Спички, кусок сыра, маленькую бутылочку воды. Куда это положить? В синюю капроновую котомку с замочком. Надо взять палку, просунуть ее в лямки котомки, и тогда ее можно будет нести на плече. На голову? Белый платок, завязанный как бандана. Нож? Складной, легкий. Деньги? Тысячу рублей. Документы? Паспорт. Все, одеваюсь и – вперед.

Уже через сорок минут ранним утром в среду он ехал на машине в город, чтобы поставить ее в гараж. Дача была закрыта на все замки и обесточена. В кармане комбинезона уже лежала записка: «Ушел в монастырь. Если вернусь, то дней через десять». В дорожном одеянии, но без платка на голове, он зашел в издательство и отдал записку Юре. «Обещай, что откроешь и прочтешь ее в пять вечера», - обратился он к коллеге, подавая ему свернутую бумажку. «А что здесь, заявление?», - заинтересовался Юра. «Нет, - ответил он, - важная для меня информация, которая должна быть предана гласности ровно в пять вечера». Юра пообещал. Он повернулся и ушел. Мимо деревьев около издательства, мимо остатков липовой аллеи на мост через Туру, затем к поселку Мыс и дальше на Тобольский тракт.

Никаких сомнений, опасений, попыток образумить себя и вернуться, у него в душе не было. Он пошел по дороге, которая вела к храму. Шаггал с левой стороны трассы, чтобы видеть летящие навстречу машины. Шаггалось легко, потому что он понял, что делает самое главное и самое важное, что должен делать человек. Шаггал не символически, не образно, а по-настоящему – ногами. Шаг, еще один, следующий, сотый, тысячный. Шаггал по матушке-земле под синим небом с облачками.

В его душе как-то все обустроилось и прибралось, все оказалось на своих местах. Можно по долгу умно рассуждать о смысле жизни, но лучше просто шаггать в сторону храма. Не важно, сколько до него километров, один или сто. До Абалака было двести с лишним. Но он не думал о километрах, он шел и шел в реальности: вот дорога, вот машины, вот поля по сторонам и птица над головой. Он идет – и это так хорошо, это так здорово, этого никогда раньше не было в его жизни. Оказывается, когда идешь, пейзажи вокруг меняются тоже довольно быстро. Только что справа виднелся минарет в селе Ембаево, а вот уже берег реки, а потом лес. Но в отличие от водителя автомобиля, он смотрел на горизонт подолгу, не опасаясь выскочить на встречную полосу. Он внимательно разглядывал зеленую даль в дымке и деревья у самой дороги. Он мог разглядеть каждый камушек и пучок травы, каждый столбик и каждую ямку. Он видел намного больше, в глазах ничего не летело и не мельтешило. Он познавал мир как тот котенок, которого первый раз вынесли из квартиры во двор, где он вдруг обнаружил, что мир состоит не из четырех стен и дивана, по которому он смело карабкался вверх, цепляясь за материю своими крошечными коготками. Мир – очень большой, настолько большой, что диван это и не мир вовсе, а пылинка в нем.

Где-то после семнадцатого километра он заметил, что стал отключаться. Не увидел, как прошел мимо большого дерева с отломанным сучком внизу. Дерево это увидел издали, а как брел мимо него – не помнит. Цифры на километровом столбе поменялись чересчур быстро. Табличку с цифрой 15 видел, сейчас перед глазами табличка 17, а куда делся 16-й километр?

После двадцать пятого километра, когда сел на траву и поел сыра с хлебом, включить сознание и заставить себя соображать стало делом до смешного затруднительным. «Так, где я? – оглядывался он по сторонам, - справа впереди какая-то деревня. Какая цифра на столбе? Цифра 27. Где солнце? Ага, уже начало садиться. Значит, я должен дойти до деревни и там подумать о ночлеге. Идем дальше». И снова

отключался.

Поразительно, но человек может жить, передвигаться, обходить препятствия и уступать дорогу большегрузам без участия сознания. Оно нужно, чтобы изредка уточнить координаты и направление движения, а потом сознание может отправляться «давить храпачка», дабы не вносило смуту и хаос в душу, убаюканную ритмом многочасовой ходьбы.

В деревню он пришел уже на закате. На табличке было написано ее название – Борки. Он забыл взглянуть на карту перед началом похода и не знал, какие населенные пункты встретятся на пути. То, что обязательно встретится Покровка, разумеется, знал. Родина Григория Распутина, как не знать. А вот, что есть на тракте еще и Борки – открытие.

Ему было важно добраться до берега реки, которая была где-то рядом. Он это понял давно, разглядывая горизонты. По улочке вышел прямо к воде. От последнего домика на улице до реки – двенадцать шагов. Он их сделал и сел. На сегодня – все. Теперь надо решать задачи попроще: умыться, поесть, лечь спать. Первое – легко. Он снял с себя одежду, зашел по колена в речную воду и вымылся. Второе еще проще.

Разглядывая заходящее за берег реки солнце, доел сыр и хлеб. Третье – а где спать?

Около ворот домика была широкая лавочка. Сытый и умытый он сидел на ней и примерялся, можно ли на этой лавочке спать. В принципе, можно, но что подумает хозяин дома? После захода солнца появились комары. Сначала укусил один, затем в руку впелись штук пять, а чуть позже они объединились с мошкаррой и дружным коллективом облепили все лицо. «Живьем съедят, - определил он перспективу, - и костер у дома не разведешь. Нет, не судьба мне спать на лавочке».

Он решил идти дальше, идти до тех пор в ночи, пока не потеряет силы, чтобы упасть и заснуть, не обращая внимания на комаров сверху и змей снизу. У него было что постелить на землю: старое шерстяное одеяло, которое он свернул, как шинель, в скатку и нес на плече. Вечерним маршем он прошагал по тракту вдоль деревни. Впереди его ждал поворот в чистое поле, и тут, на краю Ойкумены, он увидел белый кирпичный дом, похожий на склад, а на нем вывеску – «кемпинг». У дверей, очень похожих на складские, стоял парень южных кровей. У вас заночевать можно? – крикнул он ему с дороги.

А хоть всю жизнь живи, если хороший человек, - ответил парень знакомой до боли в ногах фразой.

Парень взял у него пятьдесят рублей, принес матрас, простыни, даже

полотенце принес белое и дал пластинку от комаров. «Вы ее подожгите, потом потушите, пойдет дым, комары испугаются и улетят», - объяснил метрдотель придорожной ночлежки.

Он все сделал в полном соответствии с полученной инструкцией и уснул с улыбкой блаженного на лице. Свою улыбку он видеть не мог, но она была или блаженной или блаженного, что наверняка одно и то же. Это, когда сбывается все, о чем мечтал, и даже сверх того. Это, когда не надо ничего, и все, что больше – то от лукавого.

Проснулся рано утром полностью отдохнувший. Парень уже совершил омовение и готовился к намазу. На его голове белела вязаная из ниток круглая шапочка, напоминающая своими узорами искусство макраме. Куда идешь? – спросил парень, увидев, как он надевает походное снаряжение: котомку с палкой на одно плечо, скатку - на другое.

В Тобольск.

Пешком?

Пешком.

В церковь?

В церковь.

Чай попей.

Нет у меня чая, на дороге где-нибудь попою.

Э, так ходить не надо, - сказал парень с появившимся южным акцентом, - чай с собой надо нести, чай и хлеб сами себя несут.

Парень попросил подождать немного и затем принес две чистые консервные банки без крышек с ровными краями.

В эту положи сухой спирт, а в эту налей воды. Вот тебе десять пакетиков, вскипятишь, и будет у тебя чай, и будет легко идти. Я знаю, я ходил. В горах.

А как сделать спирт сухим? – спросил он мусульманина. Тот снова ушел и принес батончик больших круглых таблеток.

Вот это – сухой спирт. Достаточно одной таблэтки, - опять парень сказал знакомую фразу, хорошо копируя акцент знаменитого актера. Если бы не этот подарок правоверного, ходившего когда-то «в горах», навряд ли бы он дошел на второй день до Покровки, но он до нее дошел, прошагав сорок семь километров.

Где-то на тридцатом километре этого перехода, часа в три пополудни, он лег на бревно недалеко от дороги. Кто-нибудь когда-нибудь спал на бревне? До этого дня он тоже не знал, что если лечь на бревно спиной, и его круглую поверхность разместить между лопатками, можно мгновенно уснуть. Через час он проснулся и отправился дальше, оценив

состояние организма как удовлетворительное для того, чтобы добраться до крыльца дома Григория Распутина и заночевать прямо на крыльце. Об этом думал и этого хотел весь день в перерывах между отключками.

Ему, разумеется, было известно, что настоящий дом Распутина раскатали и увезли в Казахстан еще при Хрущеве. Тот, что выдают за «гришкин», был тоже из дореволюционных и очень на него похож, «токо помене», как объясняют старожилы. Двухэтажный и с крыльцом. И с настоящим стулом, тем самым, на котором сиживал Григорий, и который стал самым ценным экспонатом местного музея. Посетители музея мужского пола садились на него, чтобы ощутить внизу прилив сил, а для чего садились на стул женщины, не очень понятно. Впрочем, с их фантазией, цель прикосновения, несомненно, была мистической и возвышенной, никоим образом не связанной с низменным примитивизмом желаний противоположного пола.

Он относился к Григорию с уважением не за те части тела, которые касались этого стула. Подобным легендам он не верил, вернее, не думал о них. Григорий Распутин из Покровки два раза ходил пешком до Верхотурья, пятьсот верст туда и обратно, туда и обратно, и еще сходил в Киево-Печерскую лавру, а до нее – две тысячи верст. Во время паломничества излечился и получил откровение от Богородицы. Вот почему так хотелось заночевать на его крыльце.

В центре села Покровское, у школьного стадиона, какой-то мужик крикнул ему из огорода: «Стоять!». Он поглядел на мужика и заметил, что тот окучивает картошку в поношенных милицейских штанах.

Мужик оказался сельским участковым. Он был в рваной майке, изрядно поддатый, однако проверил предъявленный документ по всей форме, долго рассматривая буквы адреса прописки.

- Куда направляетесь? – приступил он к ознакомительному допросу.

- В Абалак.

- Паломник?

- Наверное, да.

- Почему, наверное?

- Первый раз, еще не привык считать себя паломником.

- Молиться или работать собираетесь?

- Молиться.

- Почему пешком?

- А как надо? – спросил он участкового.

- Обычно приезжают на автобусе, потом здесь пьют несколько дней и шарятся по огородам, пока я их не выгоню.

- Я шариться не буду.

- Где планируете остановиться?

- Хотел на крыльце дома Распутина.

- На крыльце нельзя, это музей, я его охраняю.

Они стояли у забора его огорода. Участковый отдал паспорт, проследил, как он прячет документ в котомку, чтобы увидеть, что там находится кроме паспорта.

Выпить хочешь? – задал милиционер очень неожиданный вопрос.

Нет, не хочу, спасибо.

Тогда так, стой здесь, я сейчас машину выгоню. – Участковый ушел к себе на двор и выехал из него на «жигуленке».

Садись, - пригласил милиционер.

Да я так дойду, - ответил он ему, хотя не знал, куда теперь идти, если на крыльцо нельзя.

Садись, тебе говорят! – участковый приоткрыл пассажирскую дверь.

Они выехали из Покровки и понеслись в сторону Тобольска.

Я ребятам на посту скажу, чтобы тебя увезли в Тобольск, - говорил, уверенно держа руль, участковый, - не положено тут бродяжничать.

Нам приказали всех таких, как ты, отправлять транспортом. Люди в деревнях просят, боятся они вас. Паломников настоящих нет, одно ворье и алкаши. Ни документов, ни прописки. На свободу выйдут и шатаются, пиздят все подряд, потом исчезнут, и след простыл. Бабка утром жалуется, грядки притоптали, пленку на парнике порвали, испоганили огород.

Когда они подъехали к посту ГАИ в районном центре Ярково, участковый сказал инспектору: «Этого – в Тобольск». Потом повернулся к нему и попросил:

Ты, видно, и вправду молиться идешь. Помолись за моих ребят.

Как их имена?

Я тебе напишу, - он достал ручку и взял блокнот из бардачка, у него там много было всяких бумаг. На листочке появилось семь имен.

Милиционер зачитал имена вслух.

Скажешь там, когда молиться будешь, что я их всех помню.

Друзья? – задал он ему вопрос.

В моем взводе служили, в горах. В Чечне. Простые солдатики.

Сделаешь?

Конечно.

Ну, давай, счастливого пути!

Не успел он отойти от его машины, как участковый дал по газам, с визгом и дымом из под колес развернулся на асфальте. Не таил

участковый, что был «выпимши», а значит, не мог без удалства проскакать по своей вотчине. Инспекторы поприветствовали его полосатыми палками и засмеялись. Он им отсалютовал клаксоном и унесся обратно в Покровку.

Странника посадили в первую же остановленную «Газель» и сказали водителю: «Пассажир до Тобольска. Выгрузишь его перед тобольским постом. Ему в Абалак». Водитель часто кивал головой в знак полного согласия. Его остановили не для проверки документов, он очень этому обрадовался и готов был везти попутный «груз» куда угодно. Водитель даже открыл дверь, наклонившись из-за руля, заметив, что «груз» тяжело передвигает ноги. Протянул руку, чтобы помочь сесть в салон. «Под белы рученьки проводят, - вспомнилась еще одна известная фраза, - меня буквально на руках несут в храм. Когда увидели, что я не могу больше идти от усталости и мозолей на подошвах стоп, мне предоставили транспорт и сопровождающих лиц.

Глава 23

Глубокой ночью «Газель» остановилась у поста ГАИ сразу за мостом через Иртыш.

Имя мое запомнил? – спросил напоследок водитель.

Константин.

В общем, Костя, за Костика помолись.

Он кивнул ему, «Газель» тронулась, и они расстались, скорее всего, навсегда. Пока ехали, Константин рассказал ему все, что знал и помнил о своей жизни. Или почти все. Как только Костя услышал от него, для чего он отправился в Абалак, он говорил и говорил, не отрывая взгляда от дороги. О матери, о «зоне», об армии и девушках, школе и друзьях. О религии – не говорил. Было даже не понятно, о чем просить в храме, произнося имя Константин. «Дай, Бог, ему здоровья» - пожалуй, эта универсальная просьба подходит лучше всего, хотя на здоровье Костя не жаловался.

Сверток вправо на Абалак был прямо перед ним, но там – темнота. До четырех утра, когда рассветет, надо было подождать где-то здесь.

Будка гаишников светилась рядом, но туда не пойдешь. Через дорогу – придорожное кафе. «В кафе должны быть стулья, буду сидеть на них, пока не выгонят», - решил он и побрел через дорогу в свете фар медленно ползущей у поста грузовой фуры.

В кафе сидел мужчина лет сорока, повернув к себе столик с телевизором, за стойкой стояла женщина и тоже смотрела телевизор.

Они не обратили на него внимания. Глянули: трезвый и тихий, а во что одет, им было без разницы. Он положил на стул около первого столика у входа все свое, что нес с собой: котомку, скатку и палку. В два часа ночи телепрограмма закончилась, и зрителям в кафе сообщили, что «ящик» пора выключить. Мужчина выключил и сказал женщине: «Я к себе. Смену сдашь, приходи». После этого, не оборачиваясь, ушел. Женщина постояла, посмотрела на дверь, налила в рюмку водки и выпила. Пошла на кухню, принесла и поставила перед ним две тарелки, в одной - суп, на другой – хлеб.

- Ваши еще в мае прошли, - сказала она.

- Куда? – не понял он ее.

- В Абалак, куда еще. Теперь в сентябре только обратно пойдут, - она имела ввиду тех, кто летом живет в северных монастырях, а зимой – в южных.

Есть он не хотел, но взял ложку и начал хлебать жижку, в которой плавал рис. У него были деньги, и он мог бы купить «харчо» пожирнее и с мясом, но не стал копошиться и шелестеть бумажками. «Она считает, что я голоден и гол, как сокол. Спасибо. Главное, чтобы разрешила сидеть здесь до утра», - оценил он действия женщины.

Вот вы ходите, ходите, а зачем, почему не остаетесь в одном монастыре, скучно, что ли, в одном? – спросила она.

Монахи везде разные, хочется послушать одних, потом других, пока не найдешь того, от которого не захочется уходить, - ответил он, входя в роль странника-пилигрима.

А что они могут сказать хорошего? – сказала женщина, не глядя на него.

Вы с кем-нибудь беседовали в Абалаке?

Не была я там ни разу.

А живете в Тобольске?

В Тобольске.

Тут же рядом!

Рядом, - согласилась женщина и налила опять в свою рюмку немного водки.

Будете? – спросила она.

Не хочу.

Да я тоже не хочу, так, чтобы время быстрее шло, - она выпила и поморщилась, поднеся кисть руки к носу, как делают мужики, даже если пьют самый дорогой коньяк. Морщатся по привычке, потому что начинали пить в юности не с дорогого коньяка.

Вот приеду я в Абалак, - женщина поставила рюмку и начала говорить

спокойным ровным голосом, - и что просить буду, чтобы мужа мне вернул с того света? Чтобы другого дал взамен? Не вернет и никем не заменит. Таких-то всяких разных хватает, а такого, как мой Петя был – нет таких больше.

Сквозь усталость и ночную полудрему за столом после супа он видел лицо женщины, потухшее и скорбное. «Как их много, обделенных судьбой», - подумал он.

Вы спите? Эй, ты заснул? – он не сразу понял, кого и о чем она спрашивает, - пойдём, я покажу, где можно спать.

При кафе была мини-гостиница из двух комнат и четырех кроватей.

Она завела его с другой стороны кафе в комнатку.

Вот матрас, расстели и ложись. Белье не дам, белье только за деньги.

Утром разбужу до семи, хозяин рано приезжает, чтобы тебя не увидел.

Отдыхай, богомолец.

Матрас он разворачивал, видимо, уже заснув. Не помнит, то ли раскрутил этот тяжелый тюк, то ли просто упал рядом и отрубился.

Когда утром прощались, он хотел записать имя этой женщины.

Зачем тебе мое имя? - спросила она.

Молиться.

Ай, да ни к чему, - сказала она.

Он отошел от кафе уже довольно далеко, когда она приоткрыла дверь и крикнула ему вдогонку: «Тая, Таисия!». Он не мог на ходу записывать, но был уверен, что не забудет ее имя. «Доброму человеку можно не ходить в храм, - подумал он, - у них душа как храм».

Но нет счастья и в стенах этого храма. Где оно, счастье? У кого оно?

Если его нет у доброго человека, значит, его нет ни у кого.

Последние пятнадцать километров дались тяжело. С подошвы стоп кусками отпала кожа. Каждый шаг – боль, а шагов, чтобы преодолеть пятнадцать километров, надо сделать много. И никого вокруг, ни машин, ни людей.

«Это – моя Голгофа, - думал он без всякого пафоса, когда останавливался, чтобы хоть немного отдохнуть от боли в ногах. Затем заставлял себя снова идти. Походка у него была как у старика, еле-еле передвигающего ноги. Когда он ковылял уже вдоль стены монастыря, какой-то мужик на площадке перед монастырскими воротами пошел ему навстречу.

Гляжу, падаешь, ну, думаю, этот сам не дойдет, - говорил мужик, взяв его под локоть и поддерживая, - ну-ка, посиди здесь, что случилось, болеешь?

Нет, ноги сбил, - объяснил он, когда мужик посадил его у самого

обрыва высоченного берега.

Внизу – широкая дугообразная полоса воды Иртыша, за спиной – Абалакский монастырь. Он – дошел.

«Я – счастлив, - эти слова возникли в голове, и он повторил их вслух, закрепляя в сознании, - я – счастлив!».

Когда он около часа пролежал на траве у монастырских ворот, боль в ногах успокоилась. Он осторожно встал и тихо пошел в храм, опираясь на свой «посох», держа котомку и скатку в другой руке. У входа в храм стоял сухонький священник небольшого роста с маленькой бородкой на исхудалом лице. Он подошел к священнику и представился, то есть кратко сообщил, какой проделал путь, чтобы увидеть храм.

Сколько вы прошли пешком? – спросил священник.

Примерно сто километров.

Да? – удивился священник, - сейчас паломники из города в город пешком не ходят. Вам надо отдохнуть. Вы с какой целью шли?

Помолиться.

Священник качнул головой, мол, хорошо, но ничего не сказал. Он постоянно поглядывал на ворота и автомобильную площадку перед ними, как будто ждал приезда кого-то.

Я зайду в храм? – на всякий случай попросил он разрешения.

Идите, идите, - тот ответил и снова посмотрел в сторону площадки.

Внутри храма был один человек – молодой парень в одежде семинариста читал книгу в киосочке, где разложен обычный храмовый ассортимент: свечи, иконы, цепочки и крестики.

Подскажите, где находится икона Абалакской Божией Матери «Знамение»? – спросил он шепотом парня. Тот встал, прошел внутрь храма, перекрестился и показал.

Кто в монастыре старший, кто игумен? – задал он еще один вопрос.

Отец Зосима. Вы разве не встретили его у входа?

Это такой худенький, с маленькой бородкой?

Да.

Ах, вот оно что, спасибо! – поблагодарил он, взял свечи и пошел молиться к главной иконе монастыря. Но в это время в храме началась какая-то суета. Зашел отец Зосима и с ним еще несколько семинаристов. Он давал им какие-то указания, они чуть ли не бегом отправлялись их выполнять. Игумен посмотрел на него, с палкой в руке и в пыльных одеждах, и лицо у священника стало еще более озабоченным.

Сейчас к нам гости приедут, вы, пожалуйста, побудьте вот здесь, - отец

Зосима показал на лавочку, стоящую внутри храма сразу у входа справа.

Хорошо, простите, извините, - сказал он в ответ, поняв, что его нахождение в храме в этот момент не совсем уместно. Он затаился на лавке и был вполне доволен, потому что стоять ему было тяжело, и боль все равно мешала молиться сосредоточенно.

Приехали! – один из семинаристов предупредил игумена.

Отец Зосима поправил черные одежды и с достоинством встал в центре храма. Гости вошли. Это был губернатор и еще два солидных мужчины в костюмах и галстуках. На костюмах у мужчин красовались одинаковые значки депутатов Госдумы. Отец Зосима сделал гостям приветственный поклон. Те неумело скрючились в ответ, выпрямились и не знали, что делать дальше. Отец Зосима повел их внутрь, что-то объясняя при этом. Затем они встали кружком в центре храма, игумен лицом к алтарю, а гости – спиной. Руки гости держали, причем все одинаково, сложенными вместе ниже живота, как бы прикрывая ширинку брюк. Они слушали и кивали головами, отставив вперед то левую ногу, то правую. Наконец, отец Зосима показал рукой на свечи, иконы и отошел. Гости ходили со свечами, не зная, как их зажигать и как закреплять в светильнике, чтобы они не наклонялись набок. Они поглядывали друг на друга, шутили, улыбались, один со значком даже засмеялся в храме. Отец Зосима тактично отошел подальше. Тут игумен опять посмотрел на него, сидящего в своих «полевых» одеждах, бесшумно подошел к нему и шепнул: «Встаньте, у нас же гости». Он встал, опираясь на палку.

Гости гостевали в гостях недолго. Никто из них у икон не молился. Вскоре они дружно засеменяли к выходу, где их дожидался игумен монастыря. Они не смотрели по сторонам и не увидели пилигрима с палкой. Губернатор, который был в Абалаке не первый раз, глянул в его сторону. Потом еще раз. Но, скорее всего, не узнал. Даже точно – не узнал. Человека в пыльном комбинезоне, невзрачной курточке и березовой палкой в руке трудно ассоциировать с тем горожанином, что был у него на вечернем приеме в огромном кабинете зального типа. Отец Зосима проводил гостей до двух серебристых джипов и машины с мигалкой. Гости поглазели с обрыва на Иртыш. По их жестам можно было понять, что гости – в восхищении. Через минуту захлопали двери машин, и все уехали. Отец Зосима подошел к нему и сказал: «Вы проходите в трапезную, пообедайте с нами, а потом мы вас устроим на ночлег».

Только что он негодовал в душе: почему ему надо стоять перед этими

туристами? Он шел пешком, измучен и изранен, а они ехали в галстучках. Кто они такие, чтобы он стоя тратил силы, столь необходимые ему для того, чтобы стоять перед ликом Абалакской Божией Матери? Почему игумен распинается перед туристами со значками и равнодушен к страннику без значка? Но теперь он почувствовал к отцу Зосиме глубочайшую душевную благодарность. «В чужом монастыре не надо жить по тому уставу, что ты принес с собой в своей голове, - подумал он, - Зосима действовал в полном соответствии с пошаговой инструкцией сегодняшних патриархов всех религиозных конфессий. Есть и библейская мудрость – никогда не ссориться с властью имущими, если ты не Пророк. Пусть гости уезжают довольные. Плохо от этого никому не будет, а пользы для монастыря, наверняка, прибавится».

Идти в трапезную неумытым не хотелось. Он медленно спустился по длинной лестнице с обрыва на огромный луг внизу у воды. Когда разделся, вспомнил, что где-то отсюда в фильме Татьяны Топорковой были отсняты самые лучшие кадры. Он повернул голову и замер – Белый Лебедь, красавец! Как должно замирать сердце у простых мужиков в былые времена, когда они подплывали к этому берегу на своих смоляных стругах. И какие дураки «туристы», что поленились спуститься с кручи сюда, вниз. Они не увидели и не почувствовали неземную красоту монастыря.

Омывшись, он стоял голый и смотрел вверх, дожидаясь, когда высохнет тело. Он пришел сюда ради себя, и он был горд, что сейчас стоит здесь с поднятой головой. Храмы строили для того, чтобы люди оторвали взгляд от земли и увидели красоту Неба. И он ее увидел. Увидел гораздо ярче, чем другие, потому что содрал кожу на ногах, и душевное осязание стало предельно чувствительным.

На обед в трапезной монастыря давали перловую кашу с подливом. Около сорока семинаристов, трудников, послушников и монахов прочитали хором молитву о пище, которую дал им Господь во благовремени. Он с этим громогласным утверждением был полностью согласен, так как почувствовал после купания сильнейший голод. После обеда все быстро разошлись. Там нет послеобеденных посиделок под сигарету. На большой скамье перед трапезной остался сидеть один монах с длинной тонкой палочкой в руке. У него была черная борода, в которой лишь кое-где текли «струйки» седых волос. На скамье оставалось еще много места, но никто не сидел и не садился с ним рядом. Монах посмотрел на него и сказал: Садись, милый, посидим, поговорим.

Он осторожно присел на другой конец скамьи.

Говорят, ты пешком к нам пришел, - монах смотрел на него из под черных бровей.

Большую часть на машине, пешком только сто километров.

Ноги попортил?

Кожа слезла, на ступнях.

Я из Казахстана сюда пришел, давно, - монах молчал и чертил палочкой на земле у скамьи параллельные прямые линии. Потом поставил точку палочкой и продолжил говорить, - водителем я там работал. Мальчонка мне ночью приснился, мальчонка смотрит на меня, а я еду на него. На следующий день задавил я мальчика, он прямо перед колесами на дорогу выбежал. Срок мне дали, а после – сразу сюда.

Говори, милый, теперь я тебя послушаю.

Ему расхотелось рассказывать о себе, казалось, что монах и так все знает. Он очень коротко сообщил о видениях, которые тоже мучают его.

Хочу пойти и молиться до вечера, - сказал он, заканчивая свою кратенькую исповедь.

Расскажи мне, как шел, каких людей встречал, - предложил монах.

Он рассказал о всех, кого встретил в пути. Монаха заинтересовал участковый и женщина в кафе.

Сам список составил, участковый то? – спросил монах.

Сам.

А женщина, говоришь, имя свое назвала все же?

Назвала.

Спаси их, Господь! – монах перекрестился.

Что мне делать, как молиться за Корнеева, чтобы и его спасти? – спросил он.

Корнеев? Не знаю я Корнеева, а тебя знаю, ты за себя молись, а не за Корнеева.

Я обещал Насте.

За Настю и молись.

Что мне с деньгами делать, я же их взял?

А что с ними делать, нет у тебя этих денег.

Они за зеркалом, в ванне.

Нет их у тебя, - повторил монах.

Они посидели молча. Монах опять поставил точку на сухой земле.

За себя то знаешь, как молиться?

Нет.

В храме попроси на коленях сохранить тебе жизнь. Семь раз встань на

колени и семь раз попроси. А потом езжай домой, у нас машина сейчас в Тобольск пойдет.

Я думал переночевать, пожить, поработать здесь.

Какой из тебя работник, ты завтра костыли в руки возьмешь. Езжай в Тобольск, там на автобус и домой. Я скажу, тебя прямо к автовокзалу подвезут.

У меня список имен, мне надо за них, - он заметил, как сурово посмотрел на него монах, как-будто на его глазах кто-то начал баловаться иконой.

Отдай список мне, я за них сам помолюсь. А ты иди за себя молись.

Машина подождет полчаса, полчаса тебе хватит.

Перед какой иконой?

Перед Матушкой, может, она тебя пожалеет. Если отмолишь, то сходи в Верхотурье к отцу Гермогену, он будет знать о тебе, а после в Пермь на Белую гору, к отцу Виссариону, тоже тебя будет ждать.

Этим летом?

Нет, этим летом ты не сможешь, Бог даст, на следующий год сходи.

Монах встал со скамейки. Он тоже приподнялся.

Ну, подойди поближе, благословлю.

Он подошел и склонил голову, затем поцеловал у монаха руку. Тот сказал:

Иди, ты отмолишь, тебе простится. Жертва твоя – твой дух сокрушенный.

Через час у стены Абалакского монастыря затарахтел двигатель красенького «запорожца». Его водитель, преподаватель местной школы, спрашивал у собравшихся на площадке трудников, кому что купить и привезти из Тобольска. Они были в рабочей одежде, а он в парадной, и борода учителя, в отличие от их бород, была аккуратно расчесана. Котомку и скатку пассажира учитель положил в багажник, который в этой машине был там, где у других находится двигатель. «Смешно, - думал он, садясь в маленький автомобильчик, - мой двигатель – моя котомка». Когда они разворачивались на площадке, он увидел, что монах стоит у ворот, опираясь на кирпичную кладку мощных столбов. Открыв дверцу, он помахал ему ладошкой, сделал поклон головой и крикнул: «До свидания!». Монах поднял свой тонкий деревянный посох и поставил вслед машине четыре «точки» - он послал ему в дорогу небесный крест.

Лето в Сибири долго разгоняется и только в конце июня оно входит в свою полную силу. В лесу от обилия листьев повисают ветви берез, сосны топорщатся светло-зелеными кончиками выросших смоляных побегов, в шаге от дороги – зеленая волна молодой, еще тонкой и нежной, но уже высокой травы. На дачах – субтропики, сосед не видит соседа из-за слив, яблонь, груш и малины, которая совсем недавно была реденькой линией прошлогодних прутьев, а теперь молодая поросль поднялась стеной, через которую не то, что соседа, медведя не увидишь.

В городе хуже, в июне в городе появляется пух. В городе жарко, пыльно, от пуха чешется нос, а в квартире воздух становится таким плотным от духоты и жары, что превращается в нагретое покрывало, из под которого невозможно выползти. Кто-то через каждый час принимает душ, кто-то ходит завернутый в мокрую простынь, а кто-то просто сидит, высунув язык, и опять, как и в прошлом году, думает, что надо бы купить кондиционер.

Вернувшись из монастыря, он окончательно переселился на дачу. Телефона тут не было, зато была баня, береза, груша и пять кустов пионов, на которых, как в Китае, расцветало сто цветов. В будние дни соседи не приезжали, и он мог в одиночестве проводить солнце за горизонт вечером и встретить, почти в той же точке горизонта, утром. Июнь, это время в Сибири, когда солнце где садится, там и встает. У него под грушей стояли столик и кресло, повернутое лицом, если так можно выразиться о предмете, на котором сидят, на северо-запад. Он приезжал с работы в половине десятого вечера, выливал на себя из бочки пять ведер нагретой за день воды, ужинал и садился в кресло. Солнце уже катилось по кромке леса за их дачным кооперативом, а когда он затихал полулежа в кресле, оно зависало с левой стороны трубы соседской бани огромным красноватым шаром. «И вправду похоже на медный таз, особенно рядом с баней», - думал он и глядел прямо в центр «таза», потому что солнце перед заходом никогда не слепит и у него можно увидеть ось вращения круга. Иногда он сидел так больше часа. После захода лучи спрятавшегося солнца высвечивают тучи и облака снизу, от чего они приобретают изумительные оттенки. Если бы не комары, он просидел бы так всю ночь, чтобы увидеть, как из маленькой полоски света правее соседской бани родится новый теплый и яркий солнечный день.

О Дмитриче он уже не думал с тем сожалением, с каким поначалу думают о близком человеке, умершем преждевременно. Дмитрич ушел туда без мучений, и ему, возможно, повезло больше, чем тем, кто

остался тут. Он уже на месте и дожидается упокоенный, когда мы прилетим к нему. Ему, может быть, немного скучно, но он не будет торопить время, чтобы быстрее увидеться с Танюшей, сыновьями и нами, своими друзьями. Он спокойно подождет, наблюдая, как мы завершим свои дела на земле. Мысли о Корнееве потеряли трагическую остроту. Он вмешался в движение чужих судеб, но монах освободил его от ответственности за исход этого движения, и ему стало как-то все равно, будет Корнеев жить долго или не будет. О Насте он думал часто, но стал понимать, что у нее началась взрослая жизнь, и ее будут поджидать много потерь, переживаний, страданий – так надо, это и есть жизнь. Именно такой она была нам дана. Впечатление от ее внешности, которое взволновало его, постепенно угасло. За прошедший месяц он видел много других молодых девушек, которые были не менее женственны, у которых было притягательное тело и в глазах тоже светилась ласковая женская душа. Она перестала быть для него единственной и неповторимой.

Он не стал после беседы с монахом черствым и равнодушным, он перестал быть ранимым.

Молился он сейчас как-то странно, не узнавая себя. Если не надо было просить за других, то молитва теряла в его душе свой духовный смысл. Он не чувствовал, что обращается с чем-то очень важным, настолько важным, что имеет право оторвать Господа от других забот и просить выслушать именно его просьбу. О себе и для себя он просить Господа не привык и считал, что просьба о сохранении ему жизни не имеет чрезвычайной важности и не носит характер крика утопающего «Помогите!». Поэтому молился быстро, отстраненно, механически. Произносил слова, сказанные ему монахом, потом просто смотрел на иконы и молчал. Иконы тоже молчали. Беседы с ликами прекратились. Так закончился июнь. На небе появился бледный месяц. Потом дорос до бледной луны, на которой не было видно пятен океанов. Полнолуние не добавило света и без того светлому небу. Венера вообще как-будто исчезла с небосклона и не горела уже на восходе и закате своим мистическим светом. Тем светом, сияние которого ведет царя в покои царицы, и под мерцание которого царь оплодотворяет царицу, чтобы вырастить наследника, и тот имел данное небом право управлять народами. А народы в темноте своей ничегошеньки не знают о роли и значении вечного сияния утренней звезды. Они назвали ее просто и обыденно – звезда рыбаков. Если в простоте этой и есть смысл, то он может быть только такой: все мы рыбки на этой рыбалке. А с удочками на небесном берегу сидят двое. И эти двое, отнюдь не мужики в

камуфляже и резиновых сапогах. На одном надето все белое, а на другом все – черное. И рыбаки забрасывают, и смотрят, кто, как клюет, и подсекают, и вытаскивают. А улов несут в разные места. Один – далеко-далеко, где текут реки и цветут сады. Второй в пещерку рядом, поблизости от водоема с рыбками. И тут, совсем рядом, начинает раздаваться плач и скрежет зубов.

Наступил июль. Сначала никаких перемен не было заметно. Но когда лето перевалило за середину своей «вершины», темнота стала возвращаться в природу. Солнце быстрее ныряло под землю, а утром появлялось далеко от того места, где мелькнул его последний луч. Но днем было еще жарко, вода в озере Андреевское прогрелась аж до 27 градусов. В последнее воскресенье июля он решил, что хотя бы один раз должен искупаться в озере.

Между двумя детскими лагерями, «Звездный» и «Витязь», есть небольшой пляж. Их дачный кооператив находится совсем рядом с пятачком песка у воды. Когда-то он приходил сюда два раза в день. Утром, когда тренировался, и вечером, чтобы поплавать перед сном. Но за последние пятнадцать лет у жителей нефтяной столицы Сибири появилось слишком много машин. Сюда стало приезжать огромное количество чужих, не дачников. Чужие здесь не только ходили, но и гадили при этом. Они привозили пакеты дорогой жратвы и море выпивки. Гадить было чем. Пятачок превратился в мусорную свалку, за которой никто не следил. Однажды он принес на пляж ведро с лопатой, бродил среди голых тел, собирал мусор и относил в яму.

Дядя, прибери-ка около нас, - говорили ему парни с бритыми головами. Он собирал молча около них банки, бутылки, коробки из-под пиццы, женские трусики, забытые ночью в пьяном угаре и пустые сигаретные пачки, а затем шел дальше.

Постой, на выпей! – протягивали они ему пластмассовый стаканчик, наполненный водкой с «бугром», и очень обижались, когда он отказывался.

На следующий день то место, где он прибрал, было загажено особенно обильно. По закону подлости, свиньи любят рыть землю там, где растут цветы. Главная компания пляжа, та, что считает себя хозяином положения, потому что у нее кошельки толще и кулаки больше, увидев чистое место, располагалась на нем и гуляла чуть не до утра. Потом с ревом и женским визгом сматывалась, побросав в темноте мусор и ставшие не нужными трусики. Он перестал ходить на озеро и переключился на бочку теплой воды.

Когда в воскресенье пришел на пляж, сразу понял, почему его так

потянуло искупаться. Он увидел Настю, когда вышел из леса по тропинке, ведущей к полянке у воды. Так стоять могла только она. Колени вместе, пятки врозь, одна рука на животе, другая сзади на мягком месте. Она была в купальнике, и крупные формы ее тела были видны особенно выпукло.

У ее ног на полотенце лежал какой-то парень. По тому, как он лежал, отвернув от нее голову, и как она стояла, касаясь ногами его ребер, можно было сделать вывод, что это не брат ее и не случайный знакомый. Это парень, с которым она встречается давно, они привыкли друг к другу, потому что спят вместе.

Настя обрадовалась ему, по крайней мере, она радостно поздоровалась и даже побежала к нему на носочках, опустив руки и прижав их к телу, но подняв при этом вверх ладони, как два маленьких крылышка.

Где вы были? – спросила она на ходу, - я уже неделю в городе, каждый день звоню вам, а вы не отвечаете.

Переехал жить на дачу, сюда, в «Мичуринец».

Ой, да вы что, а у Игоря тоже тут дача. Мы сегодня к его матери приехали картошку полоть. Игорь сбегал на пляж. Вы пололи когда-нибудь картошку?

Полол.

А вот я – никогда. Попробовала и пошла Игоря искать. А он спит себе. Игорь, ты спишь? – крикнула она своему парню.

Сплю, - ответил он.

Вы будете купаться?

Хотел, буду, наверное.

А я нет, здесь грязно. У меня на турбазе убирают каждый час. Я девчонок, студенток, на работу взяла, они ходят и собирают. Я им деньги плачу, а вечером мы вместе на них гуляем. У меня свой дом на турбазе есть, я хотела вас пригласить, - она говорила что-то еще, но ни разу не произнесла имени отца. «Ну, вот, у них в душе тоже все улеглось», - обрадовался он.

В воду он зашел на полминуты, окунулся и – назад. Игорь уже поднялся и сидел на полотенце, а Настя полулегла полусела в очередной комической позе лицом к Игорю. Из воды он видел лишь ее пышные черные волосы, которые закрыли спину до самого полотенца. Проходя мимо них, он кивнул Насте на прощание. Она подняла руку, качнувшись всем телом, так что не осталось даже пальца на ноге, который бы не пошевелился. Он мог бы подойти к ней и рассмотреть ее почти обнаженное тело, которое так понравилось ему тогда, в квартире. Но поглядел на юное лицо парня, настолько юное, что казалось, он

младше ее лет на пять, хотя ей самой было всего двадцать, сравнил его лицо со своим, не подошел и не стал рассматривать обнаженную Настю. Не потому, что рядом был мужчина, с которым она спит ночью, а потому, что для него она была маленькой девочкой, и он не хотел думать о ней, как о женщине. Это бы порочило его, а из-за Насти он порочить себя в своих глазах не желал. «Было бы мне столько же лет, сколько Игорю, я, наверное, влюбился бы в нее и тогда рассматривал бы каждую складку на коже ее рук и ног, а сейчас – прощай, Настя!», - сказал он мысленно и, не останавливаясь, зашагал в мокрых пляжных сланцах по тропинке, усыпанной окурками.

В понедельник утром неожиданно похолодало. На небо наплыло однотонное серое «одеяло» облаков, которые в народе называют точным словом «хмарь». Он долго искал свою легкую курточку, пока не вспомнил, что оставил ее в квартире. Поэтому захватил в машину зеленый плащ и поехал на работу.

В кабинете, как обычно, включил компьютер, но по новостным сайтам лазить не стал. Потерял к ним интерес. В половине девятого утра вошел Юра, уже в кожаной куртке и с портфелем в руке.

- Слышали новость? – спросил Юра.

- Не слышал и не видел, - ответил он ему.

- Этого убили.

- Кого? – он поднял голову и почувствовал, как внутри у него, там, где солнечное сплетение, заныло, что-то начало тянуть, даже немного жечь.

- Этого, ну, скажите, и я вам скажу, фамилию забыл, золотая страна, ну?

- Корнеев.

- Да, Корнеева убили. Сегодня ночью. У моей жены врачи знакомые, они выезжали. Представляете, в коттедже за городом, прямо на кровати. В голову.

- Пулей? – спросил он Юру, надеясь услышать другую версию.

- Пулей. Откуда стреляли, врачи не поняли. Окно было открыто, но к окну близко не подойти, там собаки вокруг бегают. А издали никак в окно не выстрелишь – неоткуда.

Юра был возбужден, он знал новость, которую никто не знает, поэтому повторял рассказ жены каждому сотруднику, которые один за другим заходили в кабинет.

Во вторник было опубликовано официальное сообщение о преступлении. Версия заказного убийства не исключалась, но основной версией следствие считало - убийство совершено на бытовой почве. Народ отнесся к факту убийства в целом положительно. «Так им и

надо, - убеждали друг друга пенсионеры, - давно пора их всех расстрелять».

Говорят, на похоронах было столько машин, что улицы Ватутина и Ветеранов труда пришлось перекрыть, а колонну сопровождали более десятка «мигалок». Он на похороны не ходил. В этот день он ушел с работы еще до обеда. Дома первым делом снял зеркало в ванной.

«Почему монах сказал, что денег нет? Вот они», - он вытащил пакет, кухонным ножом разрезал обертку. В пакете были рубли сотенными купюрами. Отщипнул толстую пачку и сунул ее в карман плаща.

Остальные вывалил на тумбочку. Часть денег рассыпалась по полу около кровати, где когда-то были лужицы слез Насти.

Рядом с его домом в подвальчике есть магазин «Ассорти», туда он и собрался опуститься. В подвал, под землю! Он купил сразу две бутылки водки. Из закуски – палку колбасы, булку хлеба и три помидорины «Бычье сердце». Родившийся под знаком Быка, он всегда выбирал помидоры этого сорта, - единственная с его стороны дань уважения гороскопам и астрологии.

Дома он один стакан наполнил водкой наполовину и накрыл его куском хлеба, второй налил да краев. Время – без пяти минут два. Он решил выпить ровно в два. Дождался назначенного часа и, в то время, как на кладбище говорили речи о том, каким замечательным человеком был Виктор Корнеев, он поднял стакан и выпил его молча большими глотками.

Почти сразу у него закололо сердце. Он стал растирать левую часть груди. Волна хмеля ударила во все тело. Он поднес половинку помидорины ко рту и так ее сжал, что на стол брызнул красный сок с желтыми семечками. Сердце быстро застучало, но колющая боль прошла. Он налил второй раз, но меньше, где-то половину стакана. Выдохнул и выпил. После этого долго ходил по квартире маятником и говорил сам себе: «Теперь – все, теперь – все, теперь – все».

К семи часам вечера водка кончилась. Он накинул зеленый плащ, сунул в карман горсть денег, затолкнул ноги в ботинки и опять пошел в «Ассорти». В двенадцать ночи оказался там в третий раз. С кем-то пил, кому-то покупал вино, кого-то приглашал домой, в общем, - полное ассорти ночного загула. Хорошо помнит, что милиционеров тоже приглашал, когда за ним приехали, и они, вроде, согласились доставить его до места жительства, то есть в дом напротив магазина.

Проснулся он на своей «деревянной» кровати в плаще, но без ботинок. В коридоре их тоже не оказалось. Как и денег на тумбочке, и часов, и телефона. В кухне на столе катались пустые бутылки, и одна стояла

полная. Он не знал, сколько сейчас времени, но солнце было высоко. Он разрезал второе «Бычье сердце», посолил обе половинки помидора, открыл бутылку и быстро выпил. Потом осторожно ел «сердце», чтобы не брызгал сок.

Увидел, что стакан, приготовленный для Виктора Кориандро́ва, по-прежнему находится на столе, прикрытый кусочком хлеба. Он хотел встать, чтобы почтить его память стоя, но опять сильно кольнуло сердце. И вновь боль исчезла, как только хмель наполнил голову и тело. «Я им все скажу, - он начал шептать, глядя на стакан с крышкой из кусочка хлеба, - я им все скажу!».

Ему хотелось идти на площадь и кричать: «Перестаньте убивать! Сколько вам еще нужно денег? Неужели вам мало? Неужели вы не способны остановиться?».

Он встал, застегнул плащ и пошел к дверям. Ключи от квартиры лежали на месте. Когда пересекал «губернаторскую» детскую площадку во дворе, ощутил песок под подошвами. Посмотрел на ноги и остановился – на ногах не было ботинок и штанов. Но домой не вернулся. Когда переходил на светофоре улицу Республики, внимательно наблюдал за лицами пешеходов во встречном потоке. Никто не заметил, что он шлепает по «зебре» босиком.

До центральной площади десять минут ходьбы. Асфальт еще не успел охладиться после двухнедельной жары. Хотя на улице было прохладно, ноги холода не чувствовали. Бугров и мелких камушков он не ощущал. Вот и площадь. За спиной – областная Дума, впереди - Ленин. Он обошел Ленина слева, как обходят нападающие защитника в футболе, сделал рывок и оказался перед створом «ворот» - колоннами здания правительства области. Теперь слева – штаб ГУВД, справа – Дом правосудия, впереди – правительство, за спиной – Ленин, который упустил инициативу. У тебя отличная позиция для удара. Ну, впендюрь, закрути в «девятку» и ты – лучший игрок матча! Ерунда, что без штанов, Бекхем прославился в трусах. Вспомни историю, ты – один, их много, они в доспехах и окружены плотным строем «бессмертных» телохранителей. Надо только победить, как македонский царь Александр, или умереть, как спартанский царь Леонид.

«Что кричать и как кричать? - лихорадочно пытался он сообразить, - громко кричать про жизнь, власть и деньги, чтобы слышали все вокруг, включая Ленина, или суть не в том, что он крикнет другим, а в том, что он скажет себе в эту минуту?»

Двое серьезных мужчин сорвали план внезапной атаки.

Не боитесь простыть? – спросил у него один из мужчин. «Как они заметили его и откуда вынырнули, ведь не было же на площади серьезных мужчин», - гадал он.

Ногам не холодно, мужик? – спросил серьезный вновь.

Нет, - ответил он и почему-то вспомнил хулиганский стишок Есенина, который тут же начал громко и нервно декламировать мужчинам на площади: «Я иду по росе, я в ней ноги мочу, я такой же, как все, я е...ся хочу».

Какая роса, мужик, ты под ноги то посмотри, где ты и где трава? – мужчина уже определил, кого он видит перед собой. Второй серьезный мужчина быстро отошел, отвернулся и прижал руку к уху. «Почему им не выдают выносные наушники к «мобильникам»?» - подумал он и понял, что у него в запасе две минуты.

Вернусь туда, где на дворе трава, а на траве дрова, - сказал он скороговоркой вопрошающему и торопливо вернулся к улице Республики.

Куда поедет? – спросил таксист, пожилой дяденька. Настолько пожилой, что таких и таксистов уже, вроде как не должно остаться в городе. Тут он вспомнил, что денег в кармане нет. И дома, скорее всего, нет, потому что кошелек, когда он проснулся, на месте не было, а если его на месте нет, значит, его нет вообще.

Давайте поедет в Дом печати, - предложил он старенькому таксисту. Давайте, - машина поехала и завернула на улицу Водопроводная, то есть вновь на площадь мимо Ленина, штаба ГУВД и левого крыла, но не партии, а здания правительства. У партии в этом здании не было левого крыла. У нее никаких крыльев не было. Монолит, куб, все стороны равны, все грани – близнецы братья.

Что без штанов то, сняли там, что ли? – таксист кивнул в сторону областного правительства.

Сам отдал.

Понятно, - сказал таксист и дальше рулил, уже ни о чем не спрашивая. «Что ему понятно? – удивился он, - что может быть понятно человеку его возраста, когда он садит к себе в машину пассажира на главной площади города, и этот пассажир босой и без штанов?»

Когда ехали по улице Комсомольской, и уже был виден Дом печати, он объяснил таксисту, что денег нет, но они есть у ребят на работе. Он сходит в отдел, возьмет деньги и расплатится.

Понятно, - опять сказал водитель, причем с той же самой интонацией, в которой не было ни беспокойства, ни раздражения.

«Учись, - сказал он мысленно себе, - человеку всегда все понятно.

Пассажир без денег, без штанов, босой, но едет на работу не куда-нибудь на свалку, а в Дом печати. Все понятно и никаких вопросов, Вот как надо относиться к тому, что происходит с людьми в стране».

Деньгами выручил Юра, у него было сто рублей, он их тут же вытащил из кармана. Таксист уехал, почему-то сказав на прощание: «Удачи вам и здоровья!». Сотрудники не спрашивали его, почему он в таком виде. Даже Тамара, взглянув на него, промолчала.

Слышали, на похороны Корнеева вся мэрия и все правительство приезжали? – задал ему вопрос Юра.

Нет, не слышал.

Не дома ночевали? – он показал взглядом на его голые ноги.

Дома ночевал. Я на площадь ходил, вырядился, чтобы сказать, что я о них думаю.

Сказали?

Нет.

Ну и правильно, смысла нет, - Юра вышел из кабинета, а когда вернулся, сообщил, что издательская машина для доставки домой тела хмельного сотрудника – подана.

Глава 25

На следующий день он проснулся от собственного стога. Сердце сдавило так, что пришлось скрючиться, прижав колени к самой голове. Он лежал на левом боку, с трудом повернулся на правый, продолжая прижимать руку к груди. Хотелось пить, но не было сил встать. «Как можно жить одному, даже воды некому подать», - вспомнил он слова мамы о своем образе жизни. «Или сдохну, или все-таки попью», - решил он и опустил, вернее, свалился с кровати на пол. Опираясь на руки и подталкивая ими себя, он пополз на коленях в сторону кухни. В углу около раковины подтянулся за трубу и встал. Открыл кран и набрал в кружку воды, придерживаясь за электроплиту. Когда напился, шатаясь, дошел до кровати, осторожно опустился на нее и затих. Так лежал весь день, и весь вечер, и всю ночь. Все было плохо в этом мире, во внешнем и во внутреннем. Когда ненадолго засыпал, все было плохо не только в мире сознания, но и во всем пространстве бессознательного. Утром в пятницу, на рассвете, ему полегчало. Он встал и оглядел фронт предстоящих работ: надо было вымыть пол, собрать в мешок бутылки и тщательно прибрать на столе, чтобы вернуть в квартиру порядок. Деньги он искал недолго. Заглянул за тумбочку и под кровать. Ни одной бумажки, ни рубля. «Монах прав, -

думал он, разглядывая пыль под кроватью, - денег губернаторши у меня уже нет, жалко, что и мои собственные пропали». Тут он испугался, что не найдет даже тех, потаенных, оставленных на самый черный день многослойной трубочкой в банке из под чая. Он побрел на кухню, ожидая самого худшего. Баночка стояла на месте, это вернуло надежду, открыл – тут! Сердце у него стучало и никак не могло успокоиться, он тяжело дышал, его начало подташнивать. «Так и умереть можно из-за каких-то пятнадцати тысяч», - думал он, отсиживаясь за еще не прибранным столом. Когда удары пульса стихли в ушах, встал и вылил в раковину водку из стакана, накрытого хлебом. Разрезал последнюю «бычью» помидорину, посолил, поперчил и проглотил вместо томатного сока, которого так хотелось с утра. Вытащил из чайной банки одну тысячную бумажку, остальные с удовлетворением положил на место.

На работу пришел вовремя, вымытый и прилично одетый, но в осенних ботинках, летние, надо полагать, потерялись навсегда вместе с кошельком. Ему было совестно перед сотрудниками за два пропущенных дня. Что поделаешь, обратно ведь ход событий не отмотаешь. Ему не удалось изменить будущее, что уж тут говорить о «правке» прошлого.

Юра показал ему все, что написано в газетах об убийстве Корнеева, и рассказал все, что об этом говорят в городе.

Существует два независимых друг от друга потока информации. Один течет по руслу с берегами и строго по карте. Поэтому можно заранее знать, куда впадет Волга, после того, как минует Астрахань. Карту составляют в соответствующих картографических ведомствах. Другой поток непонятно, где берет начало, и куда течет. У него нет берегов, есть лишь общее направление движения «воды». Как у ручьев на склоне холма. Каждый шевелится змейкой и булькает сам по себе, но всегда вниз, к подножию, где собирается на болотине в неподвижную массу между кочками. Или течет по линии водораздела туда, где океан.

Народ «булькал», что Корнеева убрали конкуренты. В «болотину» стекли достоверные факты: убит выстрелом в голову. Убийца забрался к нему в комнату через окно или, что менее вероятно, стрелял снаружи в створ раскрытого окна. В этот день Корнеев обещал отпустить охрану, обещание выполнил. Охранники уехали, и об этом убийца знал. Собаки не залаяли, потому что увидели и учуяли своего. Перед тем, как лечь спать, Корнеев взял с собой в комнату арбуз и съел один кусок. Спал он на небольшой кровати в отдельной комнате на первом этаже. Газеты, поданные Юрой, можно было не читать. Там Волга, как и

положено, текла в нужном русле и могла впасть только в Каспийское море. Про то, что сразу после похорон руководители Центрального рынка, Центрального универмага и гастронома «Центральный» поехали в банк губернаторши, в газетах ничего не сообщалось. Об этом «булькали» в болоте среди кочек. Город маленький, и болото тут одно на всех.

А Волга? Волга отсюда далеко, где-то за Уралом, и пусть она течет «согласно положенности», как выражаются в соответствующих органах. Однажды, между прочим, пятнадцать лет назад, Волга взбунтовалась против своей географической стабильности, забурлила, замутила и погнала потоки черт знает куда, то ли в сторону Рейна, то ли навстречу Хуанхе, может быть даже к Нилу, хотя, скорее всего, в направлении Колорадо. Но теперь наша матушка-река угомонилась и течет правильно.

На листке бумаги, который лежал на его столе, были записаны все «входящие» звонки на его имя и фамилии тех, кто его вчера разыскивал. Среди абонентов, позвонивших в отдел, была и Людмила Васильевна. Причем, Юра зафиксировал пять ее звонков.

Что говорила вот эта? – спросил он Юру, ткнув пальцем в списке на ее номер.

Она с утра начала звонить, мы же не знали, где вы, домашний у вас был отключен, сказали, придет попозже. Ничего не говорила, спрашивала, пришли вы или нет.

В другие годы он бы сейчас сразу набрал номер ее телефона, но в это утро он подумал, подумал и сказал Юре: «Если сегодня позвонит, скажи, что я здесь больше не работаю».

В обед у него стала кружиться голова, когда он вставал из-за стола. Вынужден был некоторое время стоять и ждать, пока в глазах перестанут плыть черные пятна, а уж потом идти по кабинету. Затем как-то вдруг ослабли все суставы. Руки с трудом сгибались в локтях, колени еле держали вес тела, когда он шел. Да и ходить он стал, опираясь на стену кабинета или коридора. Ему захотелось сесть в большое мягкое кресло в холле этажа. Он сел и почувствовал, как слабеет шея, и голова никак не может удержаться прямо. Стена покачнулась, и коридор завертелся, как космический корабль в невесомости. Он закрыл глаза и уже не видел, что с ним происходило дальше.

А дальше коллеги сгрудились у кресла и вызвали «скорую». Потом несли его на носилках, напоминая друг другу, что через двери надо выходить «головой вперед», а не наоборот. Он же помнит совсем

другое. На нем синий рюкзак и такой тяжелый, что ляжки сдавили грудь и тянут плечи вниз. Он несет этот рюкзак и постоянно думает, что вот-вот увидит Дмитрича, а в рюкзаке то, что просил принести Дмитрич, но что там, он не знает. Местность, где он шел, ему тоже запомнилась. Это была каменистая тропинка вверх, в гору. Надо было обходить то огромный белый камень, то зеленую низкорослую сосну с длинными ветками. Каждый шаг делался с трудом, ему жарко, рюкзак тяжелый, хочется его сбросить с плеч и подниматься налегке, но он обещал Дмитричу донести и бросить не имеет права. Дмитрич очень огорчится, если увидит его без рюкзака, в котором, наверное, тоже были камни, зачем-то ему нужные. Возможно, это те камни, что он разбросал, но не успел собрать. Сверху к рюкзаку был привязан какой-то мешок, который мешал выпрямить голову. Он помнит, как увидел Дмитрича. Тот стоял в темно-синей рубашке, разведя руки в стороны, как он всегда делал перед тем, как поздороваться с хорошо знакомым человеком. Вместо того, чтобы пожать руку Дмитричу, он начал говорить ему: «Я все принес, все, что ты просил». Больше ничего не помнит.

Он проснулся и хотел открыть глаза, но не смог. Веки не поднимались. Он пробовал снова и снова, забеспокоился, почему они не поднимаются? Но они чуть приоткрылись, и в глаза хлынул свет. Он услышал голоса, но не мог разобрать, чьи они и о чем говорят. Над ним появилось лицо Володи Дедюрина, недавно устроившегося работать в холдинг. Володя смотрел на него сверху и тоже что-то говорил, но он не мог понять, что. Он хотел сказать Володе, что не понимает его, язык не пошевелился, и он услышал свое мычание.

Сознание вернулось к нему полностью, когда рядом с лицом Володи Дедюрина увидел лицо молодого врача в белом колпаке. Он понял, что находится в больнице и у него отнялись руки и ноги. Володя Дедюрин здесь потому, что он старше всех остальных менеджеров и у него немалый опыт по доставке друзей сначала в реанимацию, а затем туда, куда их Бог пошлет: домой или на кладбище.

Его привезли в палату, поставили ему капельницу. Пузырьки в бутылочке поднимались вверх и лопались на поверхности жидкости. Один, второй, третий – он заснул.

В больнице он пролежал всего десять дней. Врачи и медсестры удивлялись, с какой скоростью к нему возвращалась способность двигаться. На второй день он начал шевелить пальцами и сжимать их в слабенький кулак. На третий смог сесть, а затем и ходить. Лишь стопка белья и одноразовых полотенец на больничной тумбочке у его кровати

говорила о том, что его считали парализованным и готовились ухаживать за ним соответственно.

На пятый день его палата превратилась в место встречи с теми, кто его не забыл, хотя он давно уже уединился и ни с кем не поддерживал отношений. Приехали Гоша Хижняков и Слава Широкий из прошлой спортивной жизни. Приехал Андрей Фокин из Заводоуковска, который напомнил ему о давних поисках гражданских идеалов в политике и экономике. Приехал даже Слава Рудаев, выпускник президентской школы бизнеса, с которым они встречались крайне редко и оба радовались, что редко, потому что Слава врывается в его жизнь, когда оказывался «в полной заднице», как он выражался. Если «задница» была еще не совсем «полная», например, полупустая или совсем пустая, он не тревожил его звонками и, тем более, визитами.

Перед выпиской врач попытался объяснить, что с ним произошло. У вас был микроинсульт, - сказал врач уверенно, - вам повезло, что тромб ненадолго закупорил сосуды головного мозга. Участки, отвечающие за двигательные функции, быстро восстановились. «Мне повезло, мне очень повезло», - соглашался он с врачом и вспоминал, как первую ночь в больнице не спал и повторял раз за разом молитвы, которые, как вдруг оказалось, он все помнит наизусть, даже самые длинные. Из подсознания в ту ночь всплыл пятидесятый псалом Давида. Он мысленно остановился на строчке из него – «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит». Спросил себя: ты понимаешь смысл этой фразы? Монах не зря напомнил ему о жертве. Жертва – сокрушенный дух. Тело его сокрушено, а дух?

Он готов принести эту жертву.

Перебрав в памяти всех, кого знал, он со всех снял свои обвинительные приговоры. Но в голове, а в человеческой голове так и должно быть, возник каверзный вопрос: «Смогу ли я не осуждать насильника?» И признался себе честно: «Нет, не смогу». Хорошо, что среди его знакомых не было насильников. Убийцы – есть, мошенников – десятки, воров и хулиганов – огромное количество, «оборотни», «шакалы», «мохнатые лапы», постоянно моющие друг друга, «воронье», не клюющее себе глаз, - они все есть, а насильников - нет. Бог миловал. Зачем он хотел спасти Корнеева? И его ли хотел уберечь от злобы и зависти людской, от быстрого конца погони его за могуществом и богатством? Он вдруг начал понимать, что нельзя ничем помочь человеку, которого не любишь и к которому лишь испытываешь некую

симпатию, как человеку сильному и успешному. Все просьбы к Небу и молитвы к Господу – лживы без любви, а он не только Корнеева не любит, он никого не любит. Кто для него Корнеев, которого он видел один раз в жизни? Что он почувствовал, когда узнал о его гибели? Обиду, что его молитву не услышал Бог. А разве Бог может помочь тому, кто просит, потому что он, видите ли, обещал Насте просить и молиться? Равнодушие, которое прикрывают словами святых молитв, неминуемо должно быть наказано. Он не только не спас Корнеева, он потерял тех, кого, может быть, и не любил, но к кому относился с уважением, кого ценил, с кем привык жить и работать вместе. Эти люди были дороги для его души. Наказание было ниспослано для него. Зачем? Он хотел спасти не Корнеева и не своих друзей. Он хотел спасти себя, спасти потухающий огонек человеческих чувств, воспоминания о дружбе, последние струнки сердечной отзывчивости, которые еще не порвались к пятидесяти годам и еще способны звучать. Он их хотел спасти. Неужели, чтобы остаться человеком, надо так дорого платить? Неужели надо обязательно ощутить свою полную беспомощность? Он ничего не может изменить в судьбах и мирских делах людей, и если был ему вручен дар видеть отблески будущего, то лишь для того, чтобы первому думать и молиться за тех, кто уже призван и кого уже там ждут. Господи, если это так, управляй миром, который Ты создал, наказывай и прощай, убивай и воскрешай, делай как Ты хочешь, но не как я, и прости за то, что ради выгоды своей я хотел украсть частицу власти твоей!

Когда та ночь в больнице уже заканчивалась, под утро, он смог первый раз соединить на правой руке три пальца в «щепотку». На той руке, которой крестятся. Человек, понявший, что его простили, рождается заново. Он – прощен!

Наступил август, последний месяц уходящего лета.

07.07.07.

